

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2009

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Чем чаще я бываю в Кабардино-Балкарии, чем больше читаю журнал «Литературная Кабардино-Балкария», тем с большим уважением отношусь к культуре двух народов – кабардинцев и балкарцев. Огромную работу делает главный редактор «Литературной Кабардино-Балкарии» Тхазеплов Хасан. Я это говорю не потому, что он мой друг, а потому что я объективен. Я долгое время не мог понять, когда хвалили «Историческую газету», чьим редактором я являюсь. Ну, думал, обычное дело. Но это труд, который должны видеть со стороны понимающие специфику газеты и журнала.

Я уверенно могу сказать, что «Литературная Кабардино-Балкария» является ярчайшим примером толерантности, терпимости. В нем мы видим не только творчество писателей, но и поступки людей, с которыми мы каждый день сталкиваемся. Журнал не ограничивается работами местных авторов, в нем печатаются писатели из разных уголков нашей страны.

«Литературная Кабардино-Балкария» – это своего рода багаж республики. Он имеет огромное культурное значение, через некоторое время, я надеюсь, поднимутся выпуски, и его оценят по достоинству.

Желаю всего лучшего этому журналу и его работникам.

Парпара Анатолий Анатольевич,
главный редактор «Исторической газеты»,
профессор МГУКИ,
лауреат Государственной премии России,
секретарь Союза писателей России,
почетный член АМАН,
действительный член Академии Российской Словесности

ПАЧЕВ БЕКМУРЗА МАШЕВИЧ

Родился 18.01.1854, сел. Нарган КБР – умер 20.11.1936, там же, – кабардинский поэт. В раннем детстве лишился матери. Мать его, урожденная Слонова, состояла в тесном родстве с княжеским родом Хамурзиных. Его дед по отцу Асланбек-Хаджи Гогноко был весьма образованным человеком для своего времени (существует предположение, что он учился в одной из арабских стран). Вероятно, благодаря ему любознательный мальчик овладел арабской грамотой; отец отдал сына для обучения односельчанину Мисосту Тлянчеву, который в свое время учился в Петербурге, был человеком образованным и интересным. Очевидно, Тлянчев обучил подростка русскому языку, письму и чтению, повлиял на его мировоззрение. Позже учителями Пачева были Ляша Агноко, Исмаил Клишбиев, Пинчук Сижажев.

Ранние произведения Пачева тесно связаны с фольклорной поэтической традицией, («Как Бекмурза женился», «Невидимка», «Плач Сосруко», «Плач Нагая»). Уже в раннем творчестве поэт остро реагирует на любые формы несправедливости, социального неравенства, дискриминации личности, как абсолютной ценности. Такая социальная направленность творчества имела под собой объективные основания: Пачев жил в переломную эпоху, на стыке веков, когда происходили важнейшие события не только на его родине – в Кабарде, но во всем огромном пространстве России. Он стал свидетелем трех революций: 1905 г., Февральской и Октябрьской, четырех войн – завершающего этапа русско-кавказской, русско-японской, Первой мировой, Гражданской, явился очевидцем Зольского восстания 1913 г. После первого же своего произведения, с трудом вспомнив собственную строфу, Пачев пришел к необходимости создания адыгского алфавита на основе арабской графики.

Следует различать две стороны его творчества: Пачев-певец и Пачев-поэт. Первая – обычная для адыгов песенная форма, составителем и исполнителем которой испокон веков был гегуако. Пачев в первую очередь гегуако – в этой роли он служит фольклорной традиции, особенно песенной. Но гегуако, впервые переложивший песню на бумагу – это уже поэт. Таким образом, Пачев перекинул мост от народного фольклора к национальной литературе, и это явление по важности и величине трудно переоценить.

Как опытный гегуако, Б. Пачев много разъезжает по «горячим точкам», чтобы быть очевидцем важных событий. Так появляются его знаменитые песни: «Песнь об Алихане Каширгове», «Песня Залимгери Керефова», «Плач Нагая», «Песнь Максиды», «Озов Мурат», «Плач Сосруко» и др. Его песни далеко выходят за рамки жизнеописания и восхваления, что типично для такого рода песен. В них отражены целые явления, общественная жизнь народа. За всеми отдельными трагедиями просматривается зримый фон, на котором подобная картина общей народной драмы естественна и органична – порочная система, несовершенный социо- и миропорядок.

Пачев стал свидетелем геноцида адыгского народа, его истребления, последующего насильственного выселения в Турцию. В этой ситуации он решает выехать в Турцию, чтобы, вернувшись, рассказать об истинном положении переселенцев, которое многими по незнанию идеализировалось.

По возвращении Пачев ходил из села в село, собирал людей и пел им песни о Турции, о бедственном положении мухаджиров. По свидетельству очевидцев, многие семьи после этих встреч передумали переселяться в Турцию и остались на Родине.

В творчестве Пачева нашла яркое отражение революционная тема: в период 1904–1906 гг. появляются такие произведения, как «Князь», «Княгиня», «Мулла», «Заряжайте ружья», «Старуха», «Песня о Каширгове». Эти стихи – политическая реакция поэта на любую форму угнетения, несправедливости. Его поэзия – это призыв к борьбе против насилия, за справедливость.

Поэта волновали не только проблемы и беды Кабарды, – он путешествовал по всему Кавказу, вплоть до Азербайджана. В 1909–1910 гг. Пачев создает большую поэму «Кинжал». Неограниченное самоуправство князей, их неумеренная гордыня приводили к вспышкам народного гнева, раздорам, кровавой резне, которая оборачивалась кровной мстостью.

При всей своей эмпиричности и простоте поэзия Пачева философична («Первые слова», «Жизнь и смерть», «Старость»). Сложный послереволюционный этап отразился в цикле стихов: «Возвращенная Кабарда», «Освобождение», «Наш край», «Эмигранты». О драме человека, не нашедшего своего места в новую эпоху, повествует поэма «Катханов Назир». Горячая надежда на твердые справедливые устои после тяжелого дореволюционного и революционного этапов, Гражданской войны выливается у него верой в Ленина, Советскую власть.

Заметное место в творчестве Пачева отведено сагирическим произведениям. В таких стихотворениях, как «Хвастун», «Лицемер», «Вор», «Болтун» поэт высмеивает весь набор представленных качеств. Светлым оптимизмом проникнуты произведения о новой жизни: «Баксан», «Канал», «Колхоз», «Переселенцы», «Наставления», «Мы победим», «Освобождение». Он пишет о возрожденной жизни, преобразованиях. В 1935 г. вышла историческая поэма Пачева «Кабарда». Автор уходит в ретроспективу становления и развития своей Родины. Поэт воспевает сегодняшний день республики и смотрит с надеждой в будущее.

Последние годы Пачев создал цикл лирических стихов, в которых пытается определить истинные ценности жизни. Эйфория по поводу нового строя постепенно стала затухать – на поверку феодализм и царизм сменились новой диктатурой. Пришедший к власти Б. Калмыков надеялся сделать из Пачева сугубо пролетарского поэта. Он нанял специального человека, дал ему бричку и велел возить поэта по советским объектам. Пачев все посмотрел, но не написал ни строчки о новом советском строе. Однажды Б. Калмыков организовал большое собрание для стариков. Пачев явился туда без приглашения. После выступления Калмыкова он первым взял слово и в поэтической форме принялся критиковать все нынешнее руководство с Калмыковым во главе. Последний подал знак своим людям, и поэта буквально вынесли с собрания. Остается загадкой, почему поэта тотчас же не арестовали. Исследователи полагают, что даже в это время был еще силен иммунитет гегаука.

У Пачева были обширные литературные связи. Поэма «Мое слово о Москве», долгое время считавшаяся утерянной, хранилась у видного абхазского академика С. Н. Джанашиа. «В гостях у него были Михаил Пришвин и Сергей Бондарин... О замечательном сыне кабардинского народа знал и А. М. Горький, который внимательно следил за его литературным творчеством и обязал Ю. Либединского, впервые ехавшего по особому заданию в Кабардино-Балкарию, чтобы тот заехал к Пачеву и тщательно ознакомился с его литературным творчеством». (И. Шибибев. Жизнь и творчество Бекмурзы Пачева).

У Пачева осталось большое творческое наследие – неопубликованные стихи и поэмы, которые он хранил в небольшом сундучке. Его назвали «золотым сундуком». В 1938 г. А. А. Шогенцуков и А. П. Кешоков, не зная о его существовании, поехали в Нартан, забрали его и поместили в КБНИИ. А. А. Шогенцуков взялся за дешифровку алфавита, А. Кешоков и А. Дадов были ответственными за литературную обработку. Вскоре началась Великая Отечественная война, поэты ушли на фронт. «Золотой сундук» сгорел во время пожара КБНИИ – погибло 14 тысяч ненапечатанных поэтических строк поэта.

ОМЕР СЕЙФЕДДИН (ХЪЭТЫКЪУЭ УМАР)

Омер Сейфеддин – Хъэтыкъуэ Умар родился 13 марта 1884 года в маленьком поселке Генен Былыкесирского вилаета, примерно в ста километрах от побережья Мраморного моря.

Его отец Шауки был из числа абадзехских махаджиров, вынужденных оставить свои поселения на берегу Лабы и переселиться на «земли единоверцев». Он долго скитался по Турции, пока в конце концов не осел в Стамбуле, где поступил на армейскую службу. Отважный, умный молодой человек сделал успешную карьеру. В чине майора его отправили на новое место службы в местечке Генен, куда он прибыл вместе с молодой женой Фатимой.

В детстве большое влияние на духовное развитие Омера оказали старые слуги Дадарух (Дадэрыху) и Хабиля (Хъэбылэ).

Начальную школу Омер окончил в родном поселке. Потом учился в Стамбуле, Аксарая, Юсуфполисе, так как отцу приходилось часто менять место службы. Шауки хотел, чтобы сын пошел по его стопам, и поэтому, забрав Омера из лица, отправил его в военную ветеринарную школу в Этюбе. После четырех лет учебы в ней отец перевел сына в училище по подготовке военных чиновников, находящееся в Эдерне.

После окончания военного училища в Стамбуле в 1903 г. молодого лейтенанта направили в Измир нести службу в резервной дивизии третьей армии. В течение двух лет О. Сейфеддин преподавал в жандармском училище, расположенном в этом городе, не прекращая и литературной деятельности. Его произведения часто публиковались в газетах «Себат» («Стойкость»), «Сербест Измир» («Свободный Измир»).

Литературная деятельность О. Сейфеддина началась во время правления султана Абдул Хамида II, которое было названо периодом «зулюма» (режима).

Омер Сейфеддин был наделен Всевышним необыкновенным талантом. Но, как часто бывает в подобных случаях, это не принесло ему счастья. Писатель не был понят ни своими соплеменниками, ни турками, на которых он щедро расходовал свой огромный талант. И хотя прошло уже около века, его творчество до сих пор вызывает много споров и дискуссий.

Мудрый человек, немало испытавший и переживший, он учил тому, что «в этой жизни ни к чему нельзя глубоко привязываться», а тем, кому власть казалась высшим благом, он говорил: «Знайте, никакие сокровища мира не стоят ни одной слезинки ребенка, вызванной горем в его душе» (рассказ «Скребница»).

МАММЕЕВ ИБРАГИМ ШАКМАНОВИЧ

Родился 17.10. 1919, сел. Кенделен Эльбрусского р-на КБР, умер в 2004 г., – балкарский драматург, поэт, прозаик. После окончания средней школы в 1938 г. поступил в актерскую студию колхозно-совхозного театра. Начал писать с 1937 г. Первые стихи печатались в газете, а в 1939 г. вошли в коллективный сборник «Насыплы телю» (Счастливое поколение). В начале 1940 г. поступил на работу в театр и сразу был призван в ряды Советской Армии. Воевал на разных фронтах до окончания войны, принимал участие в штурме Берлина.

Демобилизовавшись в 1946 г., поехал в Среднюю Азию, где в то время находился его депортированный народ. Жил в Джелал-Абадской области Киргизской ССР.

В Нальчик вернулся в 1956 г. Сначала работал в редакции газеты «Коммунизмге жол» (Путь к коммунизму), а когда был восстановлен балкарский театр, перешел работать туда, где трудился до конца жизни. Маммеев награжден орденами Красной Звезды, «Отечественной войны», «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и юбилейными медалями, грамотами Верховного Совета КБР. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный артист КБАССР», член Союза писателей с 1939 г.

Первая книга И. Маммеева «Чалгы» (Коса) вышла в 1958 г. В нее вошли стихи и басни. Личный опыт Маммеева-воина лег в основу его военной лирики. Ретроспективный взгляд автора выхватывает из времен военного лихолетья «дымоходы, как надгробные камни», «деревянные кресты», «пепелища», «фигуру осиротевшего ребенка», образ «рыдающей матери», создающие в совокупности картину разрушительной силы войны. Деструктивной, уничтожающей стихии войны в поэтическом мире Маммеева противопоставит одинокая березка, олицетворяющая силу народного духа и веру в конечное торжество жизни над смертью («Одинокая березка»).

У солдата могут быть разные радости и награды, но самой большой наградой для него является возвращение к мирному труду. Философией отрицания войны исполнено стихотворение «Солдатны къууанчы» (Радость солдата), в котором показаны руки воина, тоскующие по сугубо мирному орудию труда – косе. В лирической форме автор выражает тему интернационализма: в землянке слышится тихая песня балкарца, вплетенная в общую песню народов страны, борющейся с фашизмом.

Дидактическому жанру – басне, посвящен третий цикл его сборника. Каждая басня имеет вид развернутой притчи, в иносказательном смысле содержащей моральное поучение.

Маммеев проявил себя как детский поэт. Основу целого ряда стихотворений составляет художественное разъяснение того, «что такое хорошо, что такое плохо». Автор учит маленького читателя уважительно относиться к старшим, любить труд, избегать лени и постигать науки.

Поэтическое творчество Маммеева составило основу нескольких его сборников – «Санга саугъам» (Тебе мой подарок. 1962), «От жанады» (Горит костер. 1972), «Жерни ауазы» (Голос земли. 1976), «Сайламала» (Избранное. 2000, изданное к 80-летию поэта). В них представлена лирическая и гражданская поэзия автора. Основная тематика сборников – выражение любви к родной земле, природе, жизни, людям, обновленной Балкарии.

Гимном жизни, голосом земли поэт называет мудрость горцев, воплощенную в старинных нартских сказаниях, легендах, сказках и песнях; эта художественная мысль неоднократно повторяется в сборнике «Голос земли».

Ибрагим Маммеев включает в «Сайламала» (Избранное) подборку ранней поэзии, отрывок из поэм «Самат», «Ажым», «Зубайда» и сказку «Белый жеребенок».

В лироэпической поэме «Самат» воспроизводится типичная судьба балкарца-воина. Пройдя долгие дороги войны, он добирается до рейхстага в Берлине, наряду с другими солдатами оставляет автограф победителя на главном форпосте врага. Но по злой иронии судьбы победителя ждет суровое наказание: разделяя участь своего народа, он отправляется на чужбину на долгие годы.

Тема рока, которому должна противостоять разумная воля человека, находит свое художественное воплощение в лирофилософской поэме «Ажым». Вскрывая внутреннюю сущность войны, автор подчеркивает ее смертоносный характер, ее нацеленность на саму жизнь.

В романтической поэме-сказке «Зубайда» прославляется благородство и красота человеческих отношений.

О таланте Маммеева-прозаика читатель может судить по сборнику рассказов «Санга да адамла болушхандыла» (Тебе тоже помогали люди. 1977). Его рассказы представляют собой реалистические зарисовки жизни с ярко выраженным автобиографическим началом.

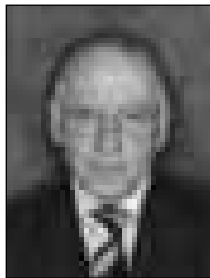
Маммеев по праву считается одним из основоположников балкарской национальной драматургии. Актер по специальности и драматург по призванию, обладает профессиональным чутьем «сценичности», «зрелищности» драматургического текста и специфики его языка. В разные годы на сцене КБГДТ ставились его пьесы «Жаралы жугьутур» (Раненый тур), «Сюймекликни поэмасы» (Поэма о любви), «Шамай кьала» (Крепость Шама), «Нарт Ерюзмек» (Ерюзмек-нарт) и другие, принесшие автору широкую известность как в нашей республике, так и за ее пределами. Жанровую особенность пьес Маммеева можно определить как социально-философские драмы и драмы-сказки.

Тонкая лирика, басня, новелла, драматургия, детские сказки – необычайно широк диапазон литературной деятельности Ибрагима Маммеева. В разработку каждого из этих жанров он внес свой вклад, обогатив их новыми образами, мотивами, авторскими откровениями и своеобразием художественного языка. Современная балкарская литература многим обязана творениям этого самобытного художника.*

---

* При подготовке материалов по памятным датам были использованы материалы из книги «Биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» // Института Гуманитарных исследований правительства КБР и БНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2003.

Алим ТЕППЕЕВ

ВОСХОЖДЕНИЕ НА СТАРУЮ БАШНЮ

Пролог

Полоска света из глубины темного неба всегда тянулась надо мной, уходила за вершины гор, а потом по этой полоске, как по освещенной дороге, прикатывала колесница, которой управляла дева в вышитом золотом хитоне. На ее длинной шее звенели причудливые темные украшения. Я догадывался, что она обладает плотью, способной сокрушить мою крепость, потому что рядом с девой появлялась и исчезала моя рано умершая мать. Она была так же молода и красива, что и дева, и что-то важное хотела мне сказать. Я спрашивал у матери, что она хочет мне сказать, но она молчала. Я спрашивал у девы, кто она и как встретилась с моей матерью, но она только улыбалась. Потом колесница исчезала, и во тьме рождались едва различимые светлые образы; они были до боли знакомые, но я никак не мог определенно сказать, кем они доводились мне. Дева не исчезала вместе с колесницей – она оставалась в окружении звезд, в их мерцании я видел ее лицо, улыбающееся и зовущее. Мне казалось, что в эти минуты я отрываюсь от земли, лечу к звездам, но девушка все молчала. Находясь между небом и землей, я вздрагивал: своим молчанием, да нет, не молчанием, а молчаливым изучением, испытанием, девичьим глубинным ожиданием она как бы продолжала во мне то, что представляли мои земные переживания.

Что-то давящее и ранящее происходило во мне, – черные разящие комки в горле уходили во тьму, возвращались, перебивая дыхание, а светлое еще больше угнеталось под игом неясных, жутко волнующих дум. Видение повторялось наяву и во сне, неожиданно и светло, как чудо, и я не успевал насытиться его явлением. Я ощущал зримо и во плоти все потаенное в загадочном облике девушки: пролетая в колеснице надо мной, она посылала мне весть, подавала причудливые знаки, видимо, стараясь разбудить во мне забытые образы, но я запоминал лишь текучую плавность ее движений. Иной раз в молчании девы прочитывалась книга, которая была мне завещана, но которую я потерял. Девушка словно знала об этом, и будто каждый раз возвращалась, чтобы вернуть мне эту книгу, но забывала. Колесница уходила за горизонт, но образ девушки оставался со мной. Она все смотрела изучающе и нежно, но я ее не знал...

I. Вечер в кафе «Ностальгия»

Я никогда не отмечал дня своего рождения. Не знаю, что было причиной, но как только приближался этот день, меня охватывало какое-то непонятное предчувствие; во сне или наяву появлялись какие-то тревожные голоса, до боли знакомые и в тоже время далекие и совершенно

непонятные. Душа тянулась не к шумному веселью, а, наоборот, искала уединения.

Надо сказать, что в годы моего детства и юности в нашей крестьянской семье никто никогда не думал о таких вещах; и я в свои студенческие и аспирантские годы, а после и на службе избегал всякие дни рождения, хотя все другие вечеринки и пикники любил.

И на этот раз я не собирался каким-либо образом отмечать это событие, хотя и наступала серьезная пора – сорокалетие. Каково же было мое удивление, когда на второй день в своем почтовом ящике я обнаружил красочный пригласительный билет, с колоритным дружеским шаржем в стиле датского карикатуриста Бидструпа на лицевой стороне. Что и говорить, гипербола торжествовала во всем рисунке, особенно мой нос был полон смеха.

«Приглашаем Вас на скромный фуршет. Ваши слушатели».

Так было там написано, а внизу еще приписка: «Вечер в кафе «Ностальгия, 17 мая 94-го».

Меня охватило смешанное чувство: с одной стороны, я был польщен и обрадован внимательным отношением к себе со стороны моих семинаристов, но, с другой – как же это я предстану перед ними с высоты своего возраста? Впервые я почувствовал, что сорок лет – это очень много, так много, что боишься перепрыгнуть и через малую речушку, на том берегу которой ликовет молодость.

В ту пору я работал над повестью о вузовской жизни, и мне было необходимо глотнуть свежего университетского воздуха, чтобы своими глазами увидеть то, что есть сегодня провинциальный вуз, и сравнить нынешнее поколение со своим. Для этого, считал я, потребуется немного времени, ну, может быть, один учебный семестр, и затеял этот семинар бакалавров. Но курс по текущей российской литературе так увлек, и, прежде всего меня самого, что задержался на филологическом факультете несколько лет.

Следует признаться, что работа нашего семинара, рассчитанная по часам на один семестр на третьем курсе, велась весьма отдаленно от поощряемой университетской программы, и не всегда согласовывалась с требованиями факультативных программ. Мы установили свободный обмен мнениями – я пытался довести до сердца моих слушателей, что литература – это, прежде всего чувство, видение, красота человеческих поступков, а потом только идеология. Меня вел какой-то внутренний жадный интерес к миру, ко всему в нем сущему – великому и малому, трагическому и смешному; к тому, что происходило в нем раньше, причем не только с людьми, но и деревьями, камнями, реками; я пытался видеть все разом, представить то, что будет века спустя. И этот ненасытный, непреодолимый недуг – узнавать и удивляться, я думаю, и привлекал студентов в мой семинар.

Я был наслышан об отсутствии прилежания к учебе в среде современного сытого студенчества. Меня уверяли, что и идея семинара столкнется с молчаливым неприятием – нынче, мол, литература не в моде. Честно говоря, настаивая в деканате на проведении такого курса, я и сам побаи-

вался, что сильно разочаруюсь в своей вере. Но надежда и любопытство взяли свое: ведь инстинктом узнавания наделены все люди!

На первом занятии присутствовали несколько девушек и один нагловатый парень. Собственно, они не скрывали от меня того, что теряют зря время. Им было интересно, что это за тип появился на факультете? «Говорят, этот стареющий мужик – писатель?» – «Похоже, ему просто не с кем пообщаться и он хочет отвязаться на студентах». Во всяком случае, всем своим видом они показывали, что если и задерживаются, то только потому, что уважают его писательство и теперь, по случаю, хотят посмотреть на него самого.

К моему счастью, на кафедре предо мною лежало «Евангелие от Льва Толстого». (По пути в университет я заходил в антикварный магазин, к своему давнему другу Унтеману, который и вручил его мне как драгоценный подарок.) Чтобы как-то выиграть время и преодолеть конфуз перед пронизывающими меня насмешливыми взглядами юных садистов, я открыл это ветхое издание и, натолкнувшись на молитву, наверное, не однажды произнесенную великим писателем, зачитал ее.

*Я твоя, и в мире сын я для тебя.
Что ты повелишь мне?
Дай мне богатство или нужду,
Дай мне утешение или печаль,
Дай мне веселье или Скорбь,
Жизнь сладостную и Солнце незатененное;
Ведь я предалась Тебе всей душой,
Что ты повелишь мне?*

После короткой паузы одна из девушек ехидно спросила:

– Вы, значит, из духовной семинарии?

Колесница вынырнула из тьмы, и дева, на мгновенье приостановив бег лошади, громко рассмеялась.

Я, наверное, изменился в лице. Девушка, задавшая вопрос, сделала вид, что смутилась и опустила голову.

– Нет, нет. Мы будем говорить о Слове...

И все – разом:

– О Слове?

– Да. О Слове, как о Боге...

– Ничего себе, – протянула другая девушка.

– И вы... знаете, что это за Слово? – спросила первая. Она успела одолеть смущение и, кажется, решила смягчить дерзость своего вопроса. Но я опередил ее.

– Как вас зовут? – Я уже начал брать себя в руки.

– Мадина, – ответила она.

– Медея она, – поправило ее несколько голосов

– Медея Куманова...

– Так, все-таки Мадина или Медея?

– Мы все зовем ее Медеей.

– Так и я назову вас Медеей, – сказал я, обращаясь к девушке. – Да вы не волнуйтесь. Думаете, ошиблись с вопросом? Нет. Вы точно опре-

делили дух и содержание нашего семинара. Такова женская поэтическая субстанция. Вы, наверное, пишете стихи?

То ли этот неожиданный эксклюзив помог, то ли что-то другое, но тягостная поначалу встреча завершилась почти дружелюбно.

***

Кафе «Ностальгия» было убрано в национальном стиле. Стол, накрытый моими теперь уже друзьями, был сказкой. Может быть, то, что мы называем праздником, есть счастье душевной щедрости тех людей, среди которых мы живем и которых мы любим? Когда я остановился у порога, хозяева пира, стоявшие в глубине зала, как хор на сцене, запели мою любимую песенку «Карачай, ты отец мне и мать». Потом все захлопали, зашумели, и повели меня к столу.

Когда все расселись, Медея, взяв бокал, встала – я так понял, что она является как бы главой праздника, – и в создавшейся тишине зазвучал ее слегка взволнованный голос:

– Мы сразу поняли, что вы, Азнаур Хакимович, очень одинокий человек. – Я пожал плечами в удивлении, но, кажется, никто не обратил на это внимания. Слушали Медею так, словно она говорила о каком-то неожиданном возвращении человека после долгих лет забвения. – Да, – сказала она уже уверенно, – вы были настолько одиноки, что в первое время разговаривали с нами на семинаре как... ну, скажем, как будто вы в чем-то виноваты... – «В чем логика?» – подумал я. А Медея продолжала: – Но вы, Азнаур Хакимович, такой хитрый, так умеете перевоплощаться, что со временем мы, сами того не подозревая, превратились в стаю перелетных птиц, а во главе клина вы! А глаза наши такими зрячими стали, и сердца наши такими жаждущими стали! Спасибо, Азнаур Хакимович! Вы настоящий друг молодежи! За вас!

Начатая на печальной ноте речь окончилась полным мажором и ликованием моих студентов. Когда она, пригубив бокал, села, ее длинные ресницы продолжали чуть подрагивать, а большие карие глаза казались остановившимися.

– Спасибо, Медея, – сказал я, волнуясь, – наверное, сам Бог вложил в мои уста... те слова при нашей... первой встрече...

– «Такова женская поэтическая субстанция». Я это запомнила.

Меня, в самом деле, вдруг охватило одиночество. Я почти физически ощутил предчувствие беды, потери. Рождение и гибель чего-то очень светлого и неповторимого. Я-то думал, что студенты, посещая мой семинар, представляли меня таким счастливым, живущим без проблем в полное свое удовольствие. Наверное, и вел себя адекватно. Все мое богатство заключалось в моей любви к словесности, и я делился им как мог. Я боялся, что мои семинаристы, отторгнутые могучей волной стремления к роскоши от плодоносных духовных берегов, не воспримут жизнь таким же образом, и если будут уважать меня, то – за аскетизм моей любви к парадоксальным явлениям жизни и смелость говорить о литературе, как о познании противоречивой сущности человеческой природы. Но нет, вместе

со стремлением к красивой жизни, в них обнаружилась и жажда к познанию, желание совместить роскошь быта с роскошью быть интересным человеком. Мы иногда ходили слушать классическую музыку, посещали музеи, когда там случались выставки, что касается драматического искусства, то мы не пропускали ни одного нового спектакля и наших, и приехавших на гастроли театров. Так, из повседневных трудов, хождений, бесед и споров и сложилась наша дружба. Скажу, что это не являлось дружбой между преподавателем и студентами, а равных, открытых друг для друга людей – современников. Если мне удавалось повлиять на моих слушателей, беспокоить какие-то дремлющие пласты в их сердцах, то, думаю, все дело было в той атмосфере, которую мы смогли создать общими усилиями – доверием к Слову и друг к другу. Мы с самого начала согласились с мнением Экзюпери, который выше всех благ на свете ставил роскошь человеческого общения. К началу каждого семинарского занятия приходила весна, она заставляла нас всех обновляться и расцвести, и мы забывали о суетных, быстро проходящих вещах.

Влюблялся ли я в своих студенток? Не знаю, как назвать это мое чувство, но для меня они, оставаясь каждая по-своему красивой, привлекательной, опасной для моего возраста, в тоже время представлялись мне как бы аманатами. Этого я им не говорил, но сам строго придерживался табу, которое, как пресловутый меч, всегда оставалось между нами при любых обстоятельствах. Я понимал, что в вопросах любви и морали мои девушки были более раскованны и исповедовали свободу. Был такой случай. Однажды Мадина Гезова, необыкновенно яркая девушка с большими черными, как бы испуганными глазами, задержалась после занятий и попросила у меня время для «исповеди» – так они называли свои откровения о душевных муках, – и, надо признать, делясь со мной своими переживаниями и чувствами, бывали довольно откровенными; я же очень дорожил этим доверием, – так вот, Мадина Гезова решила посоветоваться со мной «насчет одного парня». Новоявленный жених оказался вовсе не «парнем», как она сказала, а разведенным мужчиной и старше ее на семнадцать лет. «Как давно?» – спросил я. «Наверное, месяц уже...» Я не скрыл своего удивления, потому что совсем недавно она говорила о другом «парне», из ее родного селения, которого знают и родители. Еще и до этого я знал, что она встречается с одним кабардинцем, высоким красивым студентом с юридического факультета, который относился ко мне так, как будто я отец Гезовой. Выслушав «исповедь», я пришел в ярость. «Так ты по рукам пойдешь!» – сказал в сердцах. Мне показалось, что Мадина раскрыла свои и без того большие глаза до самых глубин души, и, как ни в чем ни бывало, бросила:

– Так, вы и сами влюбчивы, Азнаур Хакимович!

Я был обескуражен, ошеломлен, словно она уличила меня в воровстве и не нашел ничего лучшего, как сказать:

– Откуда ты знаешь?

– А мы все знаем, – сказала она просто. – Откуда у вас одиночество? – Сама же ответила: – От влюбчивости! – В ее голосе не было упрека. – От любви, как и от молнии, никуда не спрячешься, – повторила

она вычитанные где-то слова. И, не дождавшись от меня одобрительного ответа, глубоко вздохнула.

Сложными наши отношения казались только мне, для девушек же на семинаре они не были загадкой, – простые интеллектуальные отношения связанных в процессе учебы людей. Для моих слушателей, а тем более для меня не существовало на семинаре запретных тем. Однажды Халимат Кадырова, студентка из высокогорного селения Мухол, так и сказала: «Если вы, Азнаур Хакимович, хотите поставить ясные земные интеллектуальные отношения на уровень загадок, которыми объясняются и боги – это ваша воля, мы этот порядок примем. Но при чем тут табу, как меч, в наших отношениях? Зачем вам нести бремя аманата за нас? Для нас это слишком старо...»

На вечере Мадина Гезова была единственной, которая пришла с мужем, с тем, о котором она говорила. Взрослый, но какой-то испуганный, словно он вовсе не муж Мадины, а какой-то чужак, приبلудившийся сюда по случайности. Сидел тихо, в тени Мадины, и толком даже ни ел. К чести Мадины, она, обхаживая мужа, старалась создать впечатление влюбленной, счастливой пары. Глаза ее, полные неопытной страсти, поглядывали на мужа с удивленной любовью, потому что, думал я, ей еще неведома пустота этого человека; она еще уверена, что будет любить его, уже поседевшего, преданно и вечно, будет рожать ему детей; ласкать свое тело прикосновением к его груди, а он, как Руслан Циримов у нас на семинаре, будет шутить невпопад, крутить головой и стараться угождать всем капризам своей броской жены. Мадина Гезова еще не умела ценить свою красоту, свою молодость, тот особый дар женственности, который сводит с ума мужчин; не понимала свой дар по юности, от этого ей казалось, что присутствие мужа делает ее особой среди незамужних подруг. «Но нет, – сказал я про себя, – не может долго держаться эта невитая любовью веревка, порвется, пока счастливчик-муж успеет связать ее края в узел».

Между тем вечеринка продолжалась. Вела ее Медея, и вела очень весело. Обдумывая в промежутке между музыкой и трапезой ее слова в первом тосте, я удивлялся их обнаженности и глубинной прочувствованности. Да, я был одинок; между тем, каким я был на семинаре, и тем, как жил вообще, существовала разница, причем большая. Хотя я и приходил на занятия внешне очень собранным, мои слушательницы, в первую очередь, может быть, Медея, безошибочно угадывали, так сказать, просматривали насквозь всю хаотичность моего существования за пределами филологического факультета. Но мог бы я поведать им, что таится в глубине моего сердца? Да, они, в своей юной непосредственности, открывали мне душу, но ведь я был учителем, а они учениками, тем самым не нарушали богом установленный порядок: они были вправе делиться своими переживаниями, а я – нет.

Я почему-то думал, что на филологическом факультете иных отношений, кроме как уважительных, ну таких, какие должны быть между старшими и младшими по традиции, не бывает вообще. Но, оказавшись здесь, я увидел, что это совсем не так. Студенты не уважали своих преподавателей, а преподаватели, не скажу все, но многие, вообще ни во что

не ставили своих подопечных. Не удивительно, что в первые дни и на моем семинаре проявлялись оттенки лицемерия. Но когда выяснилось, что в литературе больше всего на свете осуждается этот порок, и со времен троянского коня она только тем и занимается, чтобы искоренить его из людских сердец, у нас установились эти, совсем непривычные на факультете, отношения. И, надо же, сразу нашлись люди, способные дать им иной, о боже, даже грязный смысл. «Гарем Азнаура Хакимовича» – ни больше, ни меньше. А Руслана Циримова, парня мягкого и немножко чудаковатого, даже окрестили евнухом. Когда обо всем этом рассказала на семинаре Халимат Кадырова, я, наверное, покраснел. Покраснел то ли от стыда, то ли от возмущения. Я не успел оценить хулителей наших, как Леночка Кимова вдруг запалила:

– А мы не возражаем, Азнаур Хакимович! Вы хотели, чтобы нас называли вашими телками? У нас и так могут. Гарем – это ведь нечто! Нечто высокое, ханская степень, понимаете... – Все рассмеялись, и напряжение вроде бы спало. Но я еще долго смотрю в ее сторону, не зная, издевается она над всеми нами, взрослыми, или на самом деле ставит наши отношения на семинаре выше всяких там разговоров? Симпатичная, бойкая, так и брызжущая веселыми выдумками Леночка Кимова являлась душою нашего семинара. У нее был приятный голос, имела музыкальное образование, и когда мы бывали в театре, любила для нас играть на фортепьяно. Карие, живые, как у белки, глаза шаловливо посматривали из-под темных кудрей, и всегда были полны загадочных мыслей. При невысоком росте и нескладной фигуре, она производила впечатление редкой красавицы, и мы называли ее «фреской».

– Точно, твое место в гареме, – покачала головой ее вечная соперница Лилия Атарова.

– В гарем малорослых не брали, – сказала Леночка без обиды.

– Пусть! – сказал я. – Только не говорите сами. Никогда не думайте так.

Вскоре мы стали забывать о «гареме», как о базарном разговоре, разве только посмеивались. Интерес к семинару не ослабевал, наоборот, число желающих посещать его постоянно росло, и я намеревался набрать новых слушателей в свой «престижный курс». Но, оказывается, на факультете зрело иное мнение, и однажды декан факультета выразил его самым грубым образом.

– Вы что это, Азнаур Хакимович, развращаете молодежь?

– Как это? – вырвалось у меня.

– Ходят такие разговорчики... Что вы с ними деньете и ночьете...

Он так и сказал – деньете и ночьете. В деканате сидели знакомые мне преподаватели, но ни один из них не вздрогнул от стыда.

– И что же? – продолжал я удивляться.

Декан вдруг вышел из себя.

– Что же вы прикидываетесь дурачком! Не понимаете, что означает развращать? Или, думаете, другие слепы? Когда преподаватель среди белого дня уводит студенток из стен университета, черт знает куда и

пропадает с ними сутки... Мы пошли вам навстречу, дали возможность подзаработать, а вы... обдуриваете головы детей разными там вашими сказочками...

Подлое, унижительное слово «подзаработать» сверлило мой мозг, я стоял перед деканом и его ухмыляющимися друзьями как оплеванный и ничего не мог сказать. Не знаю, как долго длилось мое молчание, но когда я поднял голову и посмотрел на моих хулителей, то у меня уже не было никакого желания ответить им. Я написал заявление об уходе, положил его на стол перед деканом и вышел.

Я рассказал будущим магистрам, почему меня вызвали в деканат. Труднее было признаться о своем решении уйти. Но все же, пытаясь убедить их в своей правоте, я сослался на свою занятость, однако они мне не поверили. «Вообще на факультете давно назревает забастовка», – сказал Юра Керимов. Семинаристы готовы были растерзать бедного старорезимного декана, вдруг вставшего за их честь.

– Почему он не думает о «развращении молодежи», когда ему приносят деньги вместе с зачетками? – сказала Мая-Малляу Сабанчиева.

Я пристыдил и остановил их. Могли ли они своей забастовкой остановить погрязших в болоте мздоимства людей? Что могло пристыдить купленных, как на базаре, поставленных на четвереньки родительскими деньгами преподавателей? Юра Керимов, хорошо воспитанный и сильный в учебе студент из Терека, говорил: «Мой отец ни гроша мне не даст, чтобы купить диплом. Он разрешил мне учиться и это немало с его стороны. Если же не получу образования, он меня не то что из дома, из рода выгонит. И, знаете, как эти... – Юра, наверно, вспомнил наши беседы о романе Виктора Гюго «Отверженные», и, точно, кто-то из преподавателей встал перед его взором в облике жандарма Жубера, потому что он сказал: – Как эти «жуберы нравственности» гоняют меня? Каких только вопросов не выдумывают...»

Было решено, что занятия мы будем продолжать, но только не в стенах филологического факультета, а где-нибудь в «нейтральной полосе», как сказала тогда Медея Куманова. Мы нашли такую полосу в институте, где я работал, а бдительный декан факультета не стал ликвидировать у себя на факультете идею моего семинара, только назначил ведущим другого, «морально более стойкого» преподавателя.

В душе я не осуждал декана. Ведь, в самом деле, я никакого понятия не имел о методике обучения в вузах. Я думал тогда, думаю и теперь, что литература – веселая наука, как однажды в Пицунде сказал мне один эстонский академик филологии. Под какую методику можно загнать волнение души человека? Чувство удивления, радости, печали? Многое другое, что испытывает человек в разных ситуациях? А радость победы или горечь поражения, по какой методике объясняются? А таинства сердечных влечений? Прикосновение рук любимого? В моем понимании литература являла собою всю эту гамму чувств, и я не знал никакой другой методики, кроме как общение людей, не ставящих между собою ни сословных, ни возрастных, ни каких-либо других преград.

Занятый своими думами, я вдруг обнаружил, что не вижу и не слышу того, что происходит за столом и в зале. Уже не было той первоначальной скованности, которая все же ощущалась в начале. Юра Керимов переговаривался с мужем Мадины, а двое молодых людей, очевидно, приглашенных на вечер, в дальнем углу зала о чем-то спорили с Лилией Атаровой. Я и раньше восхищался красотой моих семинаристок, но в этот вечер они были просто необыкновенными! Пусть называют их на факультете моим гаремом, думал я, пусть ходят разные слухи о нас, но мы породнились, Бог связал нас своим Словом и Духом, и всем нам хорошо от этого.

Так считал и аспирант Юра Керимов, успевший опубликовать интересную работу о кабардинском стихосложении, и высокая, с осанкой Нефертити, Таужан Емузова. Да, это было собрание звезд, цветов и птиц; собрание, затеянное небом для меня, для того чтобы показать, как может быть счастлив человек в общении с юностью, как он может возвыситься над обыденным, суетным, забыть, что в мире существует и одиночество.

– Вы слишком много думаете, Азнаур Хакимович. Уверяю вас, все не так печально... – Звонкий голос Таужан Емузовой вернул меня к вечеру. – А то, сдастся, Медея насыпала слишком много соли на вашу рану.

– Нет, нет, все нормально, Таужан.

– Слово скажет Сабанчиева, – объявил Юра Керимов, тамада стола.

Мая-Малляу встала. Держа бокал вина обеими руками, она окинула меня ясным, вопрошающим взглядом. И, уже не отводя его от меня, сказала:

– Не кажется ли вам, Азнаур Хакимович, что в наших отношениях есть нечто библейское? Во всяком случае, вы так открыли мир этой книги перед нами, что вряд ли кого из нас покинет ощущение, что когда-то мы жили на библейских холмах...

– Это же очень хорошо, – сказал я.

– Не знаю, но я хочу выразить свои чувства словами из этой книги. – Когда она так сказала, я почему-то встал. Это получилось не преднамеренно, не ради чего-то, а каким-то внутренним велением, зовом, не подвластным моему сознанию. А другие за столом и так стояли. – «Ваши блаженны очи, что видят, – произнесла она с глубоким чувством, по-прежнему не отводя своего взгляда от меня, – и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали...» – Локоны черных волос еще сильнее оттеняли белизну ее шеи, вообще, вся она была неправдоподобно величественной и вдохновенной. Задумавшись на несколько секунд, она продолжила: – Но вот, многие «пророки» и «праведники» нашего факультета не увидели нас, не услышали нас, а вы и увидели, и услышали. Мы были как все, но теперь стали другими, может быть, чуть-чуть лучше. Я хочу сказать, дай бог каждому в молодости иметь такого учителя... – Ее прервали аплодисментами. Она, наконец, отвела свой взгляд от меня, постояла, опустив голову, а когда снова все притихли, сказала: – Мы вам поверили, и мы хотим, чтобы и

вы нам верили. Дело даже не в том, что вы говорили нам хорошие слова, заставили смотреть на мир иначе... Главное, мы увидели, что наш учитель честный, неподкупный человек, и рядом с ним надежно. Спасибо вам. За вас!

Мы с Маей-Малляу были из одного селения, и, как землячка, она считала себя наиболее приближенной к «престолу». Она так и говорила: «Я престоломейстер», и мы привыкли к этому тоже, как привыкли к бесстрашию ее натуры – всегда новой и всегда неожиданной. Маей она была только по паспорту, а в доме, в роду, в том числе и я, звали ее Малляу. На семинаре же мы объединили оба ее имени и говорили Мая-Малляу. Так вот, Мая-Малляу была у нас запевалой и большой книжницей. Увлекалась она философской литературой, читала Зигмунда Фрейда, а уж Сартр и Альбер Камю были ее постоянными спутниками. Я ломал голову, откуда у этой деревенской девчонки такая полнота жизни и энергии? Как бы играючи она успевала читать и писать, петь и танцевать, спорить и удивляться. И, здороваясь, умела так улыбнуться, словно кодировала в этой своей улыбке светлое обещание дарить счастье тому, кто ее позовет. В самом деле, она и одаривала нас на семинаре своей юной красотой, зреющей женской нежностью. А когда она шла по широкому коридору факультета своей царственной походкой египетских крестьянок, выставляя высокую шею, невозможно было не любоваться ею... Иногда я думал-гадал, может быть, у нее корни из берегов Нила, где у женщин от постоянного ношения колец шеи становились высокими и ровными. Но по неправдоподобной нежной белизне кожи она никак не походила на смуглых египтянок. «В детстве я сварилась в молоке, – призналась она мне однажды. – Вот откуда у меня белизна...» Да, было такое, в двухлетнем возрасте она упала во дворе в котел, где кипятили молоко. Но кипящее молоко оставило на ней лишь свою белизну и горячее дыхание.

Я не знаю, как сложится ее судьба, но для меня совершенно ясно, что жизнь ее будет нелегкой, может быть, промелькнет, как в трагических тучах звезда, а, может быть, и сложится так, что Бог на небе, за звездами, будет долго с лаской глядеть на нее.

II. Святой, слагающий песни

Наверное, все присутствующие на вечере отметили про себя, что откровения Медеи произвели на меня сильное впечатление. О том, о чем говорила она, знала и Мая-Малляу, и, наверное, по-своему переживала, но так резко и откровенно о моем одиночестве она не могла говорить. Все же в ней было что-то родственное, что заставляло ее сдерживать эмоции при мне... Теперь, когда Медея уже вынесла на суд мое состояние, интересно было узнать ее реакцию. «Сабанчиева не будет Сабанчиевой, если не выкинет что-то нежданное», – думал про себя. Я ждал, что она вспомнит какую-нибудь смешную историю из наших походов или расскажет притчу, полную иносказательного смысла. Но она вместо всего этого сказала такие слова, которые, может быть, вынашивала все последние дни, готовясь устроить для меня этот вечер. Но в моем лице вместо благо-

дарности она прочитала вопрос и уже потом, когда снова начались танцы, она хотела ответить на него, сказать мне что-то очень важное, но я видел, как она силится поймать нить, уловить момент. И не потому, что она не знала, как это красиво выразить, мне кажется, это был такой момент, когда Мая-Малляу вообще испугалась своих мыслей, будто они были связаны с чьим-то секретом. До поры до времени ей казалось, что проще простого приоткрыть его, но в час откровения она вдруг обожглась, как тогда, когда упала в молоко. Правда, тогда Мая-Малляу не успела почувствовать ярость кипящего молока, тут же она просто растерялась от жара открывшегося секрета. Потому и боялась посмотреть в мою сторону, я же наблюдал за нею, охваченный обаянием растерянной красоты – ее волнение переходило ко мне. Не знаю, сколько времени это длилось – несколько секунд или вечность, но когда она опомнилась, вышла из оцепенения, то, как ни в чем ни бывало, пригласила меня танцевать.

– Я тут вспомнила одного святого из Ницше, – сказала она в медленном танце. – «Я слагаю песни и пою их, – говорил тот святой. – Когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я Бога...» Я хотела бы адресовать эти признания святого вам, Азнаур Хакимович... – Мая-Малляу ликовала: нашла же способ как выразить секрет, но при этом остаться вне подозрения... Ее губы еще что-то шептали, видно, еще находилась в стихии старца, пением, плачем и бормотанием славящего Бога. Но что Бог нес в дар старцу? Что я – той, которая приходила ко мне в образе древней богини? Загадочный, а, по сути, страшный Ницше, задавая вопросы, любит плести интриги, никогда не показывая дорогу к истине. И здесь... Старец, повторяя имя бога в любви и молитве, остается загадочным. Может быть, все это у него от одиночества?

– Не вижу смысла притчи... Я – не святой.

– В том-то и дело, что вы – не святой, а ведете себя как святой. – Она говорила, глядя мне в лицо, как это делают сестры, когда уговаривают брата жениться, или учат уму-разуму. – Я, конечно, дико извиняюсь, но у меня есть основания говорить так. – Она звонко засмеялась, словно кто-то пощекотал ее невидимой рукой или кто-то невидимый строил ей гримасы, – не знаю, что и как, но Мая-Малляу уже не могла остановиться. Видения мои раздваивались; душа то тревожилась, то оказывалась далеко за пределами вечеринки, и, как жеребенок-стригунок, запрокинув голову, мчалась где-то в верховьях Чегема, где, должно быть, уже пробивалась трава. Я увидел там своего двойника. Он бежал, спотыкаясь на мышинных тропках, падал на колени, смешивался с комлями прелого сена, спешил, как будто гнался за кем-то или чем-то. Потом я уже сам лежал на ложе прошлогодней копны и, воздев руки к небу, благодарил бога за его щедрый дар знать, что – знать, удостоиться внимания дочерей земных, таких красивых и бескорыстных...

– Жизнь, оказывается, такая штука... – Мая-Малляу не обращала внимания на испуганные жесты Медеи, которая сидела за столом. Я не видел выражения ее лица, но боковым зрением, по еле слышимым сигналам я замечал, что она удивлена и насторожена нашим разговором в танце. И вовсе не интимностью признаний Мая-Малляу, а, наоборот, тем, что

она, будто бы говоря о себе, бессовестно выдавала секреты, которыми Медея всегда делилась с нею. Глядя на Мая-Малляу, я видел Медею, видел, как ее пальцы на столе нервно скомкали салфетку... А заводившаяся Мая-Малляу и не собиралась остановиться. – Все в ней загадочным образом связано... Прошрое и настоящее... Молодость и зрелость... Вы, Азнаур Хакимович, придя к нам, сказали: «Будем говорить о Слове, как о Боге...» Никто нам – ни в школе, ни здесь, на факультете, этого не говорил. Так могли бы мы остаться к вам равнодушными? Мы – нет, а вы?

– К вам пришел учитель, а не потенциальный жених.

Но Мая-Малляу продолжала свое.

– Ведь мы все мечтаем о своем рыцаре... Не правда, что все девушки мечтают только о богатых женихах... Как ни странно, мечтают и о тех, которые умеют говорить о Слове, как о Боге... Однажды вы рассказали нам красивую притчу... Как учитель, узнав, что его ученицы влюблены в него, отругал и отпустил их, сам же преклонил колени в молитве, чтобы Бог разделил его на столько частей, сколько было их, девушек, и из каждой части сотворил юношу в его облике, представил их всем влюбленным в своего учителя девушкам. Тогда бог осуществил просьбу учителя, а ученицы его были счастливы... Так почему вы рассказали нам эту притчу, если сами не способны на такой же подвиг?

– Ну, ты Сабанчиева, разошлась, – воскликнул я.

Мая-Малляу будто и не слышала моего удивленного возгласа, если и слышала, то он раззадорил ее еще больше.

– А ведь может случиться так, что наш учитель встретит девушку, которая полюбила его, готова принадлежать ему, а он не видит...

– Не ты ли это, Мая-Малляу?

– Нет, не я, Азнаур Хакимович.

– Кто же тогда?

Мая-Малляу опустила голову, некоторое время напряженно молчала.

– Что же делать, если с девушкой случилась такая драма? – сказала потом, глядя мне в лицо. – Пока вы славили Слово, как Бога, она унеслась. – И еще помолчав: – Учтите, потом будет поздно.

Тут кончились танцы, и она, если даже и собиралась сказать что-то еще, не успела.

***

Сначала Медея, а потом Мая-Малляу окончательно сбили меня с толку. По существу, они вывернули наизнанку все, что я скрывал от них, скрывал и от самого себя. Но, оказывается, человек не может вечно бороться с самим собой; наступает такой час, когда он с ужасом осознает, что тысячами нитей связан с другими людьми, что жизнь его запрограммирована, закольцована так, что не может существовать отдельно. То, что возникает, зреет в сомнениях в одной душе, передается другим, переплетается с другими судьбами. Живя рядом, общаясь, делясь своими знаниями, взглядами, впечатлениями, я наивно полагал, что только учу, оставаясь вне поля их девичьих интересов, что передаю им знания, на-

правляю их умы, а себя держу на дистанции. Я понял, что это совсем не так. Нет, оказывается, вольно или невольно, складно или неуклюже, я открывал и себя самого. Две мои наиболее продвинутые, как ныне говорят об успешных людях, студентки играючи рассеяли эту иллюзию.

Я воображал, что жаркие споры о литературе, прогулки по театрам и музеям, бескорыстная дружба со ставшими вдруг дорогими моему сердцу людьми, помогут остановить стремительное наступление старости, разжечь угасающее пепелище моего очага и заполнить беспощадную пустоту, образовавшуюся в моей жизни в последние годы. Мне казалось, что так на самом деле и происходит; на пороге своего сорокалетия, я уже не так воспринимал тонкие поджатые губы моей алано-хазарской жены, и мне не казался хищным ее неизменно добропорядочный вид. Неужто повеяло теплом в моем доме, думал я. Душа смирилась и успокоилась. Такое могло быть, потому что занятия на филологическом факультете как-то оживили меня, придали смысл моему существованию, это-то и отразилось в моем доме, будто над ним снова повисла радуга. Я согласился с тем, что любое состояние имеет свою границу: как только опустошенность достигает предела, как возникает некое движение. И по мере того, как это движение начинает получать отклик, оно светлеет, обретает уверенность. Во всяком случае, я ощущал новизну происходящего – оно источало красоту, красоту общения, духовных открытий, и, в конечном счете, красоту самопознания.

Душевная смута и встреча с юностью спровоцировали сокровенность встречи с самим собой: обнаружилось, что в тайне сосредоточения в себе самом, в этом тончайшем ауральном свечении, душа трепещет и мечется в поисках выхода из беспросветного забвения и обретения себя в наипредельной полноте. Код, зашифрованный в глубине души, направлял мою волю на поиск своей половины, той половины, которая сотворена для меня на небесах промыслом Божиим, и покуда я не найду ее, нет мне ни покоя, ни равновесия, ни удовлетворения своей сущностью. Так, не жажда литературного сотворчества, не желание обучать молодых, а именно смутное движение, возникшее в моей душе, привело меня на этот семинар. Не стремление к духовному совершенству, а поиск своей половины вел меня все эти годы и дни. Не профессиональная тяга, а промысел Бога водил меня, заставлял так вжиться в мир этих людей.

III. Старинный танец

Я не помню, когда это началось, но с того самого часа, как однажды, в глубине темного неба появилась полоска света и я увидел колесницу, катящуюся по ней, как по освещенной светом дорожке, а на ней – деву с царственной осанкой, а потом, через годы, на филологическом факультете увидел ее, жизнь моя окончательно запуталась; я стал жить одновременно в двух измерениях, не всегда четко ориентируясь, когда в каком состоянии нахожусь – реальном или виртуальном. Меня мучила тайна схожести этих лиц – девы на колеснице и Медеи на семинаре. Такое совпадение не могло быть случайным, – я, наверное, когда-то жил другой жизнью, и в той, другой жизни, может быть, дева в колеснице была моей парой?

Словно молнией, ударила меня эта догадка. Мне хотелось кому-то открыться, поделиться с кем-нибудь обуревавшими меня чувствами. Я с потаенной надеждой посматривал в лица моих студенток. В этот вечер – особенно. В порыве душевного переполнения я мог открыться кому угодно – Юре или Руслану Циримову, а то и всем – ведь они все были мне как родные. Но всякий раз в момент откровения надо мной звучал какой-то шорох, проносилось какое-то дуновение, что-то обжигало мне лицо, и я отступал, устыдившись своих мыслей. Потом, успокаиваясь душою, я видел всю смехотворность положения сходящего с ума в сорок лет мужика, с двумя взрослеющими детьми – дочерью и сыном, любящей женой. Смешным и жалким казался я себе в такие минуты.

То, что рождалось, росло и укреплялось во мне на этом вечере, нельзя было назвать иначе, чем проявлением легкомыслия. Я умел сжигать свои чувства в самом их зародыше, как сжигал исписанные листы, когда написанное меня не удовлетворяло. Я еще не знал, какие мотивы самопринуждения потребуются, если откроюсь, если скажу кому-нибудь о своих видениях, о переживаниях, которые я испытываю в связи с этим? Еще ничего не зная о будущем, я пытался соразмерить силу своего трепета перед гипотетичной избранницей. Тот свист птичий, шорох или звук, которые звучали в моем сознании почти одновременно с появлением колесницы, повторялись, как только появлялась предо мной эта девушка на семинаре. Прежняя размеренная жизнь моя давала трещину; трудно становилось разобраться, соразмерить настоящее и будущее. По утрам просыпался с почти телесным ощущением разгорающегося огня во всем теле, и этот огонь все чаще доводил меня до правдоподобной галлюцинации. Пламя, горящее в темных глубинах моего тела, все усиливалось и бессовестно толкало меня к совершению поступка.

Когда этот смутный, сулящий мне страдания порыв одолевал меня, я приходил к своему Дереву в нальчикском парке. В нем я видел сотворения мира, слышал его запахи и мелодии. Оно вдруг трепетало, само собой встряхивалось, и его волнение окутывало меня, я переполнялся добрым светом, отзывчивостью ко всему, что лежало, росло, сияло и дуло вокруг моего Древа. Снова становился отцом, сыном, братом, мужем и от этого мне бывало хорошо. Но стоило мне подавить хоть на миг душевную смуту и одержать победу над одиночеством, как тут же отступало все то, что имело смысл для меня; я становился маленьким, пустым, раздражительным. В такие дни мир раскалывался надвое, как два берега, и тьма окутывала мою дорогу. Я начинал ненавидеть свои занятия, шумные прогулки, разговоры о живописи и театре... Конечно же, мои бакалавры это замечали, тем более студентки. Ведь женщины, даже в юном возрасте, понимают все без объяснений, хорошо чувствуют душевное состояние мужчин, в каком бы возрасте они ни находились и что бы это заступничество им ни сулило – беду или радость, – они бесстрашно бросаются на выручку: если беда, они готовы ее разделить; если радость – украсить ее. Я это знал.

В случае со мной, замысел Бога был начертан таким образом, что

я взбунтовался здесь, на своем вечере – кажется, взломал все преграды, которые держали меня. Медея – вот моя половина, решил я. Если сойдет, значит, бог сулит мне счастье и смысл моим трудам; если не сойдет – то это тоже воля бога, – ликующий восторг одиночества – мой удел! Истину говорила Мая-Малляу: другого случая может и не быть.

Но пока... Пока я соблюдал ровное отношение ко всем девушкам моего семинара и танцевал со всеми, только с Медеей задерживался чуть больше.

Играли «Дворянскую кафу». Юра Керимов пригласил Медею. Она сразу же вошла в образ княжны и плавно поддержала приглашение «князя». Не прошла, может быть, и минута, как все присутствующие были охвачены танцем. Это был триумф слияния гордой осанки черкешенки и волшебной невесомости птицы. Начало движения и вхождение в ритм можно было объяснить чем угодно, но только не усилием ног, невидимых под длинным вечерним платьем. Я видел Медею плывущей, как коническое облачко в тихий безветренный день. Она была полна трепетом смутного предчувствия любви. Не нарочитая, свободная законченность каждого жеста, идеальная связка симметрий, синхронность исполнения толкали в мое сознание крамольную мысль абсолютного превосходства этого танца над всеми другими танцами Кавказа. Медея не могла говорить без волнения об этом танце ансамбля «Кабардинка», я сам испытывал огромное наслаждение, когда приходилось смотреть его в исполнении ансамбля. Но что Медея сама танцует его так – я и представить себе не мог. Да, это была танцующая в невесомости птица. Мне казалось, что она уже не помнила себя, потому что растворилась в танце, в его музыке... И еле заметные улыбки, и неожиданные приливы грусти были у нее не знаком правил движения в танце, она истинно наслаждалась, танцуя, и ни о чем другом не думала. Помнила лишь одно: она была рождением этого танца, и эта дума заражала танец, и она заражалась в нем сама.

Когда молодежь перешла к современным танцам, и я пригласил Медею, я был намерен поговорить о смысле ее тоста о моем одиночестве, но первое, что я мог произнести, – это восторженные слова о том, как она танцевала «Дворянскую кафу». Кончики ее пальцев трепетали у меня на плечах, те слова, которые комками жара обжигали мое горло, застревали в глубине. «Сказать все и умереть!» – клокотало у меня в груди. «Держи себя! – кричал другой голос, – держи себя, не теряй голову!» Такого волнения я никогда в своей жизни не испытывал.

Охранная магия не действовала, покидала меня. И Медее приходилось поправлять мои движения в танце. Мысли путались. Если человек полюбил, вопрошал я, – если полюбил, не имея на это права по возрасту? Вопреки своему положению в обществе? Слава или бесславие его ждет? А если все же полюбил, почему его должны осуждать, снарядить за ним гонца зла? Получается, что каждый живой человек подвержен любви и каждый человек таит в себе злобу против любви...

С другой стороны... Как оно возникает, это чувство? От чего оно зависит? Почему одни радуются, видя влюбленных, а другие страдают? Почему, например, из одиннадцати моих студенток похожей на небес-

ную преследовательницу оказалась только Медея? Что это за сила, где ее истоки?

Сначала я думал, что это лишь тяга к общению; общение в этот период моей жизни было моим восхищением жизнью, может быть, предчувствием... Но в этот вечер я вдруг понял, что все время шел к ней... Что за необъяснимая сила вела меня? Тоска по другому общению? Желание избавиться от накопленного многими годами молчания и каторжной работы? Поиск понимания, единомыслия? Когда ты оказываешься под наваждением этих чувств, как под завалом в горах, тебя вдруг тянет к одиночеству. Суеверная, пугающая сила до поры до времени дремлет, таится в тебе, ты знать не знаешь об этом, но вдруг извергается вулкан, обрушивается водопад, и не можешь постичь, как долго задерживал ты свое дыхание. Но однажды всходы зрелого лета начинают озарять все ближние тебе места, и ты выпускаешь его залпом, чувствуя, как душа освобождается и светлеет.

– Медея! – сказал я вдруг.

– Что!!! – шепот Медеи прозвучал как крик. – Что? – повторила она уже более спокойно, склонив голову в сторону.

Я вздрогнул от пронизывающего тока шепота, его нежной интимности и доверия. Боже, какой из звуков земного круговорота может сравниться с женским шепотом, его кротостью, милосердием! Медея спрашивала шепотом, но в ее тихом голосе было больше житейской смелости и доверчивости. Он вызывал к ответной интимности и решительности. Я мог крикнуть, чтобы остановили музыку, танцы, взять ее за руку, выйти на середину зала и объявить, что поймал своего небесного ангела, что Медея сужена мне небом! Но вместе всего этого сказал:

– Я так благодарен за вечер...

– Вот чудо...

Что в этом горячем комке голоса, вырвавшегося из смущенной груди, таилось, не мог понять никто из нас – ни сама Медея, ни я. Да, конечно, она выражала что-то очень важное для себя, но притворялась беззаботной.

– Что переполняет ваше сердце – отчаяние надежды или разочарования? – спросила она.

Медея была как-то странно устроена: казалось, что ей не ведомы сложности людского бытия; видя что-то огорчительное, она не сосредоточивалась на этом, будто считала это чем-то мимолетным, несущественным в человеке; взгляд ее просто скользил по шуму, словно то, что она видит там, за горизонтом, важнее всего. Я также не помню, чтобы Медея меняла цвет волос; бывали у нее разные прически, но какую бы прическу она ни делала, она никогда не выставляла волосы, не играла ими, оттого, наверное, лицо ее оставалось главным в ее облике. Выше среднего роста, стройная, гибкая, с косой смолых волос и кожей мраморной белизны, с широко открытыми, удивленными глазами, она была эффектной, яркой и в то же время напоминала эфемерный цветок, прозрачный и неощутимый, как утренняя дымка альпийских лугов... Ее движения в нашем танце, как и в «Дворянском кафе», были пластичны и законченны – в них было то же обещание, что и давалось молодому князю в старинном танце. Медея

обладала всеми чертами свободы, свойственной современной молодежи, хорошо сознавала свое собственное очарование, но в ней не было ни капли высокомерия или намека на него. Что бы она ни делала, все как будто бы было у нее от рождения, от природы своей самости и доброго наследия, и, как я наблюдал, мало кто мог заметить, в какой день в каком одеянии и в каких украшениях она приходит, – она приходила, это было заметно, но в чем она пришла и какие украшения на ней, на это мало кто обращал внимания.

– Я даже не знаю... Наше время – время разочарований...

– Отчего же?

– Не знаю... – И тут же: – У тебя есть жених? – Это был неожиданный предательский вопрос. Будто она торгует на базаре абрикосами, а я спрашиваю: «Сколько стоит кило?» Что с того, если даже есть у нее жених? Девушку сватают тысячи, но женится на ней один. С другой стороны, ответ Медея на мой старомодный вопрос «да», на что я мог в дальнейшем надеяться? Расстроенный окончательно, в сердцах бросил, не дав ей ответить. – Впрочем, какое это имеет значение...

– У меня много друзей... И вы в том числе...

– Медея...

– Если о слонах... Нет, лучше о китах...

– Почему?

– Потому что земля держится на трех китах...

– Нет, на трех словах...

– Каких? – быстро спросила она.

– Я тебя люблю... – Испугавшись своей смелости, перевел акцент на всеобщее согласие людей через красоту любви: – Покуда люди будут признаваться друг другу в этом, земля будет держаться.

Медея покраснела, опустила голову на мое плечо. Но тут кончились танцы, и мы, на секунду замешкавшись в середине зала, отошли к стене. Она посмотрела на меня как-то странно – оказывается, я забыл отпустить ее руку – средь танцевального шума продолжал держать ее, словно боясь, что если отпущу, то она уйдет навсегда. Медея отвела взгляд, но не стала отнимать руки. В ее взгляде было столько чувственности чистой женщины, что я вздрогнул и потупил глаза, потому что в следующее мгновение она выплеснула на меня целомудренную любовную негу, а потом тихо сказала, закрыв меня от веселящегося люда собою:

– Азнаур Хакимович! Вы, наверное, бык по гороскопу?

– Да.

– То-то и оно... Если земля держится не на трех быках, а на трех словах, то и вы можете держаться на них. Но при этом, наверное, следует быть вам более смелым.

И я увидел, она давно прочитала мое сердце и понимает, почему я держу ее руку так крепко, почему говорю притчами о том, о сем, хотя душа и вопит о главном... А потому я стою возле нее, точно обнаженный, оттого-то она и прикрыла меня, собираясь сказать то, чего не говорил мне никто. Да, я увидел, что Медея все понимает, и когда она захочет, вернее, когда я позову ее, она пойдет со мною на край света. И не будет выпра-

шивать о прошлом, о прежней жизни, чем я заполнял дни свои прежде, когда в моем пути не было и в помине филологического факультета. Что за дела, ну жил где-то этот бездумный грешник, везунчик, говорящий одни и те же бессмысленные слова... Она узнает обо всем этом в пути, в постельной неге, и будет радоваться тому, что через грех и раскаяние пришло к нему озарение, что иначе он и не мог бы так глубоко постичь смысл слов и глубинной проникновенности музыки...

– Медея, давай сходим куда-нибудь? Я имею в виду вдвоем...

– Куда? – спросила она удивленно.

– Еще не знаю – Я действительно не знал, пригласил-то не подумав.

Но и не хотел предлагать что-то банальное: парк, кино, ресторан...

– Ладно, не важно...

– Что?

– Я с удовольствием. – И вдруг, как-то в отчаянии, она снова прикрыла меня собою от всех присутствующих в зале и выпалила разом: – Разве вы не видите... не видите, как мне хорошо с вами! И, знаете, почему? Потому что я делаюсь другой в вашем присутствии! Вы не думайте, что я всегда такая, как при вас... Когда вы рядом, я становлюсь другой, я рождаюсь и расту... И все мы делаемся другими при вас, все мы, заложницы вашего гарема... Потому что вы такой человек. Я думала, что мудрее, обаятельнее, интереснее моего отца нет на свете мужчины, но вы оказались даже лучше моего отца. Признаюсь, да...

– Медея... все это ты говоришь... прости меня, чтобы украсить мой вечер...

– Нет, Азнаур Хакимович, нет.

– Прекрати, ты ставишь меня в неудобное положение.

– Вы единственный, кто может внутренне умирать и рождаться вновь! Вы сколько лет с нами делились, а главную свою тайну все скрывали. Я говорю о вашей способности умирать и воскресать. Вы даже не подозревали, что мы видели, как вы умираете, а потом возвращаетесь к жизни...

Я прекрасно сознавал, в какое время нравственного падения мы живем, да и сама моральная атмосфера на филологическом факультете, с которым она была еще связана, не располагала к откровенности. Чувства мои были глубокие – на этом вечере, я думаю, это было видно не только Медее. Но могли ли они иметь счастливое продолжение? При всем при том, что Медея была сильная девушка, строго регламентированные родовые традиции не могли ее так просто отпустить на волю, смириться с ее капризами. Да и сама Медея, воспитанная в строгих правилах, поплакав в тиши, могла опомниться – поменять романтику на реальность. Не могла усомниться и в том, что, верный адыгскому этикету, Мурат прививал, я полагаю, единственной дочери самые изысканные правила поведения, и ее доверчивое, уважительное отношение ко мне могло казаться чувством. Все мои красивые намеки, иносказания Медея могла принимать за игру и, шутя, поддерживать диалог, при этом ничем себя не выдавая.

– Пойдемте, посидим в уголочке. – И пошла в дальний угол зала, увлекая меня за собой.

Я сознавал необходимость открытого разговора, честного, не оставля-

ющего никаких иллюзий относительно нашей будущей совместной жизни. Я считал, что это мой долг старшего, что выше долга учителя. Я просто не имею права дать волю чувствам, воспользоваться обыкновенной романтикой юной души. Лучше будет, думал я, перевести порыв ее души в любовь к словесности, погасив тем самым в зародыше ее заблуждения, а себя – остановить вовремя. Я отмечал это и раньше, видя ее способности к словесности, к тому чуду, которому я сам отдавал больше времени в последние годы.

Но когда мы уединились в темном углу зала, я растерялся. Силясь начать разговор, никак не мог найти нить; запинаясь, смешивал русские слова с балкарскими, да так неловко и бессвязно, что она, сидя рядом со мной, все ниже и ниже опускала голову. Она как бы машинально взяла кем-то оставленный на столе какой-то неприличный глянецовый журнал, и теперь, будто не зная куда его спрятать, волновалась, нервничала. Длинные стройные пальцы ее скользили по зелено-желтой поверхности бумаги; растерянно вытирали несуществующую пыль. Меня вдруг осенило, что волнуется она не за себя, а за меня, но выправляла она ситуацию с большим тактом, по-женски догадливым поведением. Это и воодушевило меня на разговор о словесности.

Это было первым моим поражением перед нею, проигрышем, который надолго отбросил меня назад из ее взрослеющей жизни. Медя так ничего и не поняла из моего путаного разговора, даже, кажется, была разочарована, не найдя объяснения столь неожиданному моему малодушию или учительскому тону. Ведь в аудитории, на лекциях вроде не бывало у меня такой сумбурности; мне самому было всегда интересно говорить по теме, и это передавалось студентам.

– Вы все говорите притчами, Азнаур Хакимович...

– Я все думаю...

– Вот именно, думаете. Думаете... – Она резко встала, нервно бросила журнал на лавку, где мы сидели, и ушла.

Зарина КАНУКОВА

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ КАНОН

***

Неумелая? Или хоть что-то
мне удастся? Ну да, может статься...
Капитан самодельного плота,
я тебя пригласила кататься.

Но едва лишь отчалили, тотчас
уяснили: плот выстроен наспех.
Вот плывем мы, испуганно морщась, –
поднимают нас окуны на смех.

Так ли важно, что море безбрежно?
Ведь тебе на асфальте привычней –
ты другим сообщаемь небрежно:
«Я – такой же, как все, я – обычный».

Кто же знал, что все так обернется!
Нет, Нептуна совместно бояться –
не забава для взрослых. Мой боцман,
нам, быть может, пора возвращаться?

Да, в обыденность, словно бы в кокон,
норовишь ты уйти со стараньем,
но поверит ли этому окунь –
тот, чьи жабры копьем ты поранил?

***

Устлали камни дно моей души,
на каждом – имя высечено. Это
твое, конечно, имя. Тяжело
настолько, что и вздох с трудом дается.
Кого винить, что так произошло?
Тебя – не смею. Вероятно, Бога?

Его забыв, тебя стократ возвысив,
в немилость впала я... Вот в чем все дело.

Весь круг кавказских гор, всегда готовых
на пальцах станцевать передо мною,
застыл, когда услышал лишь намек
на чувства те, что жгут меня и плавят.
У всех мгновенно дрогнули сердца.

Лишь ты не понимал и говорил мне:
«Ну что ты... да развейся чем-нибудь...»

***

Жгу одежды, что осквернены
теми мыслями, что рождены
торопливым уходом твоим...
Да развеется дым!

Свыклась с тем я, что произошло,
мне свободно теперь и светло,
не надейся, забывчивый друг,
что я гибну от мук.

Ты, чей пыл так внезапно угас,
сам болеешь, наверно, сейчас,
а слова твои – дьявольский яд –
самого и язвят.

Ни за что! Я останусь верна
прежним чувствам, испытан до дна, –
пусть теперь я свободна от них,
пусть их голос затих.

И не думай, что ежели ты
своим сердцем, где скисли мечты,
позовешь меня вновь за собой,
твоей стану рабой.

Платяя те, что ты видел на мне,
уничтожила в яром огне.
Сшили новые мне на заказ,
их ношу я сейчас.

***

Снег весной
обостряет о солнце тоску.
Что со мной?
Снег мне хочется вправить в строку.

Год ведет
он к концу*, но его не виню.
Снег идет...
Погоди, я тебя догоню!

Кто он мне?
Что он шепчет, о чем говорит?
По весне
он до срока пройтись не велит.

Я тебя
в осторожной строке воскрешу:
не любя,
не живу, не гляжу, не дышу.

Ляг в душе,
снег весны, будешь ею храним,
пусть уже
солнца лик перед взором моим...

В Приэльбрусье

1

Немало мест, что сердцу милы,
но лишь в одном лишаюсь страха.
В запасе если будут силы,
приеду снова к Ошхамахо.

Пока тоски не растеряю
вверху, в долину не спускаюсь,
снегам я душу поверяю,
им исповедуюсь и каюсь.

На Ошхамахо поднимаясь,
беру с собой свои печали,
с которыми жила я, маясь
так, что и помыслы мельчали.

На той неделе (может, в среду?),
коль хоть полдня в запасе будет,
я к Ошхамахо вновь приеду –
пускай он душу мне остудит.

Пускай мои умножит силы,
избавит от тревог и страха...
Немало мест, что сердцу милы,
но всех милее Ошхамахо.

* По адыгскому календарю новый год наступает весной.

2

Говорю, груз забот отодвинув,
то с шиповником, то с облепихой...
Не хочу разбираться в причинах
светлой грусти и радости тихой.

Лучше пристально слушать я буду
пенье птиц, что рассвет возвещает.
Поклонюсь я ему, словно чуду, —
он из ночи нам мир возвращает.

Так сегодня все чувства подробны,
что никак не опишешь их вкратце.
В фазах сердца, что лунным подобны,
я ничуть не хочу разбираться.

Только вздрогнули вдруг от испуга
мои чувства и прячутся разом,
укрываются все друг за друга —
их страшит чуть проснувшийся разум.

Улизнуть норовят мои чувства,
осторожно пробраться по краю...
Что же, радостно мне? Или грустно?
И сама я сегодня не знаю...

3

Вечность... как легко произнести —
и как трудно совместиться с нею.
Все иду по прежнему пути,
в стороны сворачивать не смею.

Снова мое сердце, как луна,
убывает, чтоб затем налиться.
Ничего тебе я не должна.
Тьма ночей размыла наши лица.

Лето подбирается к концу.
Я тебя, чуть вспомнив, забываю —
свет, едва затеплится, гашу
и впотьмах к грядущему взываю.

Сосны встрепенулись, и опять
сыплются за шиворот иголки.
Ни о чем не дам тебе я знать,
сберегу сама свои осколки.

Сберегу, что было сплетено
из того, что мне весной приснилось.
Это очень кстати, что оно
никогда взаправду не случилось.

4

Не больше и не меньше, ровно столько,
сколь различаю сквозь туман над лесом,
колышущийся жалобно и горько
недолговечным, зыблемым навесом,

Из состоянья этого непросто
на волно выйти — так же, как из кожи.
Меж нами расстоянье, как короста,
которую содрать — себе дороже.

я о тебе в тиши от сердца слышу —
оно само тебя почти не знает:
под внешность ты укрывся, как под крышу,
а на нее легла сомнений наледь.

Одну вершину покорить осталось —
чтоб память о тебе уже не вынуть.
Вот этого так долго я пугалась,
вот это мне хотелось отодвинуть.

Но в те места, где вспоминаю Бога,
мне ноги помогли добраться снова;
здесь суть моя открылась, недотрога,
и я довольна. Прочее — полова.

Едва пробудившись, заходятся в зове   К себе приникая внимательным слухом,
лесистые горы вокруг,   застыла вселенная вся.
а я откликаюсь, ведь жизнь наготове,   Я – часть этой силы, близка с нею духом,
живое живому есть друг.   мир вместе со мной родился.

Да, жизнь в моих венах вот так же струится,   Я чувствую нити, что тянутся с солнца,
как в жилках скалы и листка,   мне внятен небесный язык.
подернута рябью из строчек страница,   Навстречу вселенной мой опклик несется,
как озеро или река.   в ней мой отражается лик.

Чтоб стала гармония спутницей вечной,
чтоб мир не скукожился, пуст,
дай, Боже, мне сил быть всегда человеческой,
не прятать за пазуху чувств!

***

Этот мир, как ничто, моим сердцем любим,
хоть в другие я часто летала...
Почему он так верен законам своим?
Кто его сохраняет лекала?

Ах, как славно живут те, кого никогда
не тревожат такие вопросы!
Но доходят до слез – вот какая беда –
те, кого они жалят, как осы.

Кто-то перед иконой поклоны кладет,
кто-то сжечь готов ту же икону,
но о помощи молят и этот и тот,
в западню угодивши с разгону.

Мир без имени! Жизнь! Пусть хоть как вас зовут:
ведь отыщет душа себе место –
обретет она, верю, пристанище тут,
раз на ваших путях ей не тесно.

Напишу ли стихи, чтоб читались легко?
Иль одной жить средь этих зазубрин?
...Я из этого мира уйду далеко,
хотя он, как ничто, мной возлюблен.

***

Ночь мне сказала: «Я умру.
Давай умрем вдвоем.

Погаснут звезды поутру,
качнется окоем.

Рассвет окрасит вопреки
моим желаньям свод
небесный – мне же не с руки
перенести восход...»

Я ночи отвечала: «Ты
воскреснешь скоро вновь.

Пусть солнце льется с высоты,
к луне себя готовь.

И не скучай, покуда день,
пока я занята, –
пройдет дневная дребедень,
покинет суета».

А ночь: «И ты, поверь, умрешь,
ведь звезд – и тех уж нет!»
Но это, я считаю, ложь –
правдив один рассвет.

Древесное заклинание

Дай душе не остыть
без любви и без неги.
Дай мне корни пустить,
дай расправить побеги.

Дай потокам всех чувств
через стебли излиться.
Поздней осенью пусть
опадут мои листья.

А пока – белый дым
пусть овеет, как доли,
мои ветви, к моим
пусть цветам спешат пчелы.

Чтоб вот так и цвести,
из земли вырастая,
жизнь могла б провести –
и не надо мне рая!

Говорю не тая:
сердце этим спасется –
ведь такие, как я,
жить не могут без Солнца.

Точно знала всегда,
сердцем ведаю тоже:
не несу я вреда
тем, что вырастут позже.

Дай душой не остыть
и, введя в эту сказку,
дай мне корни пустить
и познать почвы ласку...

Знай: среди этих ветвей
свить гнездо хочет птица,
чтобы в кроне моей
двадцать лет веселиться!

***

Как лето, что в густой траве таится,
как ветвь, что под ногой вдруг вскрикнет хрустко,
как скрытая в листве певунья-птица, –
так в жилках, в нервах путается чувство.

Ночами пробуждается цветенье,
да так, что, белой завистью исполнен,
гадает мир в немом оцепененье:
откуда – в полночь! – взялся этот полдень?

Теперь я знаю, что всего труднее
хранить его, его же опасаясь,
того пугаясь, что всего роднее...
О, эта плод дарующая завязь!

Чей дар ты? Или – чье ты наказание?
Нельзя – об этом помню – возгордиться
пред тем, с кем небеса тебя связали,
пред тем, о ком тебе пропела птица.

Тот цвет, что вспыхнул в радостную полночь,
при свете дня узнать тебя позволит.
Цветенье чувств! Чем ты меня наполнишь?
Лишь не сгорело б, словно астероид...

***

Как хочу, все, что видится мне, назову,
как хочу, так слова и расставлю.
И во сне они служат мне, и наяву,
все вбирая – восторг ли, растраву.

Я порой их зажму, как слепец, в кулаке,
а порой, словно зернышки птицам,
все рассыплю – и дальше бегу налегке
по пронизанным солнцем страницам...

Мне так нравится! Пусть – после многих потерь,
ныне все возмещаю потери;
чем ответить, я знаю отлично теперь,
теньям тем, что тягаться б хотели.

Нет тех дней, когда я, злые слезы тая,
могла стыть, оробев перед далью...
Между чувством и словом – лишь ветер, а я,
как коня, его лихо седлаю!

***

Зима...
В побег пуститься, скрыться?
Нет!
Снег – как чистая страница.
Он
все следы вбирает губкой.
Он пал
с лишь сердцу зримых высей...

Мне
нравится, вихляя юбкой,
идти
в снегу походкой лисьей!

Легко
в любой мне из излучин –

весь мир
душе моей созвучен.

Деревья,
что под стать невесте,
не злятся ль,
что стоят на месте?

Одна
среди них порой шагаю,
тихонько
песню напеваю.

Ту песню
назвала я «Завязь».

Она – тебе.
Об этом знаешь?

Перевел с кабардинского Георгий Яропольский

ДИПЛОМАТЫ

Советник-посланник Вил Федорович Бондарев с отвращением смотрел на стоящую перед ним тарелку горячего рассольника с перловкой. Ну почему именно сегодня, когда он решил продемонстрировать свою «близость к народу» и пришел в перерыв пообедать в столовую, им надо было приготовить именно *это*? Вторых блюд на выбор было несколько, а первое – одно. Перловый рассольник – суп, который он возненавидел, вместе с гороховым, еще с курсантских времен. Индийцы вообще не понимают, почему нужно есть первое, и если бы не англичане, то их и готовить супы научить, наверное, было бы нельзя. Это, пожалуй, единственный народ в мире, у которых в национальной кухне нет вообще первых блюд. Бульон здесь могут прописать только больному, в качестве лекарства. Индеец в деревне может вырасти, возмужать, состариться и умереть, не имея представления о столь необходимой, по нашим понятиям, горячей и жидкой пище. А может, они и правы? В августе горячего, уж это точно, не хочется.

В самом посольстве работал один мощный кондиционер, расположенный в подвале, и в здании на Шантипатх всегда была комфортная температура +24 по Цельсию. А здесь, в здании клуба-столовой в жилом городке посольства и торгпредства, в окнах торчали трудяги – бакинские кондиционеры, которые в муссон могли только чуть уменьшить влажность и температуру. Ну, ничего. Опытный дипломат, он знал, что если задача представляется очень неприятной или невыполнимой, надо разбить ее на несколько ступеней и выполнять их шаг за шагом, не раздумывая о глыбе всей задачи... Повозить ложкой в горячем и густом супе, пока он чуть остынет, затем проглотить несколько ложек... Оглядет зал, отвечая кивком головы на поклоны технических сотрудников посольства и атташе по культуре и прессе, улыбкой – третьим и вторым секретарям и помощникам военных атташе, кивком и улыбкой – первым секретарям и советникам. (Эти обычно едят дома – они могут нанять повара и прислугу, но сейчас их жены, наверное, поехали в Союз: кто на отдых, переждать жару в умеренном климате Подмосковья, кто устраивать детей старшего возраста в интернат МИДа – скоро новый учебный год, а в посольской школе только восемь классов; да и прислуге тоже нужен отпуск.)

Ну, продолжим – надо проглотить еще пару ложек супа... С бифштексом легче – по советской традиции он подается с яйцом. Яйцо можно съесть без особого риска, а котлетку размять вилкой, закрыть сверху картофельным пюре, как будто половина съедена...

Это жена, Нинель, посоветовала ему хотя бы пару раз в месяц посещать посольскую столовую – так делает секретарь парткома посольства! А дома Санджай наверняка приготовил окрошку или холодный свекольник. Хороший повар, он быстро научился у Вениамина, повара посла, готовить истинно русские блюда, которые обычно не даются индийцам, – ботвинью, уху, кулебяку, гурьевскую слоеную кашу. Он, правда,

наотрез отказывается прикасаться к говядине, но Вил Федорович и сам ее не жалует. Годы детства, проведенные в Таджикистане, где на границе служил его отец, приучили к баранине, в столовой ВИИЯ – Военного института иностранных языков – он привык к свинине (и возненавидел перловку и горох! Стоп, не надо сейчас о перловке ... Проехали!). Ну, а служба в посольствах Пакистана и Ирана приучила его к меню, состоящему из рыбы, курятины или индейки: гости-мусульмане предпочитали есть рыбу или птицу на приемах у «иноверцев» – так они не рисковали съесть ненароком запрещенную их религией свинину. Да и готовили на Востоке птицу совсем не так, как дома. Изжаренный в тандыре цыпленок «тикка» или жирные голуби на вертеле – «хамам» – пальчики оближешь! Дрессированное сознание тут же одернуло его даже в мыслях: «Пальцы облизывать нельзя. Этикет не позволяет. А «хамам», кстати, не зря называют так же, как и восточную баню, – это блюдо жгучее даже по восточным меркам. Вредно!». Вил про себя называл этот внутренний голос «Нинель». Он бы ни за что не признался в этом ни самой Нинель, своей очаровательной (по положению – *nobless oblige!*) жене, ни даже своей маме, с которой они иногда беззлобно (так считалось в семье) подтрунивали над его супругой, которая даже в домашней обстановке требовала неукоснительного соблюдения этикета. Отец Вила, Федор Полуэктович Бондарев, дослужился до полковника, смог к концу карьеры перебраться в Москву и вышел в отставку, когда его сын уже служил в солидном звании советника в Пакистане. Так вот он утверждал, что его невестка настаивает не только на скрупулезном соблюдении в домашней обстановке правил этикета, но и правил государственного протокола. Это было, конечно, преувеличением, просто отставной вояка втихую злился на то, что невестка не преминет сделать ему пару замечаний всякий раз, когда она с Вилом приходит в гости «к старикам» в дом в Неопалимовском переулке: «О, как прелестно! Мы, как всегда, в майке расхаживаем, Федор Полуэктович? Жарко? А разве мы не замерзли? Нет? А что же тогда означают эти носки? Ведь мы, рара, по-моему, в босоножках?». Мать поджимает губы, но молчит – уж она-то знает, что офицеры и, тем более, дипломаты целиком зависят от своих жен. Стоит им развестись, и – прощай, успешная карьера! Федор Полуэктович мстит невестке, но по мелочам: не подливает ей вина, наполняя водкой рюмки себе, сыну и супруге. Знает, что Нинель ни за что не прикаснется к бутылке сама и не попросит пополнить ее бокал – этикет не велит. Но Нинель это вовсе не огорчает – она не любит спиртного вообще, а уж полусладкое вино, что упорно приобретает свекор к ее приходу в знаменитом гастрономе на Смоленской площади, и подавно. Отставной полковник знает о ее светской приверженности к сухим винам, но твердит: «Алазанская долина» – замечательное вино, а уж в нашем гастрономе – всегда высшего качества!» Нинель не станет возражать: хозяева вольны предлагать любое угощение, а гость волен пить или не пить, есть или не есть. Вот критиковать напитки или блюда нельзя – увы, это тоже незыблемое правило этикета. Да ей это и не нужно. А медицинское «мы» в разговоре со свекром – ее ответ на любимое обращение Федора Полуэктовича к ней – «сестричка». Он этим вовсе не

причисляет ее к своей кровной родне – просто по-солдафонски напоминает ей о том, что она до замужества работала медсестрой в санчасти военного института. Что с него возьмешь! Знал бы он, что его сынок не добился бы ровным счетом ничего, если бы не она – так ведь нет, никогда не узнает! Ну да бог с ним – через минут сорок после обеда, выслушав очередной рассказ свекра о героических буднях пограничников в горах Памира (с каждым годом все более суровых!), можно и попрощаться – визит закончен. Идти недалеко, и, несмотря на большое желание вызвать дежурную «Волгу», Нинель выходит с мужем по коротенькому Неопалимовскому переулку на Смоленскую площадь, затем в арку высотного здания МИД и – мимо отдельного подъезда министра, мимо мидовской аптеки – в переулок Сивцев Вражек.

Дом. Хотя на Клифтоне в Карачи и на Мальча Марг в Дели Нинель чувствовала себя гораздо более «дома», чем здесь, в тени высотного здания Министерства иностранных дел. Она прагматик. Знает, что теперь, когда свекор поселился в доме неподалеку от Консульского управления МИДа (ну почему не подальше, в одном из «спальных районов?»), он уже не опасен. Она пеклась о карьере мужа не меньше, чем он сам, и всю жизнь опасалась каких-либо неожиданностей от свекра и его беспокойной службы больше, чем боялись ужасных экзотических болезней Юго-Восточной Азии родители мужа. Она, капитан Бондарева, оперативный сотрудник КГБ, не могла развестись с Вилом по служебным причинам, которые даже в мыслях старалась не вспоминать, а вот от какого-либо скандала с контрабандой ни один пограничник не застрахован. Да и младший братик Вила, капитан Ким Бондарев, непутевый офицер-строитель, в свое время принес им массу неприятностей. Отец был помешан на политических именах: старшего сына назвал Вил – Владимир Ильич Ленин, младшего – Ким – Коммунистический интернационал молодежи, дочку нарек Милена – Маркс и Ленин, и клялся, что если бы родился еще один сын, то назвал бы его Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская Революция – как звали знаменитого обозревателя «Известий» Мэлора Стуруа). Ким, несмотря на интернациональное имя, смертным боем бил безответных «чурок» в своем стройбате, расположенном на плоской горе близ селения Аушигер в Кабардино-Балкарии, и был уже судим офицерским судом чести. Год после этого он держал кулаки в карманах, но однажды опять не удержался: пьяный, он в кровь разбил лицо одному из двух близнецов-эстонцев. Эстонцы – не казахи, терпеть не стали, убежали из военного городка в Нальчик и явились в военную прокуратуру. На Кима завели уголовное дело. Пришлось Нинель обращаться к своему высокому руководству, чтобы замять неприятное дело. Брат, конечно, не отец, но если бы он был осужден трибуналом за уголовное преступление, на репутации Вила появилось бы солидное пятно. «Имели ли Вы или Ваши родственники судимость?» После положительного ответа на этот вопрос можно анкету дальше не заполнять. Найдется много других, у которых везде *нет, не был, не привлекался...* А у Вила их было много – соперников, способных и «перспективных». Да и как им не быть, если Бондаревы уже вышли на финишную прямую – скоро посол Рафик Нишанов даст

прощальный прием в Тегеране. На визитках, которые он разошлет, будут буквы Р. Р. С. – *pour prendre congé* – «В связи с предстоящим отъездом». И хотя Магомедов обещал помочь советнику-посланнику стать Чрезвычайным и Полномочным, не все зависит даже от заместителя министра. У других претендентов тоже есть покровители. Нинель усмехнулась, вспомнив старый анекдот. Сын-курсант спрашивает генерала: «А генералом я когда-нибудь стану, отец?» – «Служи, сынок, поможем!» – «А маршалом?» – «Ну, нет, сынок... У маршалов *свои* дети есть!» Вилу нужна помощь... Совсем как тогда, в молодости...

Приближался выпуск. Курсанты последнего курса Военного института иностранных языков на Танковом проезде в Лефортово как-то посуровели, не слышно стало обычных грубоватых шуточек. Никто не меряется силой на переменах. Холодные глаза, вежливые фразы. Все впервые ясно осознали, что негласный девиз института – «Нам чужое горе по фигу» – относится не только к разноцветным жертвам бесконечных «локальных» войн и природных катаклизмов по всему белу свету, куда посылает Родина воспитанников ВИИЯ. (Это не эгоизм, возведенный в принцип. Если всерьез переживать за всех, кому приходится оказывать помощь – не выдержит либо сердце, либо рассудок.) Но, оказывается, это «по фигу» относится и к тебе, и к твоему товарищу лично. Он донесет на тебя, если ты расскажешь анекдот про Никиту Сергеевича, который был бы принят на ура годом раньше. И шуточные картонные карточки с загадочной аббревиатурой «ВСИГ», которые в комнатах выпускников, уже побывавших в заграничной командировке, гордо выставлялись раньше по вечерам на тумбочку, исчезли. На вопросы начальника курса подполковника Кузина раньше курсанты отвечали, преданно смотря ему в глаза: «Товарищ подполковник, это сокращение – напоминание о самом трудном экзамене – «Вооруженные силы иностранных государств» – ведь сколько всего надо запомнить! И организацию частей и соединений, и вооружение, и тактико-технические данные. А эмблемы их дивизий, полков и эскадрилий? Ужас!» Кузин довольно кивает головой – курсанты озабочены учебой, порядок! Он выходит из спального помещения, и вслед ему раздается довольное ржание. Сокращение «ВСИГ» – своеобразный протест против подхалимского отношения к иностранцам, здесь, на родине. После первой заграничной командировки табличка на тумбочке – это принадлежность к клубу избранных, принявших боевое крещение и убедившихся воочию, что «все иностранцы – говно». Сокращенно – ВСИГ! Но... все это в прошлом. Теперь никто не посмеет усомниться вслух, что основная движущая сила в их молодых сердцах – стремление оказать братскую интернациональную помощь всем народам, борющимся за независимость. Все стали подчеркнуто преданными делу КПСС, подчеркнуто желающими выполнить хоть какое-нибудь партийное или комсомольское поручение. Все ждут «покупателей». Скоро появятся в коридорах красных казарм на Танковом проезде товарищи в серых немецких и чешских костюмах с цепкими глазами в тон костюму и в не по-штатски начищенных полуботинках. Это кадровики из КГБ. Или вальняжные офицеры из Главного разведывательного управления, ГРУ, которому, собственно, и

принадлежит институт. Принадлежать-то он принадлежит, но... выпускников много и далеко не всем одна дорога. Кто-то будет отобран ими для «Консерватории» – Военно-дипломатической академии, чтобы потом стать сотрудниками военных атташатов в сотне посольств, раскиданных по всему свету. Другие поедут по военным округам – служить в частях Особого назначения (ОСНАЗ) – радиоразведке ГРУ. Ну, а третьи пополняют ряды легендарного СПЕЦНАЗа ГРУ – эти парни должны быть лучшими в языке и физподготовке и худшими с точки зрения наличия важных родственников. А еще лучше сиротами. Нелегалы. Они легендарны, так как умирают молодыми. *Бывают дерзкие разведчики. Бывают старые разведчики. Но не бывает дерзких старых разведчиков...* Можно еще стать просто военным переводчиком и на свой страх и риск попытаться достичь чего-либо в этой жизни. Потолок – начальник бюро переводов в военном учебном заведении или издательстве. Подполковник. «Напряга» меньше. И все шансы состариться где-нибудь в хорошем южном городе... Выбирай. А потом постарайся сделать так, чтобы выбрали тебя.

Лейтенанта Бондарева Вила Федоровича не выбрали бы. Ему обязательно припомнили бы на аттестационной комиссии нехотелый рассказанный анекдот. Но его все-таки *выбрали*. Не потому, что он был офицером в третьем поколении и хорошо знал английский и фарси, а потому что она, Нинель, сотрудник КГБ, вынужденная работать медсестрой в институте – инкубаторе ГРУ, смогла привлечь внимание умного, симпатичного, но желторотого выпускника и женить его на себе. Какие от жены секреты! Пусть теперь двигается по служебной лестнице молодой разведчик. Негласная помощь КГБ ему обеспечена. Нет, не из любви к ГРУ, боже упаси. Просто очень удобно людям с Лубянки знать «изнутри», что интересуется сейчас «коллег» с Полежаевской, а что им уже известно. *Это родина у нас одна, а табачок-то врозь!*

Нинель вздохнула. Теперь эта помощь уже не придет, как приходила раньше, при каждом назначении мужа на очередную должность. Для КГБ, как и для ГРУ, посол – потерянный человек. Он слишком на виду, чтобы заниматься вербовкой, сбором или передачей информации. *Его Превосходительство...*

Николай Михайлович Пеков, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Индии, поморщился, как от зубной боли: Константин, его помощник, второй раз за последние сутки упоминал о просьбе (читай – приказе) заместителя министра иностранных дел Магомедова оказать нажим на министра обороны Индии, чтобы побудить его просить премьер-министра одобрить закупки нового вооружения. Об этом говорил с ним недавно и Вил Бондарев, и советник по военно-технической помощи (читай – по торговле оружием). Если аппетиты у сухопутчиков были еще приемлемыми: закупка крупной партии стрелкового вооружения, нескольких десятков артиллерийских установок «Град» – младших, но гораздо более мощных сестреночек легендарной «Катюши», и полусотни плавающих танков, укладывались в несколько десятков миллионов долларов, то закупка новых ракетных катеров, нескольких десятков ракет морского базирования и технической базы для их обслуживания – это уже многие сотни миллионов

долларов, миллиарды рупий. «Авиапром» вообще хочет продать Индии новый с иглочки завод по производству «МИГов». А министр считает, что всего этого можно избежать, по крайней мере можно отложить эти расходы на несколько лет, если не ввязываться в очередную войну с Пакистаном или стычку с Китаем по поводу захвата участка горной территории на границе с Непалом. Как трудно стало служить на ответственных государственных постах! Даже выполнять обязанности посла, которые раньше казались ему такими простыми, ведь послу не надо принимать самому никаких важных решений – слава богу, телетайп исправно стучит ночи напролет... Секретчик расшифрует на своей колдовской технике бесконечные столбцы цифр, и они сложатся в слова, которые надо произнести, в меморандумы и ноты, которые надо подписать. Трудно... Нет, не потому, конечно, что он постарел! Просто раньше все было просто, надо было только исполнять волю *первого лица*, а она была отлита в краткие, четкие и недвусмысленные указания Андрея Андреевича Громыко. А теперь... Советник Медвяник и его организация на Лубянке, генерал Попов и его беспокойные сотрудники с Полежаевской, секретарь парткома Ивашкин с его загранотделом ЦК на Старой площади, министр обороны, министр «среднего машиностроения» (надо ж такой термин придумать для оборонки!)... Да и другие министры... И у каждого – «кремлевская вертушка», штат шифровальщиков и неумное желание всунуть хоть пальчик в кормушку заграничных военных поставок – ведь сразу открываются огромные возможности: ездить с визитами за рубеж, принимать делегации, подписывать протоколы о намерениях, соглашения и договоры, а потом и контракты, в которых проставлены миллионные суммы. А значит – будут щедрые подарки и от производителей, и от покупателей. Раздолье! Вот и шлют депешы... «Совпослу. Срочно. Секретно». А мне-то они зачем нужны? Вот дождусь Игоря в декабре... Сын все отпуска проводит там, где служит отец, чтобы провести вместе побольше времени. Сначала молодому человеку было просто интересно, а после смерти матери он, по-видимому, как-то остро осознал, что родители смертны, что мне уже скоро семьдесят... Игорь ничего не говорит, но какая-то особая нежность, раньше проявлявшаяся к матери, теперь сквозит в отношении к отцу. В этом году он придет со своим другом, Мэлором Стуруа, спецкором «Известий». Они оба учились в МГИМО. Поедем в Симлу, где когда-то была резиденция Вице-короля Индии, половим форельку, отдохнем... А потом, ближе к Новому году, полечу в Москву, подлечусь в Кремлевской больнице, потом задержусь на месяц для «консультаций» в МИДе, навещу старых друзей в Москве и во Владивостоке, где когда-то был первым секретарем крайкома. Вот это было время... Не форель ловили, а лосося... Да, возраст... Как исподволь подкрадывается старость: у других перемены видишь, а у себя не замечаешь... Климент Ефремович Ворошилов рассказывал под большим секретом, как однажды на заседании политбюро, когда Берия предложил подвергнуть репрессиям отца Мэлора, Георгия Стуруа, за его мемуары, в которых он хорошо отзывался о Троцком, Сталин сказал: «Чего его репрессировать? Освободить надо от должности Председателя Верховного Совета Грузинской ССР, и все. Выжил из ума старик!» Все

изумились, но промолчали – Стуруа был на четыре года моложе Сталина! Сохранился он, правда, не так, как его друг и соратник Анастас Микоян, но стариком точно не выглядел. Забавно, что Мэлор любит рассказывать о том, что его отца с Микояном не расстреляли в числе 26-ти бакинских комиссаров потому, что Георгий Стуруа устроил побег, а к нему присоединился Анастас. А Микоян и не думал бежать. Побега не было вообще. Не расстреляли их англичане просто потому, что из списка стоявших на довольствии в тюрьме их исключили – в связи с болезнью они были переведены в изолятор. А список попал в руки оккупационных властей и 26 комиссаров были расстреляны... Игорь как-то рассказал анекдот, который имел хождение в МГИМО: «А про Микояна было оккупантам указание: в 27-го не стрелять!»... Игорь и Мэлор вообще большие любители анекдотов. Хорошо, что отцы – члены ЦК, можно себе позволить острое словцо. Про Мэлора, кстати, Игорь тоже рассказывал анекдот. Молодой обозреватель «Известий» одним из первых в Москве приобрел за границей спортивный автомобиль. Это был длинный красный «Додж» и, так как у Мэлора не было гаража, то стоял он все время у редакции «Известий». Мыть он его не любил, да и некогда было. Вот и появилась в Москве забавная загадка: «Длинный, красный, грязный и всегда стоит. Что это? Нет, нет, неправильно – это автомобиль Стуруа!».

Николай Михайлович привычно кивал головой, слушая ровный поток речи Константина, продолжая думать о своем. Пусть себе читает. Он потом все это прочтет, уже в «сгущенном» варианте, без воды, в записке незаменимого Вила Федоровича. Зная, как не любит принимать решения его шеф, тот каждый день готовил ему «выжимку» из важнейших телеграмм и писем, прибывавших на имя посла, и (только для облегчения работы посла, конечно!) снабжал их «рыбой» – готовыми заготовками ответов.

Пеков вздохнул: «Вил спит и видит себя в расшитом по воротнику и рукавам золотыми дубовыми листьями посольском мундире – военное прошлое дает о себе знать! Он созрел для самостоятельной работы, нет слов, но надо как-нибудь попридержать его до того времени, пока «доброжелатели» в высотном здании на Смоленской площади не проводят меня «на заслуженный отдых». А то без него будет трудно... Молодежь рвется к власти. Нас, «мастодонтов», стараются даже не пускать в столицу. Где это видано, чтобы послы меняли страны, не отсиживая в центральном аппарате хотя бы по году? Ведь я за рубежом уже с 56 года... 16 лет подряд! Семь лет в Алжире, четыре года в Иране, вот уже пять лет в Индии. А уйдет Андрей Андреевич? Что будет, представляю! И среднее-то поколение уже натворило невесть что... Чего стоят эти решения о расширении МИДа с размещением отделов, курирующих новые, недавно освободившиеся страны, не в специальном здании, а над знаменитым гастрономом на Смоленской площади и над большой аптекой в начале Сивцева Вражка? Смех, да и только! Разве Сталин позволил бы, чтобы святая святых советской дипломатии – департаменты МИДа – размещались над магазинами или аптеками. Противно даже вспоминать названия, которые молодые дипломаты дали этим филиалам – «гастромида» и «аптекомида»? Тфу!

Сталин бы...» Николай Михайлович глянул на продолжавшего «жужжать» Константина и вновь окунулся в воспоминания...

Его, молодого партийного работника ЦК, бывшего секретаря парткома а затем директора московской шелкоткацкой фабрики, неожиданно для всех вдруг избрали первым секретарем Приморского краевого комитета партии. Назначили – будет вернее. А еще вернее – назначил. *Он назначил.* Неожиданно для всех, но не для самого Пекова. Этому предшествовала долгая беседа с самим.

Иосиф Виссарионович обратил внимание на молодого, небольшого роста парторга, выступавшего на московской партийной конференции. В бойких и не скупящихся на славословия в адрес «великого вождя и учителя» ораторах недостатка не было. Но этот не походил на остальных. Несмотря на молодость, его манера говорить была чрезвычайно подкупающей. Есть люди, которые и банальные фразы умеют произнести так, что они кажутся откровением. То повышающийся, то понижающийся тон, верные, искренние интонации, точно выдержанные паузы и скупые жесты проникали в подсознание. Так умеют говорить прирожденные ораторы или люди, изучавшие искусство воздействия на людей – священники, опытные политики-трибуны, шарлатаны. Когда сидевший рядом Серго Орджоникидзе, рассчитывая на похвалу, спросил шепотом: «Ну как, Коба, что скажешь – умеем мы воспитывать людей в промышленности? Ведь ему только 30 лет, совсем недавно – просто секретарь парткома шелкоткацкой фабрики!», последовал неожиданный ответ: «Правильно я вам говорил, и тебе, и Климу, вы, кроме себя, никого не видите, а если видите – до себя не поднимаете. Привыкли к роли «легендарных героев»!.. Кадры надо не только выращивать, но и вовремя давать им перспективу! Приведи его с собой ко мне в Кремль в субботу вечером».

Так Николай Михайлович неожиданно для себя оказался за столом, накрытом в кремлевской квартире Сталина, – в «Углу», как ее называли посвященные за угловое расположение в здании Кремлевского дворца. Охраняли этот угол, как ни странно, иностранцы. Позже, уже став видным партийным руководителем, Николай Михайлович на одном из грандиозных приемов в Кремле узнал эту историю от турецкого поэта-коммуниста Назыма Хикмета, жившего в эмиграции в СССР. Однажды Лаврентий Павлович Берия обратился к Сталину с необычным предложением. «Коба, вот мы совершенно справедливо говорим – «вождь и учитель *всех* народов и наций», а охраняют тебя только латышские стрелки. За что им одним такая привилегия? Знаю, знаю – так сложилось исторически. Но... история не догма, *мы* ее пишем. Если в сохранности твоей жизни заинтересованы кровно все трудящиеся *всего* мира, то и охранять тебя должны представители *разных* народов...». Сталин ничего не сказал, только сделал жест рукой, в которой дымилась трубка, – ни да, ни нет.

Берия начал кропотливую работу по отбору «кадров». Недостатка в кандидатах не было – в Союзе жило большое количество иммигрантов, коммунистов из разных стран и членов их семей, спасавшихся от репрессий. В поле его зрения попал и племянник Назыма – Альпаслан Хикмет. Брат Назыма сидел в тюрьме за подрывную деятельность. Мо-

лодой человек прибыл в Союз нелегально, его переправили через Карс в Армению турецкие коммунисты, узнавшие, что Альпаслана власти решили арестовать, как только он закончит среднюю школу. Два года он изучал русский язык и «доучивался» по курсу средней школы. Конечно, к детям зарубежных коммунистов внимание было особое, и после двух лет Альпаслана спросили, чем он хотел бы заниматься, какую специальность он бы хотел приобрести? Ответ был такой, какой и следовало ожидать в те годы, – каждый мальчишка, подросток и юноша бредил тогда авиацией: «Меня зовут Альпаслан. Альп – значит крылатый конь, Аслан – это лев. Значит, я должен быть стремительным крылатым воином!». К счастью, здоровье парня не подвело, и еще через два года новоиспеченный летчик уже отправился в Кубинку, в истребительный авиационный полк. Там и нашел его офицер особого отдела дивизии, получивший поручение подобрать несколько иностранцев – кандидатов для ответственной и секретной работы. «Как стреляешь, военлет? Нет, не из авиационного пулемета, а из своего личного пистолета? *Хорошо?* Стреляй, тренируйся каждый день, но чтобы через месяц-полтора были *отличные* результаты!»

Так и оказался Альпаслан в спецшколе, а еще через два месяца – во внутренних покоях Кремля. Сегодня он стоял у самой двери в небольшой зал, куда прошли Сталин и его гости, – некоторых он узнавал, а многих не знал. Были Клим Ворошилов, Семен Буденный, Лаврентий Берия, Серго Орджоникидзе и с дюжину гражданских, женщин и мужчин. Такие вечера, без видимой причины, Сталин иногда устраивал на Кремлевской квартире или на Кунцевской даче для близких ему людей, «разбавляя» их приглашенными именитыми писателями, композиторами, актрисами. Именно «разбавляя». Он знал, что если посадить рядом Буденного и Ворошилова, то разговор будет только о конях и фураже, а Сталин гордился, что он может так рассадить гостей, что разговор будет общим и интересным для всех присутствующих. Да и «легендарные» при дамах ведут себя гораздо лучше: Буденный крутит усы и сыплет шутками, а Ворошилов, несмотря на небольшой росток, так и норовит завладеть вниманием самой красивой и рослой женщины, сверкая «иконостасом» орденов на груди безупречно сидящего на его ладной фигуре мундира. (Кстати, о шуточках Буденного. Когда одна очень чувствительная и донельзя интеллигентная дама, широко распахнув гипнотически действовавшие на мужчин (она об этом знала) синие глаза, спросила казака: «Как это – *развалил беляка?*» – Семен Михайлович громогласно ответил: «А чего тут трудного? Как жажнешь его саблей до ж...., так он сам и разваливается!»)

Что и как происходило на даче, Альпаслан не знал, а здесь, в «Углу», на каждом приборе лежала маленькая карточка с именем гостя, выведенным педантическим почерком Федора Поскребышева, секретаря Сталина. Рассадка была строго по этим карточкам. Гости собрались к семи часам вечера в небольшом холле перед гостиной, дожидаясь хозяина. Сталин появился из боковой двери – там был малый кабинет с широким диваном, на котором Сталин иногда спал, оставаясь в Кремле. Альпаслан знал, что ему не следует отдавать честь – так его инструктировали, но при виде самого внутренне как-то подобрался и приподнял подбородок. Он

слышал, как Сталин поздоровался с гостями, называя каждого по имени и отчеству, а затем, на правах хозяина, пригласил всех пройти к столу: «Прошу садиться согласно именных карточек – они у всех на приборах лежат. Нет, не у всех. У Семена Михайловича нет ее. Но он свое место найдет, я думаю».

Альпаслан уже осматривал комнату еще до прибытия гостей и знал, что на одном приборе действительно нет карточки с именем и фамилией. Зато около этого прибора стояла, не вписываясь в отличную сервировку стола, огромная бутылка простой водки. В народе такую водку звали «черная головка», так как она была запечатана темно-коричневым сургучом, в отличие от водки более высокого качества, запечатанной белым. А за ее размер – 2 литра – ее звали «четверть» – четвертая часть старой русской меры – ведра водки. Закрывая за гостями двери, Альпаслан видел, как потемнело лицо Буденного. Он понял намек «хозяина», и знал, откуда дерьмо пошло по трубам. Начальник политуправления Лев Мехлис уже не раз доносил Сталину, что Семен Михайлович слишком много пьет...

Другие гости делали вид, что не обращают внимания на огромную бутылку. В соответствии с традицией, официантов на таких вечерах не было. Все угощения уже стояли на столе, мужчины ухаживали за дамами, наливая напитки, а те следили, чтобы мужчинам было чем закусить. Завязалась и потекла общая беседа. Семен Михайлович в ней не участвовал, ус не крутил, и своих шуточек кавалерийских не отпускал. Он поменял рюмку на фужер и, наливая один фужер за другим, начал опустошать бутылку. Гости делали вид, что ничего не происходит, краем глаза наблюдая за Семеном Михайловичем. Не прошло и часа, как, закусывая только ломтиками селедки с корочкой черного хлеба, Буденный закончил четверть. Пользуясь тем, что Сталин на таких, «неофициальных», вечерах неоднократно повторял, что гости могут удалиться в любой момент, если того требуют их служебные обязанности, он громко обратился к хозяину: «Извините, Иосиф Виссарионович, но мне необходимо вернуться в Наркомат обороны». Получив в ответ задумчивый кивок, он четкими шагами пошел к выходу, скрипя кавалерийскими сапогами. Гости косили глазами, не поворачивая голов, – как пройдет Семен Михайлович до двери? По узору на паркете было видно, что идет Буденный абсолютно ровно. Уж что там было потом, в машине и дома, история умалчивает, но, по-видимому, бестактная шутка Сталина его настолько рассердила, что во дворце его даже два литра «не взяли»... Вот это были люди!¹

Николай Михайлович вздрогнул, заметив, что Константин молчит, глядя на него.

– Хорошо, Костя, иди, сдай документы в секретку, а потом, не в службу, а в дружбу, найди завхоза посольства и спроси, нет ли у него не «Столичной», а простой, «Московской» водки? Пусть к обеду с селедкой подадут!

¹ Этот случай описан в книге «Я был телохранителем Сталина».

СИНАМИС

Живущие за рубежом соплеменники наши были для меня кем-то вроде инопланетян – да, они тоже адыги, но должны быть непременно другими, непохожими на нас. Удивительно ли, что знакомство с девушкой из Турции стало для меня настоящим везением. Она приехала учиться в нашем университете. Мы быстро подружились и вскоре стали неразлучны. Все в ней поражало меня, даже необычное имя – Синамис.

Как-то она пригласила меня к себе в гости с ночевкой – соседки ее по комнате уехали, а одной, видно, страшновато было или скучно. И вот тогда-то я и задала ей вопрос об имени.

– У тебя такое редкое имя, впервые встречаю, – призналась я, – или у вас его многие носят?

– Не многие, хотя встречается иногда.

– Пытаюсь разгадать, что же оно может значить. Наверно, что-то от «намыс» – «этикет»?

– Нет, – улыбнулась она. – У моего имени древняя история, к тому же очень длинная.

– Надеюсь, не длиннее зимней ночи? Расскажи, интересно же! – настаивала я.

И Синамис поведала мне старую, похожую на печальную сказку, историю.

***

На пятом месяце беременности была Гупса, когда рухнул ее мир – стала она вдовой. У нее уже было трое детей, не считая того, кого носила под сердцем. Четвертой оказалась девочка, и мать нарекла ее Синамис. Гупса не пала духом. Надо было поднимать детей. Родня помогала, соседи поддерживали, как могли. Делать нечего, жизнь продолжалась.

Гупса и с четырьмя детьми оставалась настоящей красавицей. Высокая, статная, с горделивой осанкой – настоящая дочь уорка. Когда Матгерий увидел ее в первый раз, он только и произнес: «Талия этой девушки через кольцо пройдет!» Его поразили ее красота, кроткий нрав, красивые манеры. И понял он тогда: это его судьба, и он жив не будет, а ее добудет. На одной из свадеб вывел он ее на удж и познакомился, потом было много споров и угроз, немало слез пролила девушка, немало бессонных ночей провел Матгерий. Да, она дочь уорка, а он – бедный тфокотль, но своего добиваться умеет, не отступит и на сей раз. В одну из темных ночей Гупса сбежала с ним через окно. Ясное дело, не обошлось без скандала – родители грозились даже на похороны не пустить ее на родной порог. Матгерий сам был сиротой, но родня справила ему достойную свадьбу. А там и родители невесты смирились с выбором дочери.

Добытое ценой таких страданий счастье длилось всего восемь лет.

То, что случилось в тот роковой день, не могло бы присниться Гупсе в самом страшном сне. Прискакала во двор лошадь Матгерия с расprostертым на ней трупом хозяина. Первым увидел это шестилетний Готыж, игравший во дворе. Ребенок обомлел и глядел, не мигая, на тело отца в изрезанной одежде, со свисающими руками, с которых стекала кровь. Потом с криком убежал в дом к матери. Та вышла на порог – и рухнула без чувств. Сбежались родственники, соседи, Матгерия в тот же день похоронили. За домом прятался маленький Готыж и плакал. Нашел его старший брат Жанхот.

– Не плачь, ты же мужчина. Помнишь, отец говорил: что бы ни случилось – мужчина не плачет.

– Как не плакать? Дады больше нет. Как мы будем жить без него? – не унимался мальчик.

– Мы должны вырасти и отомстить за отца. Да?

– Да, – согласился Готыж. – Пойдем, Айтеку тоже скажем...

Шли годы, подрастали дети. Глаза Гупсы не сияли уже, подобно звездам, но гордая осанка ее осталась прежней, и ступала она так же легко, словно боясь обидеть землю. Рожденная дочерью уорка должна оставаться ею, что бы ни случилось...

Детей она воспитала сообразно своему происхождению. Сыновья, гордые и смелые, были украшением любого круга. И дочь выросла благо нравной и неприступной красавицей. Каждую ночь, ложась спать, мать молилась об одном: чтобы Всевышний даровал сыновьям долгие годы, которые не дожил их отец, а дочери не довелось испытать таких утрат, что выпали ей самой.

Синамис исполнилось девятнадцать. Синие глаза, густая золотистая коса, гибкий стан девушки лишили сна не один десяток самых завидных женихов, но уж очень она была горда – каждому находилась причина для отказа.

В один из дней Синамис полоскала белье в реке. Вдруг холодок пробежал по ее коже – она ощутила на себе чей-то взгляд. Она подняла голову. Неподалеку стоял всадник и наблюдал за ней. Как велел обычай, незнакомец спешился и почтительно склонил голову. Она смущенно опустила глаза, потом стала на скорую руку отжимать белье, чтобы поскорее уйти, но в суете упустила платок. Незнакомец, не раздумывая, бросился в воду, поймал красный платок, неспешно подошел к девушке и без слов бросил находку в корзину. Так же молча повернулся и направился к ожидавшему скакуну. Когда всадник скрылся в прибрежном лесу, Синамис облегченно вздохнула. Она, конечно, не рассматривала чужого парня, но успела заметить шрам на всю щеку, и это напугало ее. Впрочем, она могла без труда вспомнить его облик. Если бы не этот уродливый шрам, его, пожалуй, можно было бы назвать красивым... А глаза!.. Они, кажется, могли заглянуть в душу. Выражение лица... вроде и сердитое, в то же время открытое и доброе. Какая же она глупая! Разве могут в одном лице сочетаться такие противоречивые чувства!.. А взгляд, до чего же надменный! Как он глянул на нее свысока, словно коршун на курицу. Кем он себя возомнил?!

– Синамис, ты что, спишь стоя? – услышала она голос брата и вздрогнула от неожиданности.

– А что ты думал, Айтек? – отшутилась она. – Я еще не такое умею.

– Кто бы сомневался. Пошли, мать волнуется.

Брат с сестрой отправились домой. О встрече с незнакомцем она промолчала.

А ночью ей приснился странный сон. Снова она у реки, снова тот юноша держит в руках ее платок, только не красный он, а черный. Он покрывает ее голову мокрым платком, потом достает из груди свое сердце и дает ей в руки. Истекающий кровью горячий комок обжигает, она с криком бросает его в воздух... Она проснулась в холодном поту и долго не могла заснуть. Утром встала разбитая.

– Что с тобой, мой свет, – встревожилась мать. – Не заболела?

– Спала плохо, – ответила дочь. – Кошмары какие-то снились... не могу даже вспомнить.

Она не могла рассказать матери про сон, ведь тогда ей пришлось бы рассказать и о вчерашней встрече.

– Иди в дом, отдохни, – пожалела ее мать. – После бессонницы душный день особенно тяжел.

Синамис вернулась к себе в комнату и прилегла. После кошмарной ночи она сразу задремала, и ночной сон снова вернулся. Она испуганно проснулась, вскочила с постели и стала ходить по комнате. Что-то значит этот сон... Она должна узнать. Надо хоть подружке рассказать.

– Нана, я схожу ненадолго к Дыжин, она мне рассказать что-то хотела, – предупредила она мать.

Подружка выбежала ей навстречу и, радостно щебеча, завела в дом. Дыжин, хоть и болтушка, надежная подруга, секреты хранить умеет.

Синамис рассказала ей все – о вчерашней встрече у реки, о ночном кошмаре. Дыжин посерьезнела.

– Этот сон что-то предвещает... Знаешь что, давай сходим к Хурират, она на фасоли гадает.

– Да ты что, – испугалась Синамис. – А вдруг увидит кто?

– Ну и пусть, девушки иногда гадают, что с того? Ладно, скажем, что помогали бедной старушке прибраться в доме. Пошли!

Едва они подошли к плетню, неистово залаяла старая дворняга, тут же вышла из дома сама хозяйка.

– А-а, мои голубки, проходите, – позвала их Хурират. – Да не бойтесь, он не кусается. Это его работа – лаять.

Старая женщина завела их в дом. Едва ступили через порог – в нос ударил какой-то едкий запах. Дыжин округлила глаза и поморщилась, Синамис тихо цыкнула на нее. Единственная комнатка, посередине стол, засиженный мухами и кишачий муравьями, кровать с бельем непонятного цвета, на очажной цепи кипит черный котелок.

Хозяйка усадила их за стол.

– С чем пришли ко мне, цветочки мои? – все также ласково спросила она.

– Она видит какие-то сны... – начала Дыжин.

– Пусть сама рассказывает, – строго оборвала ее Хурират. – Она же их видит?

– Она... – послушно, как никогда, ответила Дыжин.

Синамис начала рассказывать. Старушка слушала, то хмурясь, то качая головой. Наконец сказала шепотом:

– Боже, помилуй эту девочку...

– Что же значит этот сон? – не удержалась опять Дыжин.

– То и значит, – сказала Хурират. – Тут и гадать не надо, ты сама все видела. Этот парень заставит тебя оплакивать покойника. Его сердце принадлежит тебе. Ты скоро встретишься с ним. Вы полюбите друг друга. Но его смерть в твоих руках.

– Я его уже встретила... – прошептала побелевшая девушка.

– И снова встретишь. Храни тебя Бог.

– Я ничего не поняла... Нана, почему его смерть в моих руках?

– Жизнь тебе покажет, – Хурират встала, легла на кровать и тут же захрапела.

Девушки переглянулись.

– Пошли отсюда, я уже задыхаюсь от вони, – шепотом сказала Дыжин.

Синамис снова цыкнула на нее, и они на цыпочках вышли из дома.

– Я бы не удивилась, – не унималась Дыжин, – если бы из-под ее одеяла выползла лягушка или змея.

– Какая ты злая! – ответила Синамис. – Она старая, одинокая, и явно не в себе...

– Да ведьма она, говорю тебе! Видела, какие у нее глаза? А единственный зуб торчком! А пальцы врасстырку! Бр-р-р – девушка поежилась.

– Ладно, пошла я домой, а то мать беспокоиться начнет.

Подруги расстались, Синамис вернулась домой и, не подавая вида, стала хлопотать в доме, и так до самого вечера она старалась не привлечь внимания матери. Когда наконец стемнело, предложила матери лечь спать.

– Нет, душа моя, – отказалась Гупса, – я еще посижу. Все равно не засну, проворочаюсь полночи.

Синамис пожелала матери доброй ночи и пошла в свою комнату. Незнакомец снова пришел к ней во сне, на этот раз он стрелял из лука по орлам в небе...

Когда она спозаранок вышла во двор, мать уже хлопотала по хозяйству. Гупса скрыла от дочери, что и не ложилась вовсе. Смутное предчувствие беды терзало ее душу, не отпуская ни днем, ни ночью...

После завтрака Синамис отправилась за водой. Ветрено в пойме с утра, но свежий воздух бодрит и наполняет сердце счастьем. Надышавшись полной грудью, девушка набрала воды в кувшин и подняла его на плечо. Обернулась – и едва не закричала от неожиданности: перед ней стоял тот, кто тревожил ее сон.

– Дашь глоток воды, красавица?

Он сказал это мягким голосом, но для нее слова его прозвучали подобно приказу. Она сняла с плеча кувшин и протянула ему. Он отпил глоток, вылил воду, заново наполнил кувшин и вернул ей:

– Любима будь, как вода.

– На здоровье...

– Можно спросить тебя, красавица? – он глянул на нее, как в первый раз, надменно подняв голову.

– Спрашивай.

– При первой нашей встрече я, кажется, напугал тебя. Я был не в духе тогда: охотился на трех ланей, двух подстрелил, а одна ушла. И мой шрам, вижу, пугает тебя. Знаю, он не красит меня. – Парень повернулся боком, скрывая изуродованную щеку.

– Думается мне, что шрамы на лице или на жизни не умаляют красоту души, – тихо, но достаточно смело ответила девушка. – Душа не видна глазу, она дарована Богом, значит, она важнее внешнего облика.

Он не ожидал от незнакомки таких речей. Помолчав, сказал:

– Спасибо на добром слове. Видно, разумна ты не по годам. Как зовут тебя, красавица?

– Синамис.

– Синамис... Си нам ис – «живущая в моих глазах», значит, живущая в моем сердце, так? – Он впервые улыбнулся, она почувствовала это по его голосу и подняла глаза – ей очень хотелось увидеть его лицо не суровым, как обычно. Ее синие глаза поразили его, он уже не мог отвести от нее глаз.

– А меня зовут Мамуко.

Девушка кивнула.

– Мне пора, – она подняла кувшин на плечо и легкой поступью, доставшейся от матери, пошла по тропинке к дому. Он не стал окликать ее, только глядел вслед, не отрываясь...

Синамис была сама не своя. Все падало из рук. Все мысли – только о нем. Она уже забыла злоещие предсказания Хурират, она больше не боялась его шрама, ей даже казалось теперь, что шрам ему к лицу.

От матери не скроешь ничего. Гупса видела, что с дочерью что-то творится, но спрашивать не хотела – пусть сама расскажет. Сейчас ее тревожило другое: она поминутно молила Всевышнего вернуть ей сыновей живыми. Вот уже несколько дней, как они должны вернуться...

Синамис поделилась с Дыжин, и теперь подруга донимала ее расспросами. Но за всю неделю Мамуко ни разу не появился у реки. А она думала о нем неотступно и понимала, что влюблена...

***

Мамуко вернулся к ожидавшему на опушке коню, отвязал его и вскочил в седло. Полдня летел он быстрее ветра лесной дорогой. Возле шалаша в лесной чащобе спешил и зашел внутрь.

– Как себя чувствуешь, отец? – спросил у лежащего в постели старика.

– Недолго мне осталось, чую... Не езди больше за травами так далеко, мне они уже не помогут. Займись лучше делом.

– Нет, отец, я не теряю надежды, ты поправишься.

– Я сказал – нет, – старик говорил с трудом, однако был настойчив. – Иное важнее... Пока не закрылись мои глаза, хочу увидеть, как опустеет очаг Матгерия. Если не принесешь мне голову Готыжа, считай, что я умер дважды...

– Хорошо, отец, я исполню твою волю, клянусь, – произнес Мамуко и вышел из шалаша.

– Господин, – подбегая к нему, сказал запыхавшийся статный юноша, – мы снова не нашли след Готыжа. Но он тяжело ранен, далеко уйти не мог.

– Прочь с глаз моих! – рассердился Мамуко. Его глаза метали молнии. – И ни слова больше!

Тот поспешил скрыться.

Сколько помнил себя, Мамуко жил в этом лесу. О матери он не знал

ничего. Как подросток, он вместе с отцом и его людьми занимались тем, что грабили и убивали, убивали и грабили. Вся жизнь его проходила в этом непролазном лесу, без света и солнца. Их было двадцать человек, но после недавней встречи с тремя братьями осталось четырнадцать, включая его самого и смертельно раненного отца. В тот памятный день, когда он увидел Синамис, он искал в пойме реки целебную траву для отца. Три лани, из которых две убиты, а одна ушла от погони – это были братья Синамис. Откуда ему было знать? Голову третьего из братьев требовал на смертном одре старый Хасбий...

Вторым по старшинству в группе был Аслангерий, друг и правая рука отца. Именно он занимался воспитанием юного Мамуко. Так вышло, что родной отец учил его убивать и грабить, а друг отца учил его настоящему мужеству и хорошим манерам. Часто юноша задавался вопросом: как совместить в себе и в жизни эти два несовместимых начала – жестокие нравы разбойничьего существования и хорошее воспитание? В какую сторону ему повернуть?.. Видно, пришла пора произнести эти вопросы вслух, и кто же на них ответит, если не его воспитатель?

– Я хочу знать правду, – обратился он к Аслангерию. – Я ни разу не спросил, кто мы, почему живем в лесу, просторимся людей, с кем воюем и за что. Но теперь я хочу все узнать. Прошу, не таи от меня ничего!

Аслангерий не удивился. Он давно ждал этого часа.

– Однажды я дал слово твоему отцу, что ты никогда не узнаешь правды, – признался он. – Но теперь... Ты уже мужчина, имею ли я право скрывать?..

– Говори же, прошу!

– Мы живем в лесу, потому что мы разбойники. Это ты и сам знаешь. А все началось с твоего отца и отца тех троих братьев, с которыми мы сцепились недавно.

– Ничего не понимаю... При чем тут...

– Твой отец и их отец были друзьями когда-то. Но на беду полюбили они одну девушку. Ей и вправду равных не было! Звали ее Гупса. Она предпочла Матгерия, и вчерашние друзья сделались заклятыми врагами. Твой отец поклялся, что не успокоится, пока не убьет Матгерия и не уничтожит всю его семью. Это сейчас мы живем тут в нищете, а раньше твой отец был уорком. А Матгерий был простолудином. Это было невыносимо для Хасбия, к тому же он не мог забыть Гупсу. Начал он свирепствовать, срывать зло на невинных людях. Как-то подогрел он свою злость вином, насильно увез аульскую девушку в лес и надругался над ней. Несчастная вскоре поняла, что беременна. Когда подошел срок, она тайком скрылась у одной бабки, там и разрешилась от бремени. Да разве от людей что скроешь? Дошла до Хасбия весть, что у него родился сын. Разыскал женщину, чтобы забрать ребенка. А она воспротивилась, бедняжка, говорит, только через мой труп. Что ж, так и быть. Убил он женщину, забрал тебя, взял нас с собой и ушел в лес. Боялся расправы. С тех пор тут и живем. Вот вся правда, Мамуко.

Юноша слушал, боясь вздохнуть. Наконец пересилил себя и спросил:

– А эти трое братьев, в чем была их вина, за что мы их убили?

– Говорю же, рассудок помутился у Хасбия. Он давно следил за братьями. Двое мертвы, третий, наверно, тоже умер где-нибудь в укрытии...

Потрясенный Мамуко вернулся в шалаш к отцу. Его ждала страшная картина: отец лежал бездыханный. Мамуко поднял свесившуюся безжизненную руку, бережно положил вдоль тела, сказал тихо:

– Да простит тебя Бог, отец...

Теперь место отца во главе лесной братии занял Мамуко. В тот же день он сообщил свою волю: с разбоем покончено, не будет на их совести новых жертв, а значит, надо думать о новой жизни... Никто не возражал. Хасбия похоронили, в тот же день с почестями похоронили убитых братьев – Айтека и Жанхота. Ночь Мамуко провел с надеждой на новую встречу с девушкой в пойме Лабы.

***

Она пришла за водой к бурной реке, как бывало каждый день. Увидев ее издали, Мамуко почувствовал горячее биение своего сердца.

Только вчера схоронил он отца, но скорбь в его душе была не по покойному, а по той бесполезной жизни, на которую обрек умерший и его, своего сына, и других людей, о тех бессмысленных жертвах, что приносились в угоду его злобе. Сможет ли он когда-нибудь простить... От отца Мамуко унаследовал разве что разбойничий образ жизни, но никак не злонравие. Видно, пошел он в мать. Знать бы хоть имя ее, бедняжки...

Он кашлянул, чтобы не напугать ее. Она обернулась, сердце ее радостно заколотилось, но она лишь глазами улыбнулась слегка, показывая, что рада его приходу.

– Доброго дня тебе, Си нам ис – Живущая в Моих Глазах. – Давно не виделись.

– Всего лишь десять дней, – пожал плечами девушка.

– Скажи лучше – десять лет, так будет вернее для меня.

– Как ты сказал? – вырвалось у девушки.

– Хочешь – повторю.

– Нет-нет, – смутилась Синамис.

Они впервые смотрели в глаза друг другу, их сердца сжигал огонь, сжигал и не причинял боли. Какие у него глаза! Недаром говорят, что они – зеркало души.

– Живущая в Моих Глазах, – повторил Мамуко, – сердце мое в твоих руках, бери его, делай с ним, что хочешь.

Она вздрогнула, ей вспомнились вдруг слова гадалки...

– Давай, – она протянула руки, но тут же устыдилась своего порыва и отдернула их.

– Синамис! – раздался крик со стороны тропы. К ним бежала Дыжин.

– Мы увидимся завтра? – спросил он.

Девушка пожал плечами.

– Не знаю.

– Буду ждать тебя здесь, завтра, в этот же час.

Он быстрым шагом ушел в сторону леса.

Синамис подняла свой кувшин, но выронила его из рук, когда приблизилась Дыжин. Обе побежали по тропе к дому. Кувшин с выплескивающейся водой остался лежать на берегу...

У плетня стоял понурый конь Готыжа. На его спине запеклась кровь. Во дворе собрались соседи. Синамис вбежала в дом. Распластанного на кровати Готыжа она не сразу узнала. Опухший, с синюшным лицом, с гноящимися ранами... Но еще живой. Синамис упала перед ним на колени и беззвучно, чтобы не слышал раненый, зарыдала. Мать стояла, отвернувшись к стене, чтобы никто не видел ее страданий.

– Нана... – собрав все силы, произнес Готыж.

– Что, душа моя, я здесь, – кинулась к нему мать.

– Синамис... – окликнул он сестру.

– Я здесь, Готыж, – она хотела взять его за руку, но боялась причинить ему боль. Не знала она, что боли он уже не чувствует, и лишь собирается с силами для последних слов.

– Посреди леса стоит большой шалаш, там живут разбойники. Предводителем у них – убийца нашего отца, по имени Хасбий... Он так и кричал: «Отправляйтесь за своим отцом, я ему обещал прислать вас следом!» Жанхот и Айтек погибли с оружием в руках, как мужчины. Если встану – отомщу за них... Хасбия больше нет. Я нанес ему рану, от которой никто еще не оправился. Но сын его... Мамуко... он убил моих братьев...

При этом имени Синамис перестала плакать и застыла на коленях, как статуя. Руки ее стали ледяными и бессильно опустились. А мать уже оплакивала сына, зная, что не сможет он сдержать своего слова... Теперь она знала, кто виной ее несчастной жизни, но что поделать? Остается только плакать, и теперь она уже не стеснялась слез.

Готыж начал бредить. Отрывистые слова слетали с его губ, и различить можно было лишь одно слово:

– Простите... простите... – предсмертная судорога свела его бедное тело, и вскоре он навеки затих...

Синамис сидит, окаменевшая, не сводя немигающих глаз с брата. Никто не знает, какой ад пылает сейчас в глубине ее сердца. Словно издалека, слышит она причитания матери: «Судьба была вам возвращаться пластом на спине коня...».

После похорон слышавшие последние слова Готыжа родственники и друзья собрались седлать коней – вершить правую месть.

Синамис забыла обо всем – и об измученной слезами матери, и о том, что девушке не пристало идти в бой наравне с мужчинами. Она переоделась в одежду своих братьев, оставила Дыжин рядом с матерью, села на коня и поскакала вслед за уехавшими с вечера всадниками.

Как она могла полюбить Мамуко, который на самом деле оказался кровожадным убийцей! Ветви хлестали ее по лицу, но она этого не замечала. На заре она догнала всадников, но объехала их стороной и направилась в чащобу одна. Деревья как бы расступились, открывая взору лесное пристанище разбойников. Не останавливаясь, подогнала взмыленного коня прямо к шалашу. На топот вышли мужчины, последним появился Мамуко. Не долго думая, она выхватила кинжал и бросилась к нему, но двое мужчин схватили ее.

– Пустите! – крикнула она. – Кому говорю, пустите! Что стоишь, убийца?! Или я тебя убью, или ты меня! Вы же с отцом поклялись опустошить наш очаг!

– Это что, женщина?! – переглянулись лесные люди. Сорвали с пришельца шапку – упала из-под нее светлая коса. Она глядела на него, и глаза ее метали искры ярости.

Он не сразу понял, что это Синамис. Он и подумать не мог... Вот она, его единственная любовь, стоит перед ним. Лишь теперь он понял, почему так и не дождался ее у реки...

– Чего ты ждешь?! – продолжала кричать Синамис. – Ты же хотел уничтожить нас всех – вот я, последняя из семьи. Что сделали вам мой отец, мои братья?! За что?! – слезы, сдерживаемые все эти дни, полились градом.

У него не было ответа.

Тем временем с шумом подросли мстители. Двенадцать всадников ринулись к ним навстречу. Лишь Мамуко остался на месте. Он медленно повернулся и ушел внутрь шалаша. Обессилевшая Синамис подобрала выбитый из рук кинжал и вошла вслед за ним. Он стоял спиной. Едва передвигая ноги, она подошла к нему, подняла кинжал и замахнулась. В этот миг он обернулся и сказал:

– Ты вольна делать все, что захочешь. Это будет заслуженная кара. Только позволь сказать напоследок.

– Говори!

– Я лишь сейчас понял, что те трое убитых – твои братья. И причину вражды наших отцов я узнал недавно. И встречу с тобой, поверь, я не задумывал заранее. Судьба свела нас, видно, для того, чтобы усугубить мое наказание. Ты вошла в мое сердце, Живущая в Моих Глазах, ты явилась новым солнцем в моей пустой жизни, и с тобой я надеялся на новую жизнь. Я тебе уже говорил: мое сердце – в твоих руках, делай с ним, что хочешь.

– Моя мать оплакивает трех сыновей разом, да и то смогла лишь одного похоронить по-людски. Совсем юной овдовела. Вся жизнь ее была страданием. А я? Как я смогу жить после этого? Не скрою, и в моей душе пробудились светлые чувства. Но они теперь исходят кровью...

– Меня воспитал убийца, и воспитал убийцей. Грабить и убивать – ничего другого я в жизни не знал. Из-за вражды наших отцов – нет, по вине моего отца пролито столько крови. Прости меня!

– Бог вам судья! – только и сказала девушка. Она подняла высоко кинжал и вонзила себе в грудь.

– Синамис! – что есть силы, закричал Мамуко. Он подхватил ее, уже обмякшую, и прошептал: – Си нам ис... Живущая в Моих Глазах...

Единственная слезинка скатилась по ее щеке:

– Не суждено было мне стать твоей... Пусти, не прикасайся ко мне...

Мамуко вытащил кинжал из раны и прижал ее к своей груди, надеясь остановить хлещущую кровь. Горячие струи стекали по его груди.

В это время шалаш подожгли. Он сгорел в считанные мгновения. На пепелище нашли два обгоревших тела. Они были прижаты друг к другу, рука в руке... Узнав, что из сгоревших одна – Синамис, мстители вернулись домой с горестно опущенными головами. Сочтя себя повинной в гибели всей семьи, недолго после этого прожила и Гупса.

К юбилею Юрия Темирканова

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЮБИЛЕЮ

Последний взмах руки, и дирижер как бы собирает мелодию в единый сгусток энергии, а затем неуловимым движением отправляет его куда-то за грань доступного восприятию. Ты же как будто паришь в возникшей тишине и все еще слышишь эту музыку, она не отпускает тебя... И только потом, мгновения спустя, когда зал, как бы очнувшись, взрывается аплодисментами, возвращаешься к действительности. Овация длится и длится, а маэстро Темирканов, улыбаясь, старается перевести внимание публики на музыкантов оркестра, на солистов...

Сколько бы ни приходилось бывать на его концертах и спектаклях, каждый раз меня потрясает удивительная способность Юрия к перевоплощению, умение полностью отрешиться от окружающей обстановки при выступлении. Творчество – только оно занимает Темирканова. Он ничего не умеет делать вполсилы, всегда выкладывается до конца, не боясь расплескать свой талант. Не часто удается дирижеру так безраздельно завоевывать сердца музыкантов и публики. Талант художественного руководителя Санкт-Петербургской филармонии, главного дирижера заслуженного коллектива России академического симфонического оркестра филармонии Юрия Темирканова еще и в том, что он способен покорять людские души редкой способностью к общению, своим личностным воздействием на слушателей, на коллег. Поэтому столь светлой и одухотворенной была атмосфера на его юбилейных торжествах. Здесь присутствовали его именитые друзья и искренние почитатели. Музыканты из многих стран мира в разное время выступавшие с ним на сценах самых знаменитых театров, приехали в Санкт-Петербург, чтобы поздравить прославленного дирижера с 70-летием и выразить свою благодарность за все, что он создал в мире музыки и культуры. «Годы нашей совместной работы доставили мне радость и творческое удовлетворение. Сотрудничество с Вами привнесло глубокий смысл в поиске истинных глубин в музыке», – так выразил свои чувства Джон Гидвиц, бывший президент Балтиморского симфонического оркестра. А Мауро Букарелли, художественный секретарь Национальной академии Италии «Санта-Чечилия», сказал: «Встретить такую благородную, великодушную человеческую и преданную личность, как Вы, маэстро, – большая радость». Для меня же давняя, с юных лет длящаяся дружба с Юрием Темиркановым, – подарок судьбы. Это очень верный, преданный и надежный друг. Он по-человечески одарен. Он – личность, что проявляется во всем.

В молодые годы Темирканов еще не знал, чего сможет достигнуть, чем порадует людей, что сумеет им сказать. Распорядись судьба ина-

че, и он, возможно, стал бы знаменитым художником, как его старший брат Владимир. Или преуспел в другом виде искусства. Но он был целенаправлен и самозабвенен в покорении своих вершин в музыке. Меня всегда удивляло, до чего же много среди моих сверстников выдающихся писателей, художников, ученых, в том числе и уроженцев Кабардино-Балкарии. Вероятно, всем нам, детям послевоенного времени, сполна испытавшим лишения, голод, безотцовщину, безумно хотелось иной, сказочной жизни. Все тянулись к прекрасному, к духовному. Мы – дети экстремального времени, пробудившего в нас скрытые возможности и таланты, не стремились иметь как можно больше благ, а хотели стать. Стать самыми первыми, самыми лучшими. Мы с жадностью постигали и покоряли мир. Юрию удалось это лучше всех. Сегодня его имя широко известно. Его творчество исследуют, посвящают ему целые монографии, пытаются определить природу дарования выдающегося маэстро, стараются подражать и копировать. Но нет – не получается! Темирканов уникален. В нем на редкость счастливо сочетаются природные дарования, трудолюбие и целеустремленный характер. И еще сопутствует удача. Удача в том, что в начале жизненного пути ему повезло встретить людей, сумевших разглядеть в кабардинском мальчике великие возможности и помочь их реализовать. И он с радостью воспринял эту помощь и заботу. Это тоже редкий талант – быть искренне благодарным.

Юрий не просто помнит доброе к себе отношение, но и старается сторицей вернуть его, щедро дарит теперь уже свои внимание и заботу молодым талантам. Недаром в Ханты-Мансийске, где реализуется его проект по приобщению детей к музыкальной культуре, нынешний год назван годом Ю. Темирканова.

Международный Фонд культурных инициатив маэстро Темирканова способствует развитию и приумножению духовной культуры Санкт-Петербурга, города ставшего для Юрия поистине родным. Конечно, популяризация музыкального, изобразительного и других видов искусств, возрождение международного престижа духовной культуры России, задачи весьма важные. Но меня приятно удивила забота Фонда о создании условий для наиболее полной реализации творческих возможностей музыкантов, создании дополнительных рабочих мест для работников культуры и обеспечении их социально-правовой защитой, осуществлении благотворительной деятельности в области культуры и искусства. Об этом и других проблемах сегодняшней культурной жизни мы с Юрием беседовали накануне его юбилейного вечера в Санкт-Петербургской академической филармонии. Нас с Русланом Фировым он пригласил в гости в свою квартиру, расположенную неподалеку от Исаакиевского собора. Неожиданно сообщили, что съемочная группа из Нальчика, приехавшая на торжества, просит его дать небольшое интервью, если это возможно в такой день. Юрий, не раздумывая, тут же велел привести всех в дом и искренне радовался вниманию земляков. Долго не хотел отпускать и нас. Расспрашивал о положении дел в республике, в Северо-Кавказском

регионе. Вспоминали общих друзей и знакомых, и нечастые наши встречи. Особенно ему запомнилась ночь, проведенная однажды в яблоневом саду в селении Кенже, когда он вместе с художником Кировского театра Игорем Ивановым упросил меня оставить их там переночевать у костра под буркой. Впечатлений было потом – уйма! Я же вспоминал все те его концерты, на которые он нередко приглашал меня в Ленинграде и в Москве. Только на репетициях, когда он завершал их уставший и буквально выжатый, я помнил, что это мой друг, Юрий Темирканов. Но потом, на концерте, все куда-то уходило, музыка захватывала, и за дирижерским пультом я видел совсем другого Темирканова, того, который принадлежал уже всему человечеству. Его обаяние и в жизни, и за пультом просто безгранично. Он как-то сказал, что дирижер это не только исполнитель и артист – это еще и мессия, потому что с концерта человек должен уйти лучше, чем пришел на него. И хотя наполненность его жизни мешает нам видиться часто, любая наша встреча искренне сердечна. Он умеет дарить друзьям частицу своей души бескорыстно.

Темирканов всегда очень строго подвергал сомнению все, что делал. Он отвечал и отвечает за каждый свой шаг в творчестве. В 1982 году на сцене Мариинского театра он ставит оперу Чайковского «Евгений Онегин» как режиссер-постановщик. Такое в музыкальном мире нашей страны случилось впервые. И в процессе работы Юра изучил столько оригинальных документов, переворошил такое количество материалов, что не под силу иному литературоведу за всю жизнь. В итоге доскональным знанием литературного источника он просто поражал коллег и друзей-композиторов – Родиона Щедрина и Андрея Петрова, не раз восклицавших: «Да ты музыкант или литератор?!».

Потом были постановки опер Чайковского «Пиковая дама» и Мусоргского «Борис Годунов». Но мне очень хотелось увидеть его спектакль «Мертвые души» по Гоголю. Как и для многих почитателей его многогранного таланта, для меня это стало откровением. Говорят, что вписать собственный исполнительский сюжет в белое пространство партитуры – это то же, что выполнить фигуру высшего пилотажа, и это искусство, в котором так силен Юрий Темирканов, доступно немногим. Задача дирижера необычайно сложна. Он должен почувствовать автора музыки и то его состояние, в котором тот ее написал. Только тогда – это шедевр. Юрий не боится импровизировать даже на тщательно отрепетированном концерте. И всегда добивается ощущения радости от душевного контакта со слушателями.

Его высокий дар, могучий темперамент Родион Щедрин оценил еще с первой их встречи в Париже, где Темирканов на сцене театра «Де ля Виль» дирижировал прокофьевским «Иваном Грозным». И подарком композитора юбилею, на сей раз, стала пьеса «Виват!», написанная специально по этому поводу. Впрочем, весь грандиозный музыкальный праздник в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии был своеобразным подношением мировой музыкальной общественности Юрию Темирка-

нову к его 70-летию. Поздравления маэстро принимал стоя, стройный и элегантный, со слегка поднятой головой – так, как если бы он находился за дирижерским пультом. Вот только в глазах его блестела влага... С годами Юра стал более сентиментальным. Однако это никогда не мешало ему быть весьма требовательным, а порой и жестким, в профессиональном плане. И в первую очередь к себе. Ведь это необычайно сложно – дирижировать незнакомым оркестром, тем более таким, как Филадельфийский. Он оказался одним из первых советских дирижеров, которого знаменитый коллектив пригласил на концерты.

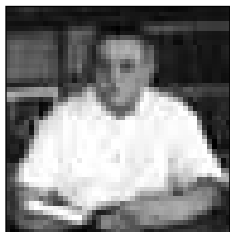
Это по его инициативе возник фестиваль «Площадь искусств», художественным руководителем которого он является. Такой площади нет ни в одном городе мира. И все эти годы Темирканов продолжает царить на площади искусств, и в прямом, и в переносном смысле.

Уже не одно десятилетие Темирканов находится на дирижерском Олимпе, там – где единицы. Он – достояние нашего народа и гордость всей России. И, по его словам, самыми дорогими наградами на этом юбилее для него стали российский орден «За заслуги перед Отечеством» I степени и высшая награда республики – Почетный знак «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой».

Торжества по случаю 70-летнего юбилея маэстро продолжатся и в республике. И мы, его земляки, вновь испытаем очарование его личности, его таланта. Юрия Темирканова всегда хочется и слышать, и видеть одновременно. От него исходит властный, гипнотизирующий посыл. Этот посыл всегда искренний, его не сделаешь по заказу. Его музыка возвышает, завораживает... Вот руки Темирканова взмывают вверх, темп музыки мгновенно убыстряется, звучание инструментов сливается в один стремительный энергетический поток. И вот уже нет ничего, только неземное ощущение блаженства и свободы, – наверное, такое, как бывает только в детстве. Последний взмах руки и...

Пишкан Таов

К юбилею Эльберда Мальбахова

Родился 4 февраля 1939 года в г. Грозный, – писатель, журналист, переводчик. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета (1961). С 1961-го по 1969 г. – корреспондент газеты «Кабардино-Балкарская правда», с 1969-го по 1979 г. – собственный корреспондент ТАСС по Кабардино-Балкарии; с 1979-го по 1984 г. – собкор по Омской области, до конца 1990 г. – литературный консультант Кабардино-Балкарской писательской организации. С 1991-го по 2000 г. – главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Мальбахов – член Союза писателей СССР (1979), заслуженный деятель культуры КБР (2000); награжден медалью «За доблестный труд» (1970), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР (1989).

Первые публикации Эльберда относятся к 1963 г.: рассказы, переводы произведений кабардинских и балкарских писателей. В дальнейшем одна за другой выходят книги: «Наш дом – Кабардино-Балкария» (1971), «Набирая высоту» (1972), «Воспоминания охотничьей собаки» (1973), романы «Страшен путь на Ошхамахо» (1980), «Ищи, где не прятал» (1990).

Первый рассказ Эльберда «Растрата» опубликован в 1963 г. в литературно-художественном сборнике «Люди и дни» молодых писателей и поэтов Кабардино-Балкарии, пишущих на русском языке. Затем он печатался в сборниках «Рукопожатие» (1966) и «Мозаика» (1970). Книга «Наш дом – Кабардино-Балкария», вышедшая в 1971 г. в Москве и в 1978-м в Нальчике, не утратила своей значимости в изучении истории родного края.

Настоящим открытием для критики и читателя стал первый роман М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» (1980), в котором он обратился к событиям далекой старины, к истории своей родины.

Писатель смотрит на прошлое не бесстрастным взором ученого, не отстраненно, а заинтересованно, с чувством сопричастности к тому, о чем он пишет. Он любит своих героев и не может оставаться равнодушным к их судьбам, прослеживая их пути на протяжении огромного временного периода. Роман повествует о героической борьбе адыгов за свою независимость, воспроизводит быт и обычаи кабардинского народа. В нем описаны истоки дружбы между Кабардой и Россией.

Постоянный интерес к прошлому своего народа выразился в полной мере и в другом романе М. Эльберда – «Ищи, где не прятал» (1990). В этом романе в полной мере проявилась творческая зрелость автора. Он демонстрирует широкую эрудицию, знание исторического материала. Без определенной подготовки невозможно создать такое историческое

полотно. Роман построен на событиях XVI в., относящихся к первым русско-кабардинским связям.

Писатель подчеркивает, что осмысление прошлого способствует моральному оздоровлению современного общества; считая, что лучшее средство для воспитания патриотизма – изучение истории, автор еще раз подтверждает истину: чтобы верить в будущее и любить настоящее, надо знать прошлое.

На страницах романа предстают, словно живые, глубокие и сильные образы исторических личностей: Темрюка Идарова, Ивана Грозного и др. В уста Темрюка Идарова, «мужа могучей стати», автор вкладывает слова об объединении Кабарды с Россией: «Нам с Россией надо жить одним домом». Слова эти поддерживает Щепотьев – «важная персона из далекой загадочной Москвы»: «Держава единством крепится».

Автор пишет о необходимости сближения с Россией, о налаживании взаимоотношений и единении с ней, ничуть не умаляя политической значимости Кабарды того времени.

Произведения М. Эльберда наполнены гордостью за историю своей родины, глубоким уважением к прошлому. Пишущий на русском языке, он обнаруживает прекрасное знание родной истории, традиционного быта и уклада своего народа, который показан им с большой художественной яркостью и подлинностью. Заслуга писателя еще и в том, что его творчество способствует формированию исторического сознания и патриотизма у современников.

Перу М. Эльберда принадлежат переводы многих произведений кабардинских и балкарских писателей, изданных в Москве и Нальчике. Это вторая часть романа Х. Теунова «Подари красоту души» (1968), третья книга тетралогии А. Шортанова «Горцы» (1994–1995), роман А. Тепеева «Мост Сират» (1994–1995), рассказы и повести Э. Гуртуева – «Похвала добродетели» (1988), повесть Х. Хавпачева «Дорога» (1968) и др.

Много и тепло писал М. Эльберд о собратьях по перу – поэтах и писателях Кабардино-Балкарии: Алиме Кешокове, Кайсыне Кулиеве, Танзиле Зумакуловой, Зубере Тхагазитове, Адаме Шогенцукове, Аскерби Шортанове, Иссе Боташеве, Кериме Отарове и др.

Произведения М. Эльберда занимают достойное место в родной литературе. Писательский талант, высокое мастерство художника снискали ему широкую известность и популярность.

Гарий НЕМЧЕНКО

ДРУЖИЩЕ ЭЛИК

У краснодарского профессора Юры Хагурова, у Айтеча Аюбовича, у доктора наук, академика, который давно бы мог забросить свою социологию, потому что уже успел состояться как великолепный, пишущий на русском, прозаик, был с собой полиэтиленовый пакет с бритвой, как понимаю, и мыльницей да кожаная сумочка с документами, а у меня тяжелый кофр с моими книгами – Тенгиз настаивал, чтобы непременно привез, – довольно большая сумка со всякой одежкой и маленькая, на плече, с разной разностью. Пока вещи не расхватали наши встречающие, Юре пришлось мне помогать, и я все переживал и стыдился: да что же, мол, я за «шмоточник» такой? В коротенькую поездку столько всего набрал!

Но я, оказывается, зря не захватил кипяtilьник, с вечера пришлось выпрашивать у дежурной шикарного полупустого пансионата...

Зато утром, когда уже попил крепенького чайку – то сидя в удобном кресле и поглядывая на свои иконы и на будильник на тумбочке возле кровати, а то – стоя перед выходящим на балкон громадным, во всю стену окном и глядя на полоску изжелта-зеленоватой зари над еще темными горами, – в голову мне вдруг пришло: да потому я все это с собой и вожу, потому, как черепаха свой дом на себе, таскаю, чтобы в бесконечных путешествиях из края в край сохранить как раз это – ощущение родного дома...

И если, в конце-то концов, это открылось мне в Нальчике – значит, тут оно намного сильнее, это ощущение. А почему?.. Может, тут-то и есть мой дом? Или – был. Или – когда-то будет.

Очень понравилось это тем, кто расслышал, когда попытался озвучить пришедшую утром мысль уже на подвыпившем, расшумевшемся вечером банкете в уютно и как бы чуть иронично стилизованном – винчестеры на стенах и даже официанты в ковбойских шляпах – ресторанчике «Лимонадный Джо», где мы вдали от «уважаемых старших» и от оч-чень больших начальников сидели с Эликом Мальбаховым чуть не в конце стола...

В самом конце сидели танцоры в национальных костюмах, а когда как раз напротив нас расположились музыканты в черкесах – с шичепшинэ, трещотками и гармошкой, – Элик, чуть заикаясь, пошутил:

– Я думал, тут будут ребята с банджо и саксофоном, а оно – вон, опять наши!

Ох, Элик-Элик!

И эти «ребята с банджо и саксофоном»...

Сперва я даже не узнал его, когда как бы наткнулся в зале, где должна была происходить наша «презентация»...

Более чем скромно одетый, но явно не придающий этому факту значения, – на нем была порядком заношенная темно-серая тройка из джинсы,

брюки, рубаха, жилет со множеством кармашков – тот самый удобный наряд, какой все не решусь надеть у себя в Кобякове под Звенигородом, чтобы в переполненной электричке ехать в этом в Москву, – так вот, скромно одетый хмурый пожилой горец с резкими и печальными чертами, носящими явные следы былой красоты и былого мужества... Или мужество былым быть не может?

Заметно было, что он уже «взял на грудь» стопку-другую, чтобы почувствовать себя уверенней, но уверенности в нем как раз и не было – когда, крепко пообнимавшись и поосыпав друг дружку радостными восклицаниями, уселись в зале в середине первого ряда, чуть ли не наотрез потом отказывался вместе подниматься на сцену...

Но вот, когда уже сидели плечом к плечу во втором, само собою, ряду президиума – и тут как опытные «заднескамеечники», и тут – и я держал в руках только что отданный мне его однотомник с трогательной «дарственной» – Элик стал постепенно отходить... или как раз – приходиться?

В себя.

На собственном портрете, снятом на самом пике времен между уходящей молодостью и наступившей зрелостью, Элик пририсовал чернилами сердце, пробитое гусиным пером с моей фамилией, а на страничке рядом написал: «Дружище Гари! Моя память крепка и благодарна, чувства искренни и полны...»

Но хватит, хватит. Мы ведь, что там ни говори, кавказцы. «Мужчины черные», несмотря на седину. «Железноглазые».

Потом-то я уже понял, что он переживал: как встретимся? Сохранилось ли между нами то студенческое братство, которым – как хорошо я это понял потом! – он так бескомпромиссно и так трепетно дорожил...

– Это мой внук, – кивнул на снимавшего сперва зал, а потом и президиум молодого телевизионного оператора, высокого и чуть полноватого.

Я нарочно возмутился:

– Так что же он снимает других, а не нас с тобой? Разве ты его не предупредил?!

– Он на р-работе, – мягко ответил Элик.

Жена его, Галя, умерла, пожалуй, лет пятнадцать назад, он так и жил вдовцом в двухкомнатной квартире, где ждала его только постаревшая собака – с какой самоотверженной радостью она потом бросалась на нас – от одного к другому – когда глубокой ночью мы заехали к Элику за картиной, которую он с предусмотрительной надеждой уже подписал для меня на обороте холста... Элик-Элик!

Недаром говорится, что талантливый человек во всем талантлив: теперь он занимался еще и живописью и, как бы предупреждая возможное мое к этому его увлечению критическое восприятие, сказал, явно волнуясь:

– Наши художники относятся к моим работам серьезно, поверь.

Да почему же мне было не верить, если пейзаж был написан не только профессионально – написан мастерски... Или брал свое еще и дорогой нам обоим сюжет?

– С порога отцовского дома в моей Отрадной видать было только далекую верхушку Эльбруса, а тут он во всей красе, Ошхамахо.

– Будешь в Москве родину вспоминать! – сказал он растроганно. – А з-заодно и автора. И факультет наш. И – целину...

Ну, как без нее, еще бы!

...А Элик мне, в очередной раз накрепко «завязавшему», подкладывал на тарелку то бочок «куриной богини» – индейки, обильно полив его острым соусом, то ломтики да кружочки духовитого кабардинского сыра, который ну прямо-таки требовал к себе и зеленого лучка, и петрушки с кинзой, и тархуна с укропом...

– Не пьешь, так хотя бы закусывай! – наставлял Элик. – Конечно, всему этому далеко до тех борщей, которые варила нам Нина Буденная...

Никак он не мог успокоиться – может, тогда, на Алтае, в этой деревеньке с таким свойским по тем-то временам названием Никитовка мы, и в самом деле, пережили самые светлые свои времена нашей молодости?

Еще в поезде, между песнями под гитару в теплушке с нарами, Нина и Юла предупредили нас: пожалуйста, мол, не выдавайте нас, не говорите, что и Буденная, и Хрущева – те самые. Иначе тут же со всей округи начнут свозить жалобы, а отцы категорически запрещают нам брать их: мол, это не ваше дело!

Кому оно, и правда что, непонятно?

И безудержный матерщинник дед Никита, первый к нам подступивший с расспросами, тут же получил насмешливый отпор:

– Да ты что, дед, что ты, Никит?.. Умный же вроде человек!

– Дык я и сам имя, тра-та-та, говорю, нашим бабам: если ба они были те, тут ба и охраны, тра-та-та, нагнали, и поваров, тра-та-та, навезли, и спальных, тра-та-та-та, вагонов...

– Скажешь тоже: какие вагоны, если железной дороги к деревне нет?

– Проложили ба! – восклицал дед Никита. – Долго, штолича? Или ба на стальных листах тракторами притащили – как у войну. А то ить у черных кухвайках ходють и у соломе сплять... А что едят-то?

Вот с этим-то с последним, с едой, было у нас, и действительно, плохо.

Запасы домашней, конечно же, вкуснейшей провизии, принесенные к поезду сердобольными родителями студентов-москвичей, пошли само собой в общий котел и скоро закончились. Шоколад остался только у одного, кто потихоньку ел его по ночам под одеялом: все на него глядели с презрением.

От колхоза нам полагалось мясо, картошка и капуста, но все это так и оставалось нетронутым: готовить в бригаде было некому. А работа между тем пошла жаркая...

– Жрать хочется зверски, девки! – называл вещи своими именами Лева Лебедев, долгие годы работавший потом в «Правде» заведующим спортивным отделом и каких только яств во всех уголках мира не отпробовавший. – Неужели никто из вас не умеет готовить?

– Ты ведь у нас деревенская, Нина! – сказал, помню, огненно-рыжей тогда Нине Деревянкиной, которая четверть века спустя принесла в редакцию «русской советской прозы», которой я тогда заведовал в издательстве «Советский писатель», сборник своих достаточно широко идущих по стране пьес. – Неужели тебя мама не научила?

– Этому – нет, – тихо ответила огненно-рыжая Деревянкина.

– А чему научила, Нинк? – слышалось ехидное.

– Да, ты прямо скажи товарищам!

– Не отпирайся, да!

Ясное дело, что мы тогда с успехом утешались вещами призрачными, и юмор наш в ту пору был, и действительно, спасительным.

И тут вдруг из этой самой соломы поднялась Буденная и робко, будто нарочно вразяжечку, спросила:

– Можно я вам готовить попробую, мальчики?..

– А ты умеешь, что ли?!

– А вы увидите, – продолжала она своим удивительным тогда, ну, прямо-таки сокровенным голоском. – Если после первого борща наш дружный коллектив оставит меня в живых, я – согласна...

Вот это прекрасно помню: как раненько растолкал Олега Дмитриева, Олежку, и мы с ним, как два уже опытных бродяги по просторам великой Родины – у меня за плечами было две геофизических экспедиции и одна у него – растопили на стане печку, из колодца с журавлем натаскали в бочку студеной воды, накололи приличную горку березовых полешек.

С каким нетерпением ждали потом на току новоявленную свою повариху, которую вместе с ее первой продукцией должен был на телеге доставить наш друг дед Никита!

И что бы вы думали?

Когда это случилось, наконец, и алюминиевые миски перед каждым из нас стали доверху наполняться самым настоящим – при чем тут «украинский», разве на Кубани он хуже?! – борщем, раздался такой дружный треск за ушами, что в нем тут же утонули наши все и всяческие сомнения...

А каша, каша с бараниной?!

Каждый день мы с Олегом вставали все так же рано и поднимали двух-трех помощников, которые должны были обежать ближайший лесок в поисках еще не замерзших грибов или позычить в деревне заказанной нашей поварихой сметаны и зелени.

Есть мы стали как на убой. Более того: решением общего собрания дед Никита был дружно повышен в должности – переведен в снабженцы, а кнут он торжественно вручил Нине, уважительно сказав перед этим:

– И в лошадях она, тра-та-та, понима-а-ат – надо жа!

На телеге с баками и с бачками Нина приезжала на ток теперь одна, сильно однажды запоздала и, смущаясь, потом объясняла:

– Хотела путь спрямить, мальчики, но перепутала дороги, уж вы меня простите!

Такого-то повара да не простить?!

Как-то увидел, что две высокопоставленные, чумазые от работы на кухне да на току подружки – Нина и Юла – таинственным шепотом о чем-то друг дружке напоминают и тут же обе начинают посмеиваться.

Юлу, с которой тогда и впрямь были особые отношения, шутливо попросил: мол, посвети...

– Только никому больше! – поставила она условие.

– Могила! – пришлось произнести.

Может, давно уже, как говорится, истек срок давности, и я могу теперь это рассказать? Не только Элику, которому тогда ни о чем таком не говорил, – всем.

– Отец просил ее писать письма, и Нина написала, что она теперь повариха. Как готовит, всем нашим нравится, и еду теперь, чтобы немножко отдохнуть да с нами пообщаться, возит сама, – тихонько посмеиваясь, стала Юла рассказывать. – Так и написала: папа, я теперь заодно и конюх!.. И написала, как она заблудилась в степи... Знаешь, что ей Семен Михалыч написал в ответ?.. Молодец, Нина, что хорошо готовишь, что сама на телеге возишь еду ребятам, но в степи, пожалуйста, больше не блуди!

Ну, еще бы!

Они были второкурсники, знаменитый профессор журфака Константин Иоакинфович Былинский, знаток стилистики, уже успел их кое-чему научить, а тут вдруг – этот «перл» народного маршала, не Бог весть какого, конечно же, грамотея... Но почему через столько-то лет все это не только вызывает невольную улыбку, но греет душу? Не потому ли, что кто теперь из новой, тра-та-та, как говаривал дед Никита, элиты отпустит свою восемнадцатилетнюю дочку с ватагой ровесников не в швейцарский Куршавель развлекаться, а в глухую алтайскую деревеньку – вкалывать?

Уже после нашего возвращения с Алтая позвонил как-то Нине домой. В трубке, когда она отозвалась, слабым фоном послышались звуки гармошки, наяривавшей плясовую, и я насмешливо спросил: мол, кто этот там «рвет тормозу»?

– Это папа играет, – сказала она простосердечно. – А мы танцуем...

Как все понимать?.. Зачем посреди размышлений о кавказских наших делах это рассказываю?.. Почему в зимнем Нальчике воспоминания далекой юности снова накрепко соединили нас с Эликом – мы прямо-таки не могли от них оторваться?

Мой старый друг Элик, очень хороший, я это твердо знаю, писатель Эльберд Тимборович Мальбахов, сообщает о себе в биографической справке нашего сборника, что «родился в 1939 году на Северном склоне Эльбруса Кабардино-Балкарской АССР».

Вот он теперь и раз, и другой протягивает ладонь в сторону тамады и тут же тычет пальцем себе в грудь: дай тост сказать, уважаемый тамада!

С рюмкой выходит к голове стола и с достоинством, как бы неожиданным в печальном пожилом горце, не только небогато – смиренно, скажем, одетом в эту дешевую чужую «джинсу», начинает, словно преобразившись:

– О Сергее Александровиче Филатове тут уже говорили более уважаемые и наверняка еще не раз скажут более достойные. А мне хотелось бы произнести хох в честь моего старого товарища...

Может, мне теперь, пока Элик будет там говорить свой «хох», воспользоваться вполне объяснимой паузой и сочинить коротенький тост в его честь?

Тем более, что ответного слова при всех на банкете, к большому сожалению, я тогда так и не произнес.

Так вот, через месяц-другой после того, как мы вернулись с Алтая в

свою «альма матер», в Московский университет, с Эликом я неожиданно столкнулся в подъезде дома, где жил тогда на Страстном бульваре, рядом с Пушкинской площадью...

– Ко мне, Князь? – спросил с нарочитым удивлением. – Что ж ты не предупредил – бегу теперь по делам!

– Нет, – скромно ответил Элик. – Я не к тебе. Я – к Федоровым.

Сам я тогда чуть не гордился, что вместе с московской родней живу в одной из тех восьми комнат, одну из которых некогда в этой квартире занимал «коньячник Шустов». Этажом выше, пользуясь полунасмешливой и несколько надменной речью новой родни, напротив друг друга жили «бумажник» Орлов и «рыбник» Ишков. Министры бумажной промышленности и рыбной. А ниже этажом жительствовавал тогда с семьей нефтяной министр Федоров.

Я-то в гостях у них, само собой, не бывал.

Как вы уже успели понять, нам тогда было мало дела до высокого положения и уровня благосостояния членов правительства.

Другое дело у Князя: ходить к Федоровым его заставляла ну прямо-таки жестокая необходимость. Через них, нет-нет, да бывавших на Кавказе вместе с «самим», по делам приезжавшим к Тимборе Кубатиевичу Мальбахову, первому секретарю Комитета КПСС Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики, мама Элика, Нина Степановна, передавала ему и посылки, бывало, и денежки... Попробуй тут не пойди, если под каждой кроватью в комнате общежития, куда после стипендии с шиком была брошена горсть «серебра», уже был нашарен последний, в пыли и паутине, медный пятак, и сокурсники, товарищи по несчастью, прямо-таки толкают тебя в спину:

– Иди, Князь, иди! И сам там все гляди не сожри. И деньги по дороге не трать. На «семерке» от метро езжай «зайцем» – лучше, если что, штраф заплатишь...

Тут же пытались выбрать комитет, который должен был через закрытую дверь расспросить вернувшегося из гостей Князя, с чем он явился, и только потом открыть ему...

Моя «партийная кличка» в ту пору была «Станишник Гарри», родители в Отрадной жили весьма и весьма «средне», потому что вернувшемуся с войны отцу, инвалиду, так и умершему потом от старой раны, приходилось заботиться о всей оставшейся без кормильцев родне. Но разве не лежал тогда на нас на всех, русских южанах, невольный отблеск здорового, сытого румянца героев романа «Кавалер Золотой звезды» Семена Бабаевского или триумфально скачущих по всем кинотеатрам Союза «Кубанских казаков» Ивана Пырьева?

И только ли меня пытавшаяся жить студенческой «коммуной» комната тут же, как только приходило извещение о переводе либо посылке из дома, немедленно выталкивала на почту!.. Наказы «без жратвы не возвращаться» давали и обожженному напалмом герою-корейцу, бывшему зенитчику Ли Дин Хуну, когда он собирался на прием в своем нищем посольстве, и Володе Эспинья, испанцу, которого позвала на долгожданный

обед его героическая, но по вполне понятным причинам очень прижimi-стая бабка Долорес Ибарурри – легендарная в то время Пассионария.

После окончания фака мы с Князем друг для друга надолго потерялись. Я уехал на юг Западной Сибири, больше десятка лет жил в рабочем поселке под Новокузнецком и писал длинные пр-р-ролетарские романы о своей «ударной комсомольской стройке Запсиба», правда, к чести своей должен сказать, что главный герой первого из них, «Здравствуй, Галочкин!», не был комсомольцем, даже как бы наоборот – был в конфликте с застившими ему свет «маяками», а секретарь парткома был порядочное дерьмо: прототип его достаточно долго портил мне потом жизнь, постоянно вычеркивал из списков на награды и устроил потом настоящую охоту на меня, когда я опубликовал острокритический очерк «Новый город на земле». О горьких бедах сибирских новостроек, о просчетах Москвы в планировании и снабжении, о пренебрежении вольным духом, который у нас тогда держался, о предательстве тех, кто позвал нас на «передний край», а сам остался в благополучной «белокаменной»... Как ни удивительно, это определение – «предательство» – поселилось в моих текстах задолго до того, как по отношению к собственному народу оно случилось.

...Элик сперва поехал работать на родину, в Кабарду, и, по слухам, если не очень преуспевал там, то во всяком случае под крылом-то родительским не бедствовал, но потом вдруг выкинул вроде бы неожиданный фортель: отправился собственным корреспондентом «Известий» в Омск...

Были, конечно же, на это свои причины, убежден – не простые, но у меня, когда теперь все заново взвесил, появилась на сей счет своя особая версия.

Строгое следование отца нормам «коммунистической морали», помноженное на никогда не умиравший в душе «адыге хабзэ», горский кодекс чести, – разве это не слишком? Когда тебе тридцать-сорок, и в тебе уже всюю проявилось, прямо-таки кипит и не дает жить спокойно творческое начало, которое сделает тебя потом одним из лучших на Кавказе писателей.

Но все это опять же – потом.

А тогда он приехал в Москву проведать лежавшего в «кремлевке» отца и, уходя, оставил ему только что законченную рукопись романа «Страшен путь на Ошхамахо», – Тимбора Кубатиевич стал первым его читателем.

– Ну, и кто, честно скажи, помогал тебе? – строго спросил он сына, когда через несколько дней тот снова появился в палате.

– Честно? – переспросил Эльберд.

– Совершенно искренне. Я пойму.

– Пожалуйста, пойми, – попросил Элик. – А помогали мне граф Алексей Николаевич Толстой и Чарльз Диккенс. Иногда, правда, захаживал другой англичанин: Вальтер Скотт.

– Иногда? – не согласился отец, но в голосе у него послышалось облегчение. – Судя по всему, он у тебя гостил довольно часто.

Элику пришлось скромно согласиться:

– Пожалуй, так.

– Что ж, у тебя были хорошие помощники, и ты их, кажется, не подвел, – подобрел отец. Но – только на мгновение. И снова переменял тон на строгий. – А какой псевдоним ты возьмешь себе, сын?

Так в палате «кремлевки», где подлечивался Тимбора Кубатиевич Мальбахов, родился новый писатель, ничего общего не имеющий с влиятельным вождем кабардинских коммунистов: М. Эльберд...

– Он прочитал роман и, кажется, даже похвалил его, – с рюмкой в руке говорил Элик теперь уже обо мне, многогрешном: продолжал тот самый свой тост в «Лимонадном Джо», на который я ему нынче отвечаю. – Пообещал сделать все, чтобы тираж был двести тысяч, а потом вдруг звонит мне: должен перед тобой извиниться, Элик... У меня руки опустились: не пойдет?.. Роман? Да нет, говорит, он уже в печати, но тираж будет – только сто пятьдесят тысяч... сравните с нашими временами, когда мы рады тиражу в одну тысячу вместо обычных пятисот экземпляров!.. И все-таки в конце книги, когда получил ее, значилось: двести тысяч. Он пробил-таки обещанный тираж, мой дружище!

Как славно, что было именно так, теперь я об этом вспомнил. Как славно, что Элик, выходит, никогда об этом не забывал – забыл я.

Но зато, как всякий съевший в своем деле собаку профессионал, я прекрасно помнил это ощущение новизны и свежести прозы Элика: часто ироничной, иногда авантюрной, но всегда исторически выверенной, глубокой, а главное – озаренной неугасимым светом сыновней любви к родным северокавказским краям с их тысячелетними устоями, традицией и обычаем, с их удивительными мифами и легендами.

Вернувшись теперь из Нальчика, я, конечно же, перечитал и первый роман Элика, вышедший тогда у нас в «Советском писателе», и второй: «Ищи, где не прятал.» И долго, конечно же, очень долго – работа эта из-за кочевой моей жизни не раз прерывалась – размышлял и о своем друге, и о его полной превратности судьбе, и о том несомненном, но так до сих пор и неоцененном по достоинству вкладе, который он внес не только в кабардинскую литературу, но и в северокавказскую вообще, и – в русскую.

«Нальчикский понт», ишь ты!

А нас – как не было?

Сейчас прозу Эльберда Мальбахова обозначили бы модным словом «прорыв».

И новизна ее, на мой взгляд, и обаяние заключены в том, что ему одному из первых в России того времени, а на Северном Кавказе – и вообще первому, удалось преодолеть ту привычную отстраненность, которая всегда существовала между «небожителем»-писателем и обитающей на грешной земле читающей публикой, внести в отношения между ними не только простосердечие и доверительность, но – сокровенность.

Может быть, дело в писательской интонации, идущей от богатства души? От невольного ощущения читателем незаурядности автора, человека высокообразованного, более того – утонченного, но, может быть, именно оттого-то и сознающего, что сам он – всего лишь малая частица

великого целого: своего исстрадавшегося народа. Отсюда и это сокращение дистанции: до протянутой для дружеского пожатья руки. До братского, плечом к плечу, крепкого объятия.

Люблю и ценю великолепные книги, созданные старшими, нашими предшественниками: «Улицу во всю ее длину» Аскера Евтыха, за нее как раз от Адыгеи, от малой родины, отлученного, и его «Баржу» и «Бычьей кровью»; «Последнего из ушедших» Баграта Шинкубы, «Из тьмы веков» Идриса Базоркина, «Сломанную подкову» Алима Кешокова, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова. И вместе с тем настаиваю на том, что М. Эльберд – Мальбахов Эльберд Тимборович – в прозе Северного Кавказа сказал новое слово: и веское, и высокое. Именно с него началась смена поколений прозаиков, он в этом смысле – патриарх, за которым потом, сознательно или нет, последовали и Тенгиз Адыгов с романом «Щит Тибарда», и Юнус Чуюко со «Сказанием о Железном Волке», и Нальбий Куек со своими небольшими по объему, но такими емкими и глубокими романами: «Черная гора», «Вино мертвых», «Лес одиночества». И – Магина Хакуашева, успевшая обо всех этих авторах написать в своей докторской диссертации и многому у них, само собой, научившаяся, многое перенявшая. Ее трепетная и тонкая «Дорога домой» – яркое тому доказательство, и говорю я все это не только как давний болельщик родной северокавказской словесности, но и, что там ни говори, непосредственный участник здешнего литературного процесса. Работа над переводом «Сказания о Железном Волке», так неоднозначно одобренная в предисловии Валентином Распутиным, заставила меня многое перед этим перечитать, многое изучить, ко многому присмотреться и многое переосмыслить. Случилось так, что только я теперь помню о доле своего творческого участия в «Сказании» – авторы, как правило, тут же об этом напрочь забывают, и тут уж ничего не поделаешь. Как говорится: нормальный ход!

Как там нынче издеваются над якобы обветшавшими идеалами нашего поколения: мол, «жила бы страна родная».

Но это, и действительно, так. И – слава Богу.

А тогда роман «Страшен путь на Ошхамахо» чуть не в одночасье стал культовым: о нем говорили, за ним гонялись, его цитировали.

– Ты, конечно, не знаешь, но грузины собирались поставить по нему десятисерийный фильм, – рассказывал, печально посмеиваясь, Элик, когда сидели рядышком в «Лимонадном Джо». – Вот тут у меня в кармане лежало приглашение и договор, который я должен был подписать... И мы уже договорились со старым другом – вот он кивает нам, видишь?.. Что поедем в Тбилиси на его машине и жить будем у нашего общего товарища. Я уже стал собирать гомыль нам на дорогу и кое-что запастись на хлеб-соль. Не с пустыми же руками появляться кабардинцам перед уважаемыми соседями!..

Как будто переживая все заново, Элик надолго замолчал, пришлось спросить: и чем, в конце-то концов, дело кончилось?

– Все обвалилось. И у м-меня тоже. Стало не до жиру, как говорится: быть бы живу. Будем у меня, увидишь голые стены. Там раньше висели ружья. Я ведь тогда, и правда, стал чуть не профессиональным стрелком.

Когда в республику приезжали важные гости, егеря первым делом меня находили: станешь на номер?.. Кто-то в отпуске, кто-то приболел или загулял... мало ли! Знали: если буду с-стрелять, без дичи не останемся. Иногда после выстрела тут же уходил: чтобы не встречаться с отцом. Есть кабан? Есть. Косуля есть?.. Иногда, правда, когда бывал в добром настроении, он передавал через егерей: пусть, мол, не валяет дурака. Пусть остается на общий ужин...

У меня невольно вырвалось:

– Элик!.. Знаешь, ты кто? Не знаешь?!.. А я, пожалуй, стану добиваться для тебя статуса жертвы политических репрессий. В том числе и со стороны собственного родителя...

– Шути-шуты...

– Но разве это не так?

– В каком-то смысле – конечно. Он был настоящий, ты знаешь... таких тогда было не так много, я ведь в-видел...

– А то у нас любой спекулянт имеет теперь статус жертвы политических репрессии, а тут – чего тут неясного? Тогда – собственный отец. Теперь – его недруги...

– Ружья продавать пришлось, жалко, – печально сказал Элик. – Чехословацкий карабин, семь миллиметров, как он бил! Немецким «меферт», еще довоенный, шестнадцатого калибра – точность невероятная. Пятизарядный помповый «ремингтон» двенадцатого калибра... А «винчестер»!

– Это не он там висит? – кивнул я на противоположную стену.

И он вздохнул:

– Я не п-подхожу. Может, и действительно, – м-мой.

Повернул голову и пальцами взялся за подбородок: не то чтобы не подойти, показалось мне, – чтобы лишний раз не взглянуть...

Сказал уже, что этот запоздалый тост в честь старинного товарища, у которого одно из любимых его словечек – не просто друг, как обычно говорится, но дружище, большой и близкий, мол, глубоко уважаемый и любимый друг – прерывался долгими поездками и по Северному Кавказу, который в не столь давние времена в России называли «теплая Сибирь», и по настоящей, по «холодной» Сибири, которая для меня давно стала теплой оттого, что меня там ожидают братские встречи с нашими «старичками» – ровесниками далекой молодости, соратниками по комсомольской ударной стройке, всегда остававшейся для меня своего рода Запорожской Сечью: сибирской вольницей.

И Элика, и нашу алтайскую бригаду вспоминал постоянно, потому что все собирался выбрать денек-другой и через Салаирский кряж перевалить из Кузбасса, из Кемеровской области в соседнюю, в приграничный с ней Залесовский район, в дорогую сердцу Никитовку...

И думалось вместе с тем: зачем?

Чтобы вслед за сумрачным Ницше через столько лет повторить его знаменитое: «Это – остров могил. Тут погребены мечты моей юности».

Но только ли, только за этим?

Сейчас, когда уже на Северном Кавказе, в Майкопе, вновь вернулся к этим дорогам для меня размышлениям, на мониторе компьютера вслед за достаточно долгим пропуском в конце текста нашел несколько строчек, заготовленных впрок. Две взятые в кавычки цитаты, а после – снова мое.

«Она воскресла в моей душе как Великий Ангел, позволяющий увидеть неисчерпаемую глубину духовного плана адыгов, и дарящий бесконечную любовь ко всему русскому...»

«...и, возможно, оттого, что в мире когда-то была (а для меня есть и поныне) Гошаней или царица Мария, я ощущаю свою равную принадлежность как к кабардинскому, так и к русскому народам. Осознаю свою духовную причастность к Кабарде точно так же, как и к Москве».

Люба Балагова, «Царская любовь», стр. 176, 177.

Не отсюда ли тоже – и причастность к двум культурам, и раздвоенность Элика, и его сердечная боль? В этом случае сердце мужчины открыто ей точно так же, как сердце женщины.

Может, оттого, кроме прочего, и тянемся с Эликом друг к дружке, что эту же раздвоенность и эту боль он ощущает и во мне: ведь две культуры могут сближать точно так же, как сближают мать и отец, и могут точно так же рвать сердце, когда они, хоть на короткое время, «не в ладах»...

«Ты-то тут при чем, казачок? – кто-то спросит. – Если русские на Кавказе – пришельцы, то ты теперь, живущий в Москве, – пришелец дважды!»

Все понимаю. Но единственное, что могу на это ответить: так получилось.

Бывает, в который раз принимаюсь рыться в старых записных книжках, чтобы найти давно затерявшуюся фразу из Киплинга, которого когда-то очень любил. Смысл ее примерно таков: если, мол, слишком близко к сердцу принимать чужие дела и пытаться жить по чужому обычаю, то можно настолько заиграться, что однажды проснешься аборигеном, и не ищи тогда дорогу обратно...

А если предки твои жили в абазинском ауле, и на этой земле родился? Если хранишь ее в своем сердце и даже в дальних краях с нею не расстаешься?

В юности у меня были такие стихи: «Мне родиться бы капитаном, чтобы шляться по дальним странам. Чтобы там, где бы только не был, тосковать по родному небу. Чтоб о нем, от тоски, от жгучей, написать бы стихи получше».

В «капитаны» меня не взяли по причине неподходящего для настоящего моремана зрения, с «дальними странами» тоже не очень-то получилось, но что касается тоски по родной земельке – это я себе, и впрямь, напроорочил. Чего-чего, а уж ее-то было с лихвой!

Не оттого ли в полупустом нальчикском пансионате и пришло ко мне и ощущение родного дома, и – ощущение родства?

Тем более, что я знал: в этом городе ждет меня мой старый товарищ, верный идеалам нашей далекой юности.

Дружище Элик.

К юбилею Зейтуна Толгурова

Родился в 1939 году, сел. Былым Эльбрусского р-на КБР, – балкарский прозаик и литературовед. Отец его был репрессирован, мать умерла от тяжелой болезни через полгода после рождения сына, поэтому мальчик воспитывался у родственников. Во время депортации балкарского народа Толгуров заканчивает сначала восьмилетку в сел. Назаровка Павлодарской области, затем десятилетнюю школу в сел. Мерке недалеко от Джамбула.

В 1957 г. Зейтун возвращается в Кабардино-Балкарию и поступает на русско-балкарское отделение КБГУ, которое с отличием заканчивает в 1962 г. После окончания вуза работает журналистом в газете «Путь к коммунизму», выходящей на балкарском языке и одновременно поступает в аспирантуру. В 1967 г. защищает кандидатскую диссертацию в Баку; в 1987 – докторскую диссертацию в Москве. С середины 60-х и по настоящее время работает в КБГУ, пройдя путь от ассистента до заведующего одной из ведущих кафедр.

Зейтун Хамидович писать и публиковаться начал относительно рано. Уже в 1961 г. в местных газетах начинают появляться его первые рассказы: «Торопливая река до моря не добежит», «Урок жизни», «Яблоня», «На перепутье» др. К 1964 г. им опубликовано около двух десятков рассказов. Даже судя по названиям, произведения эти были всего лишь пробой пера молодого писателя; они характеризуются четко выраженным дидактическим качеством, и, естественно, ни один из этих рассказов никогда не вошел в его позднейшие книги.

В 1964 г. была опубликована первая книга писателя – повесть «Аю таш» (Медвежий камень). Отмеченное стандартными для тех лет сюжетом и темой – борьба с немецко-фашистскими захватчиками – произведение это, тем не менее, весьма выпукло обозначило целый набор индивидуальных прогрессивных черт творческого почерка. Впервые в балкарской прозе была сделана попытка полифоничного развития повествовательной канвы – оценка событий дается с позиций разных героев с соответствующим изменением эмоциональных и аксиологических акцентов. Также впервые в балкарской прозе столь масштабно был применен прием «отстраненного» наблюдения, когда хронологическое единство повествования обеспечено постоянным присутствием «наивного» наблюдателя – одного из главных героев повести – мальчика Мустафира. Ценность повести «Аю Таш» – именно в этих новационных для национальной литературы моментах, свидетельствовавших о недюжинном таланте молодого писателя, где основные составляющие идейно-содержательного плана – борьба добра и зла, четко отнесенных к соответствующим эмоциональным нишам.

В 1965 г. Толгуров заканчивает новую повесть «Ханифа». Неудовлетворенность молодого автора авантюрно-событийным характером господствовавших в национальной литературе сюжетных моделей привела к попытке создания произведения, отмеченного эмоциональной мотивацией поступков героев, акцентированным интересом к психологизированному раскрытию

характеров. Однако уровень писательского мастерства в эти годы не позволил ему справиться с намеченной задачей, «Ханифа» осталась всего лишь пробой пера, реализованной в монохромно-сентиментальных тонах. По свидетельству самого автора, изъяны его нового произведения были столь очевидны – прежде всего для него самого, – что он даже не делал попыток опубликовать повесть. Однако в слуховом восприятии «Ханифа» оставляла более благоприятное впечатление, что и подтвердила ее радиопостановка в том же 1965 г.

После некоторого перерыва, в 1971 г. писатель публикует повесть «Эрирей». Это произведение знаменовало собой начало нового этапа не только в творчестве самого автора, но открывало очередную ступень развития балкарской прозы в целом. Толгуров предстал перед читателем прежде всего как тончайший колорист, мастер достоверной детали; в стилевом отношении, в уровне владения языком «Эрирей» не имела аналогов в общем объеме балкарской прозы тех лет. Профессионализм исполнения подтверждался и в идейно-тематическом, и в архитектурном планах.

История становления нового строя, новых общественных отношений, данная в тесной связи с любовной драмой главных героев повести – молодого чабана Шарау и горянки Наибхан – уже была находкой, тем более очевидной, что в предложенной им системе социально и индивидуально значимых компонентов сюжета они представляли как органически целое. Описание моментов общественной жизни села, формирование в балкарском ауле колхоза абсолютно естественно проецировались на коллизии любовной истории Шарау и Наибхан, подтверждались и аргументировались ими.

Это была находка автора, находка, гарантировавшая высокое эстетическое качество повести и обеспечившая стабильный читательский интерес к ней. Формула «единство индивидуального и общественного» отныне получала новое наполнение для балкарской прозы. Однако повесть «Эрирей» изобиловала и другими новационными элементами. Впервые в истории национальных литератур всего Северного Кавказа автор столь откровенно пренебрег принципами классово-дифференциации героев; впервые в роли центрального отрицательного героя крупного произведения (Сафар Сарыев) выступил председатель колхоза, причем – выходец из беднейших слоев общества. Несмотря на высокое мастерство в реализации сюжетно-эстетических фрагментов (описание внешности, пейзаж, точность деталей, достоверность диалогов и монологов, авторские отступления и т. п.), социальный компонент повести «Эрирей» оказался настолько заметным и масштабным, что в целом это произведение может быть охарактеризовано прежде всего как социально значимое. Более того, было очевидно, что заявленный в «Эрирее» социальный пафос, так сказать, потенциал авторского интереса к этой стороне жизни потребует более углубленной и объемной реализации.

Следующие произведения Толгурова – повести «Къызгъыл кырдыкла» (Алые травы) и «Акъ гирянча» (Белая шаль), увидевшие свет в 1974 г., представляются дальнейшим воплощением намеченных в «Эрирее» тенденций.

«Алые травы» – произведение, напрочь лишенное многих традиционных для балкарской литературы сюжетно-содержательных составляющих, и в первую очередь это касается фактического отсутствия в нем любовной истории. Отказавшись от обыгрывания этой привычной для национальной

прозы повествовательной линии, автор сосредоточился на оппозиции двух морально-нравственных систем, которые, однако, трудно втиснуть в стандартные рамки противостояния добра и зла. Тем не менее, он сумел представить читателю человека идеального, носителя канонического комплекса воина и защитника Родины. Это реальный человек, в повседневности выделяющийся разве что подчеркнуто спокойным и мудрым отношением к жизни.

Развитие сюжета приводит к столкновению Каспота с его нравственными противниками. И только здесь, в момент наивысшей мобилизации духовных ресурсов героя, читателю демонстрируется вся мощь национального характера, его жизнеспособность и стойкость. Кульминационный момент сюжетного действия – бой с фашистами у кошары Каспота – интересен не столько противостоянием героя и его явных «внешних» врагов, сколько выявившимся в экстремальной ситуации антагонизмом главного героя и его сына Каракая. Отец и сын – «Каспот-Каракай» представлена Толгуровым, как маркерный знак в процессе духовной эволюции человека, как грань, определяющая значимость национальных идеалов и убеждений, всей системы традиционных ценностей горцев. Что выше: долг перед Родиной и собой или жизнь? – именно этот вопрос является объектом интереса писателя, но проблематика «Алых трав» не может быть втиснута в строго формализованные рамки. Жизненные судьбы героев повести, в принципе, предсказуемы – Каспот погибает в бою, Каракай остается жив – они предсказуемы и диктуются всей логикой повествования.

Однако эта повесть не стала бы столь значительным явлением в балкарской литературе, если бы эстетическое мышление автора было бы ограничено фабульными установками. «Алые травы» – вещь многопластовая; в содержательном плане каждый сюжетный ход, каждый ее образ имеет и второй, и третий планы. Впервые в истории балкарской прозы автору удалось уйти от конвенционально-однозначной трактовки образа и прийти к созданию произведения глубоко символического в полном смысле этого слова. Поэтому Каракай Толгурова – не просто трус и предатель, – это мужественный человек, воин, просто-напросто посчитавший, что цена его жизни превышает цену никому не нужной поляны в горах. И невзирая на закономерный и убедительный итог его духовной эволюции, на нравственную опустошенность и деградацию, аргументированно демонстрируемую нам автором произведения, общее ощущение от этого образа далеко не исчерпывается той судьбой, которая предписана ему автором. Неоднозначность характеров и героев в данном случае является результатом их символического статуса, воплощает в себе многозначность феноменов реальной жизни.

Возвращаясь же к образу Каракая, необходимо констатировать, что трагедия этого героя «Алых трав» явилась крупным эстетическим открытием балкарской прозы, и сегодня не потерявшим своего значения.

Символика, реализованная на концептуальном уровне, характеризует и «Белую шаль». Однако эта повесть отмечена столь острой социальной направленностью авторской рефлексии, что первоначальная цель его – анализ негативного влияния среды на традиционные адатные нормы поведения и национальную ментальность – в произведении отступает на второй план, представляясь лишь подтверждающими аргументами в выявлении процессов деградации всей системы советского общежития, всей системы хозяйствования и идеологической базы государства. Автор нацелен на исследование

нравственных категорий и, собственно, на этом строится основная сюжетная линия повести. Главные герои – односельчане Мажит и Фатима, волею судеб попавшие в город, – с детства любят друг друга. Фатима не выдерживает давления городской среды, пренебрегает традиционной горской нравственностью и требованиями морали, что вполне закономерно приводит к разрыву с Мажитом. Однако незатейливость любовной истории, ее тривиальность в повести выступает всего лишь как фон, на котором писатель разворачивает масштабное полотно глубокого социального и морального кризиса всего общества. Отказ от проверенных веками систем нравственных ценностей выявляется во всем – от поведения девушки до обнищания и развала колхозов. Самое удивительное при этом – незауалированная мысль автора о неизбежности подобного исхода в условиях общественного, «коллективного» производства.

Сафар Сарыев – герой повести «Эрирей», проходимец и бездельник, в новом произведении автора вырастает до вселенских масштабов. Бедняки и нищие, ставшие таковыми в силу собственной лени, захватившие власть и пользующиеся ею согласно велениям своего скудного ума, – вот единственный и главный отрицательный герой «Белой шали». Система, позволяющая бесталанным и нечистым на руку людям вершить судьбы людей, колхозов, всего государства, система, возвращающая все новые и новые слои интеллектуальных и моральных уродов, – основной объект анализа в повести. Круг замкнут, исхода нет, и лишь белая шаль горянки, как символ всего высокодуховного, что было сформировано и отшлифовано на протяжении многих поколений в недрах народа, может служить добрым знаком будущего возрождения.

«Эрирей», «Алые травы» и «Белая шаль» сегодня могут рассматриваться как творческий результат вполне определенного этапа писательской биографии. Несмотря на присущие этим произведениям нюансы сюжетного, проблемного, образного характера, произведения эти достаточно близки друг другу. Они принадлежат перу зрелого мастера, отмечены высоким уровнем профессионализма, виртуозным владением языковым и образным материалом, а в концептуально-содержательном плане, в сущности, посвящены исследованию разных сторон одного и того же феномена – группы переменчивых мутаций нравственного начала, духовности отдельно взятой личности и общества в целом. В контексте развития балкарской и шире – новописьменной прозы – эти повести знаменовали собой отказ от заимствования разработанных русской литературой повествовательных моделей, сюжетных блоков, образных и проблемно-тематических систем. Заслуга Толгурова – прозаика именно в том, что он первый из балкарских прозаиков взломал практику адаптации ранее существовавших шаблонов к местному антуражу и реально вышел на новый уровень эстетического мышления, который с полным правом можно назвать национальным.

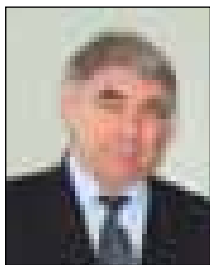
В конце 70-х гг. начинается новый этап в творчестве Зейтуна Толгурова. В 1981 г. был опубликован первый роман писателя – «Жетегейле» (Созвездие Большой Медведицы, в русском варианте – Большая Медведица). Первые годы Советской власти, Гражданская война – ожидаемый набор тематических линий, но даже для неискушенного читателя абсолютно ясно, что перед ним – новый Толгуров, с новыми идеями.

Глубокий психологизм, реальность и достоверность духовных исканий героев, мотивированность сюжетных поворотов, языковая и образная монолитность повествования – вот те черты, которые характеризуют этот роман. Однако это произведение прежде всего ориентировано на исследование экзистенциальных проблем философского плана, проблем, стоящих над теми или иными, социально обусловленными стереотипами морали и нравственности. Поэтому анализ его выявляет полную аксиологическую толерантность мышления, равноправие его героев на шкале «отрицательный – положительный». Важным следствием подобного подхода является и чрезвычайная структурная, хронотопическая сложность романа.

Вскоре после первого романа Толгуров опубликовал повесть «Ашык оюн» (Игра в алычики. 1983). Эта истинно национальная вещь, в структурном плане столь же сложная, как и «Большая Медведица», казалось бы, знаменовала отход писателя от философской гносеологической проблематики. Однако последовавшие за «Большой Медведицей» романы – «Кёк гелеу» (Голубой типчак. 1993) и «Акжыйрык» (Белое платье. 1996–1999; журнальный вариант) – представили читателю законченную систему мировосприятия и мышления писателя-философа. Эти произведения характеризуются именно гносеологическим подходом к описанию событий, когда сюжетные перипетии служат лишь доказательным фоном в художественной стратификации основных проблем человеческого и космического масштаба, когда предметом исследования становится не столько идеологическая, нравственная или эстетическая составляющие социума, сколько антиномия вечного и преходящего, малого и большого, познаваемого и непостижимого. Романы Толгурова в этом смысле находятся на передовом краю эволюции повествовательных жанров вообще, являя собой – в структурном, философско-концептуальном и образном планах – наиболее развитые примеры большой прозаической формы. Общий же характер и направление прогресса художественного мышления писателя позволяют рассчитывать, что и дальнейшее, творчество его будет развиваться в сторону полисюжетного, полифоничного представления сложных, хронотопически детерминированных повествовательных моделей, что сегодня и отличает прозу мирового уровня.

Определяя место писателя Зейтуна Толгурова в истории балкарской литературы в целом, нельзя обойти вниманием его роль теоретика-литературоведа. В общем объеме исследований по современной балкарской литературе его труды занимают доминирующее место. Он автор семи фундаментальных монографий по истории балкарской литературы, его исследования внесли значительный вклад в теорию литератур народов Северного Кавказа. Кроме того, перу Толгурова принадлежат несколько учебников балкарской литературы для старшеклассников и учебник теории литературы для студентов. Методологические принципы анализа и описания художественных произведений, литературных систем, разработанные им, на сегодняшний день практически полностью определяют лицо балкарской литературоведческой мысли. Все это дает возможность говорить о том, что писатель и литературовед Зейтун Хамидович Толгуров сделал так много для своего народа, что предстоит еще больше, пока хватит ему сил и энергии, а энергия у него, как говорится, неисчерпаема.

К юбилею Муталипа Бепбаева

МЕТА ПОИСКА

Балкарская поэзия, которую создавали такие выдающиеся художники, как Кязим Мечиев, в наши дни достигла большого совершенства. Сейчас в ней трудятся замечательные мастера. В прекрасный мир родной поэзии и Муталип Бепбаев принес свои образы, краски, обаяние своего голоса, обрадовав нас своеобразием сказанного им слова. А это очень трудно. На такое способен только талант, который всегда ведет к поиску и непокою. Художнику постоянно кажется, что сегодня для него недостаточно сделанного вчера, он живет в тревоге, каким бы мудрым он ни был. Его постоянно влечет поиск, пленяет новизна – новизна рассвета и свежераскрывшейся розы, первозданная чистота воды и невыразимая белизна снега, мудрость молчащего дерева и вечно новый голос дождя.

Вот такие именно драгоценные черты мне видятся в даровании Муталипа. Я уверен, что в дальнейшем они дадут настоящие плоды. Только потому и пишу о нем эти торопливые строки. В каждом его стихотворении я вижу мету поиска, а это значит, он ни в коем случае не хочет повторять сделанного, достигнутого и открытого предшественниками и сверстниками. И это важнейший признак жизнеспособности дарования, его подлинности. Найти свое, сказать обо всем по-своему – вот к чему стремится молодой поэт. Этим он дорог мне.

...Муталип – самый молодой член Союза писателей из балкарских поэтов, но ему уже тридцать – возраст для поэта достаточно зрелый. В такие годы художнику не мешает вдумчиво посмотреть на то, что ему удалось сделать, все взвесить серьезно. Об этом я напоминаю потому, что не совсем уверен в том, что поэт в достаточной мере использовал все свои возможности и может сказать: «Я сделал все, что позволили мне мои силы». Не зря сказано, что кому много дано, от того и много требуется. Учиться постоянно, трудиться непрерывно – вот что от нас требуется, и, разумеется, молодым это необходимо вдвойне, у них ведь, к счастью, все впереди.

...Мои слова о молодом поэте из Чегема сказаны с любовью, с такой же любовью слежу я за его работой потому, что он талантлив, а еще потому, что родная поэзия безмерно дорога мне, как и родная земля, как и голос моей матери. Верю, что Муталип будет трудиться так, что ему удастся полностью оправдать сказанное о нем и то, что ждет от него прекрасная балкарская Муза, которая склонялась, как мать, над моей и его колыбелью.

Кайсын Кулиев
1980 г.

ЭЛЬБУСА ПЕЧАТЬ**Дагестан**

Дагестан, страна заоблачных высот.
 Скалы слеplены, как из пчелиных сот.
 Это Кубачи, Эндрей, Кумух, Моксох,
 Рай земной для всех красавиц и красот!
 Гордый край джигитов, всадников лихих...
 Полно братьев и друзей здесь дорогих,
 Добрая улыбка для гостей и стих!..
 Вечности огонь, им застыа взор, затиx!

17.03.05

Расул

Преграждала хоть всегда тропу стена,
 Вхож к вождям от Сталина до Путина!
 Славным был цадинец сей оратором,
 Заходил к царям и императорам!
 Измерима ль всех успехов глубь, длина?
 С чем сравнима снега статья, гор белизна?
 Божий пламень, глас в поэте не погас,
 Здесь Расула в небеса вознес Пегас!

28.06.07

Когда над Гонода горит звезда*Магомеду Ахмедову*

Когда над Гонода горит звезда,
 В соку лесная словно ягода,
 Нам не страшны тогда года,
 Поэты – братья по крови всегда,
 Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда,
 Покорен аргамак – крепка узда,
 А миром правит ум и правота,
 Для счастья нараспашку все врата,
 Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда –
 Кончается небес, земли вражда,
 Селяне шепчут все: «Баракалла!»
 И славна в свете рамп Махачкала,
 Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда,
 Во всходах пышных каждая бразда,
 Уходит вековая немота,
 Чеканней стих, желанней лепота,
 Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда,
 Бесшумно к счастью мчат нас поезда,
 В тиши земля – без пуль и грохота,
 Охота детского нам хохота,
 Когда над Гонода горит звезда!..
 Когда над Гонода горит звезда!..

В Чегемском графстве

Знай, нельзя в злорадстве
Говорить о братстве
Здесь – в Чегемском графстве!

13.01.84

В день своего рождения

Вполне иначе мог я жить,	И я все чувства обуздал,
Быть может, славно, не тужить...	Себя, кажись, пересоздал...
Но в сердце значится графа:	Ведь в сердце значится графа:
Для Богава автографа!	Для Богава автографа!

Летя в машине, на коне –
Мог суперменом стать вполне...
Коль в сердце значится графа:
Для Богава автографа!

13.01.06

Эльбрус

К друзьям – в Стамбул, Париж, Пекин!..
И в каждого всмотрись, прикинь:
Везде нам суждено встречать
На лицах Эльбруса печать!

17.01.06

Домик Герцена

Весь Тверской бульвар – ажурный,	Двор в осенней позолоте.
Право, славный и бравурный.	Расцвели стихи в полете,
Мимо нас – в Литературный:	Со студентками в полете...

Герцен встал миниатюрный –
Денди лондонский культурный...
В думах: слушает ноктюрны.

02.02.06

Повелители гор

Михаилу Залиханову

Кто первый тигр Кавказа на века?!
Из ханов – Залихановых – Чокка!
Раз сто Эльбрус он ставил на попу –
Не знать горам такого седока!

Сей гордый горец жил в Тегенекли,
 А сыновей вершины в путь влекли:
 Был снежным барсом каждый, братом скал...
 Бураны, вьюги лица их секли.

Кто первый тигр Кавказа на века?
 Из ханов – Залихановых – Чокка!
 Раз сто Эльбрус он ставил на попа –
 Не знать горам такого седока!

В ООН гость званый частый – младшенький,
 Другой в горах растил парий щенков...
 Для славы ж гор Балкарии родной
 Они из золота плели венки!

Кто первый тигр Кавказа на века?
 Из ханов – Залихановых – Чокка!
 Раз сто Эльбрус он ставил на попа –
 Не знать горам такого седока!

В Яникой

В Яникой –
 Хоть с клюкой,
 На постой,
 На покой.
 Я такой!

Песня

Струнный звук гитары – берега.
 Лепота же слов – берега:
 Все несет меня река волной,
 Словно солнце кружит надо мной.

Бабугент

Сказочный аульчик Бабугент!
 Забудыга, мой дружбан и кент,
 Он, кажись, таинственный агент,
 Что возник из голливудских лент...
 Сказочный аульчик Бабугент!..

22.06.06

Тиран

Народы стали вдруг изгоями,
 Их убивали, били розгами.
 Детей и старших клали в штабеля,
 Для савана нет даже штапеля...

Тиран, в крови смердя, все лютовал.
 К беде страну влача, салютовал.
 Клыкастостью, хвостатостью горда,
 Убожество обожевства, орда!..

16.03.07

Последний звонок

Кайсыну

Тонюсенькие ниточки
Привстали тут на цыпочки:

Прощальный школьный дан звонок,
Как быстро вырос мой сынок...

Носясь, щебечут ласточки:
«Что ж плачут здесь все деточки».

25.05.06

Слово к Богу

Мы в гордыне, спесь в глазах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Слабость к славе, лень в делах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Слепы, но бредем в рубцах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Каждый малым стал, как птах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Дух боренья, крик в устах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

За детей пугает страх, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Мы в тенетах, кандалах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

За погибель жизни, прах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

Мир, что трутень, весь впотьмах, –
Ты прости всех нас, Аллах!

На коленях мы, в мольбах –
Ты прости всех нас, Аллах!

12.04.07

К юбилею Бориса Чипчикова

Борису Чипчикову исполняется 60 лет. Когда думаешь о юбилеях, на ум приходит некая аналогия с известной фразой классика о счастливых и несчастливых семьях. Также и с юбилеями: все они как бы похожи друг на друга, только вот юбиляры – разные. Среди разных можно выделить и особых. Борис, на мой взгляд, из особенных.

Он родился в 1948 году в Киргизии в селении Красная Речка. Окончил исторический факультет КБГУ, работал инструктором горного туризма, ответственным секретарем Союза писателей КБР.

Уже много лет Чипчиков стоит как бы особняком в балкарской литературе, поодаль от сонма традиционно затверженных имен, получивших от матери-Родины столь много, что за ворохом поблекших лавровых венков и полинявших муаровых лент едва уже различимы их лики.

Чипчикова, хотя он скуп на слова и краток в сюжетах, нельзя сравнить, к слову, с Чеховым, но очень хочется. Скрытый юмор или его пронзительный лиризм, за которыми как бы сокрыта мудрость, национальная жизненная позиция, не роднят его и с Фазилем Искандером, хотя тоже очень хотелось бы породнить. Аналога же в родной балкарской литературе ему нет.

*Светлана Моттаева,
писатель, член редколлегии
журнала «ЛКБ»*

***

Когда в 1988–1989 гг. мне пришлось заниматься (с огромным, кстати, удовольствием) подготовкой к публикации (в «КБП» и журнале «Эльбрус») рассказов Бориса Чипчикова, то в первую очередь меня поразило, насколько зыбка грань, отделяющая его прозу («къара сез» – «черное слово») от поэзии («акъ сез» – «белого слова»), как легко проза и поэзия у него меняются друг с другом местами, как вибрация, возникающая на стыке меж ними, производит новые, неожиданные смыслы – мерцающие, муаровые, вихревые, – и как в итоге всего этого рождается скупое, нелегковесное «ДА», обращенное к миру и человеку. Самое главное: я узнавал тот город, который (в одном из рассказов) воссоздавал Борис, видел те туман и морось, видел разноцветные надувные шарики, продававшиеся на площади, слышал его шаги – и его мысли. Проза Чипчикова – очень живая, очень настоящая, он (сознательно или нет) избегает многократно встречающихся способов изложения, избитых сюжетных схем и готовых вербальных конструкций. И она – непрерывна: Борис Чипчиков не возводит отдельных стандартных построек, но всю жизнь обтесывает глыбы для возводимого им храма. Подобное творчество требует, помимо всего

прочего, некоей детскости в душе – и Чипчиков в свои шестьдесят (трудно поверить в такую цифру) этой детскости не растерял, зато приобрел очень многое: опыт, свое (весьма своеобразное) мировоззрение, свое дыхание – и, наконец, читателей и поклонников, среди которых мне приятно числить и себя. На протяжении творческой жизни Борис, естественно, менялся – но при этом оставался неизменным; его водило из стороны в сторону – но главного своего русла он не оставлял никогда; Чипчиков хранит верность самому себе – а потому в его слове никогда не дадут всходов семена фальши. К сожалению, есть писатели, которые находятся как бы вне и помимо собственного творчества: оно не сплетает узоров в их крови, не ворочается в сердце, даже не заставляет особо напрягать извилины. Борис Чипчиков не из таких: его творчество – внутри него, точно так же, как сам он – внутри своего творчества, служа ему верой и правдой.

*Георгий Яропольский,
поэт, переводчик*

***

Проза Бориса Чипчикова – яркое и неопровержимое свидетельство зрелости национальной литературы. Не той, парадной зрелости, о которой громогласно и декларативно заявляют на периодических отчетах по делам литературным; а той, которая сумела освободиться от функциональной ответственности за идеологическое состояние умов и настроений читающей публики и соответственно пишущей братии, гордящейся целевым назначением быть «инженерами человеческих душ», учителями и наставниками, а освободившись, утвердила свое безусловное право на самостоятельность подлинно художественного видения.

Мы привыкли (приучены) к описаниям и разъяснениям, а проза Чипчикова полна загадок, намеков, вопросов. Она стереоскопична, многослойна, насыщена смыслами, которые пронизывают друг друга, переплетаются в причудливые сочетания, где очевидны, а где лишь намечены и мерцают в сплетении слов, образов, лиц, имен, идей, впечатлений, ощущений, запахов, шумов и тишины, парадоксов – всего того, что уже известно, но открывается по-новому, неожиданными гранями, складывая в совокупности приметы того художественного мышления и направления, которое называется модернизмом, но не вмещается в его определение.

В центре внимания Бориса Чипчикова – маленький человек в огромном мире и бескрайнем времени. Это и старик, и ребенок, и взрослый сложившийся гражданин, но всех их объединяет жажда понимания – себя в мире и мира вокруг. Им неуютно и страшно без опоры, они чувствуют себя потерянными и, подобно утопающим, стремятся ухватиться за что-то надежное, обрести себя, но «ноги скользят по гололеду», которому не видно конца, и «тяжелые мысли упираются в землю». Надежда-весна, надежда-мечта всегда впереди, но как трудно ее достичь.

Всесокрушающая любовь к людям водит пером писателя. Ему хочется

для всех праздника и радости. И это порождает особый сплав эпического лиризма, значительно расширяющего границы художественной балкарской прозы.

**Светлана Алиева,
доктор филологических наук**

***

Явно принадлежа к теперь уже официально признанному, как единственное и реальное направление художественных исканий – модернизм и постмодернизм – Б. Чипчиков являет свой вариант в этом общем. Какие каноны теории постмодернизма можно проследить на протяженном пространстве его прозы?

«Мир как текст» (Жак Деррида), или «Текст как мир» – здесь и заключается главное расхождение между теоретиками направления. Глобальный метатекст (Гейдегер), или фрагмент (Лиотар)? Сторонники второй позиции, споря с жесткими адептами метатекста и обязательными в нем – «смертью автора, смертью рассказа, смертью романа и высокого искусства» утверждают необходимость «литературной игры» и символизма: «игра должна быть жизнеспособной, а произведение – открытым» (Умберто Эко).

Эта вторая позиция («текст как мир») оставляет за автором право на отражение сложности, хаотичности, децентрированности современного мира, на дух XX века возможные только в художественном тексте автора. И, слава богу, право на «целительную каплю дилетантизма, придающую свежесть и новизну направлению. Последнее легимитизирует и национальный вариант постмодернизма, не оставляя его только за «наиболее развитыми обществами» в историко-культурном плане. А казахский исследователь Джуанышбеков утверждает, что «художественный текст – это, прежде всего, явление национальной литературы и культуры».

В случае с Б. Чипчиковым дилемма разрешается с онтологической односторонностью («вопрос для чего?»), ибо он – прежде всего, национальный писатель. А выбор неродного языка – скорее инструментальный. Языковая личность автора уже не сводима только к выбору языка. Для Б. Чипчикова русский – второй родной, как и для многих из его поколения. Но национальный писатель, при всей конвергированности (взаимовлияние двух культур и языков), еще не готов, по условиям жизни и опыта, к глобалистскому экспериментированию в главном. Для него мир как общечеловеческий суперэтнос, еще только абстракция вне образов национальной культуры.

На русском языке он как бы реализует недостаточность своей и «чужой» картины мира, ибо внутреннее влияние русской прозы, в частности, «орнаментальной прозы» 20-х годов XX века уже неотделимо от событий революции и гражданской войны. (А. Платонов, Б. Замятин, Б. Пермяк...).

Постмодернистское цитирование порождает новую целостность в художественном мышлении Б. Чипчикова, в которое также свободно, в

соответствии с его изобразительностью входят Ч. Айтматов («Плаха»), доисторические персонажи хтонического Хаоса (Змея, Рыба) и библейские постулаты и персонажи (Иисус, Иуда, апостолы), из которых он стремится осуществить гармонию нового человеческого мира. Летоисчисление от рождения Христа, которое отсчитывает А. Блок от революции 1917 года в поэме «Двенадцать». Традиция модернистская, которая для Б. Чипчикова предпочтительнее постмодернистской. То есть символ предпочтительнее знака, равно как и главная ипостась модерна – «исправить и совершенствовать жизнь по более нравственным началам».

**Фатима Урусбиева,
доктор культурологии**

***

Черты новой художественности, с точки зрения уровня современных литературных требований, наиболее отчетливо выражены в творчестве балкарского писателя Бориса Чипчикова. Его стиль – спрессованный, до крайности уплотненный библейскими, философскими, этическими, эстетическими, историческими аллюзиями текст. Отрывистая, быстрая, трепетно-нервная фраза. В этом смысле он поэт, отказавшийся от метрики и пишущий прозу – на каждое слово в строке неимоверная семантическая нагрузка.

Как правило, это «вынутые» из жизни, зафиксированные памятью эпизоды. Сам автор определяет их как новеллы, но скорее это новеллы-эссе или эстетико-философские эссе. Он не занимается подобно своим собратям по перу «углублением» психологизма, это получается само собой без видимых усилий. Объект его страстного внимания – сфера духа человеческого. В его рассказах доминирует лирическое начало – присутствие автора то в качестве действующего лица, то наблюдателя ощущается постоянно. Не ограниченные традиционными канонизированными формами, они подчиняются другим законам: свободному ассоциативному полету мысли, по которому и строится любое его произведение – новелла, повесть, памфлет, статья. «Связь постройки сделана не на фабуле, а на внутренней связи» (Л. Н. Толстой). Бориса Чипчикова интересуют не сюжетные, а нравственные коллизии; мысли, чувства, ощущения, впечатления человека в каждую минуту его жизни.

Отсечение всего лишнего, утяжеляющего своей массой, само собой разумеющегося – первый постулат поэзии, – еще одна из особенностей его стиля. Энергия мысли, устремленной вверх или в сторону, за которой едва поспевают язык, слово, звук, придают его прозе эмоциональную перенасыщенность. Это исключает логическое, линейное построение сюжета, вот почему его новеллы практически бессюжетны. Сюжет, фабула для него не имеют никакого принципиального значения. В этом смысле оглядываться на достоверность повествования, на этот врожденный комплекс неполноценности любого прозаического жанра, будь то роман, повесть, рассказ, – ему некогда, слишком велико ускорение мысли. ...На острие

парадокса вспыхивает новый чувственно-конкретный образ, достигаемый сдвигом художественного смысла, отсюда искрами рассыпаются по всем произведениям тончайшие эмоциональные, интонационные оттенки – это еще одна из особенностей его стиля. Вольно это получается или нет – его тайна. И здесь мы видим еще один пример того, как технику, если хотите, методологию поэтического мышления он использует в своих прозаических текстах. Много ли потеряла в его лице поэзия – не знаю, но проза – вне всякого сомнения – приобрела.

Проза Б. Чипчикова автобиографична и ретроспективна. Более чем двадцатилетнее затворничество в Булунгу, родовом селении, из них десять – полного уединения. Аскетизм стойка. Передышка. Впечатлений, полученных от внешнего мира, было вполне достаточно, чтобы отречься от него. Но любая попытка оградить себя от воздействия внешнего мира заканчивается или крахом: можно стать пациентом определенного учреждения, – хотя с таким обостренным восприятием действительности шансов попасть туда в обыденной жизни куда больше; или рождением незаурядного художника, – это если есть сверхзадача. Но он укрупнил свою сверхзадачу: воздействовать на внешний мир если не на физическом, то на метафизическом, метафорическом уровне, таким образом, улучшая и преображая реальность.

Его герои бьются о железобетонные грани реальности, закипают ненавистью, ежесекундно ощущая на себе непосильную до хруста костей давящую тяжесть действительности. Здесь надо смириться или сопротивляться. Герои Б. Чипчикова не смиряются, и не потому, что не хотят, – не могут, не умеют. Они сопротивляются всеми доступными на данный момент способами, но всегда оригинально.

*Лейла Гемуева,
литературовед, критик*

***

Стиль Чипчикова – увлекательная тема. Присутствие неповторяемого духовного опыта само по себе ведет к личной стилистике, а здесь еще и редкое как по свойству, так и по силе дарование. При этом автор меньше всего тревожится о сохранении чистоты жанра. Также отсутствуют усилия расширить возможности антиформы. Можно сказать, что по сюжетности и динамизму ассоциативного ряда, дерзкому отсутствию однажды установленных правил, преобладанию внутреннего монолога, его проза ближе к потоку сознания в самом редком и трудном отражении – медитативном.

Образы времен, рас, религий, образы тех, кто создал культуру человечества и ее убожество, наплывают друг на друга в его произведениях. Их многообразие, внезапность иного совещания утомляют и вознаграждают иным узнаванием. Гоголь, Сервантес, Филонов, Шопен, Достоевский... Обращенность к ним вызвана не филологическим чувством. Отсутствует прием отталкивания, естественный у читающего писателя, и уж тем более

нота интеллектуальной демонстрации. Пожалуй, только у Борхеса можно встретить такое непосредственное, личностное отношение к великим и трагическим именам в мировой культуре. Но если Борхес, ироничный в своей переоценке (по свойству таланта), иногда увлекается до насмешки, то у Чипчикова и при несогласии – только печаль. Два чувства – любовь и вина – главные в его мире. Пронизанные своеобразным духовным опытом, они выводят к «новому зрению».

*Раиса Кучмезова,
литературовед, критик*

***

Столько силы сокрыто в этом хрупком человеке – уму непостижимо. Он знает, что любовь это свобода, и он любит, чтобы быть свободным. Он любит человека, он любит правду, он любит слово. В его руках слово превращается в инструмент освобождения. Он просто взял и описал свои чувства – что может быть проще? Очень немногим удастся наполнить бумагу смыслом, а ему удалось.

Борис говорит, что он родился шестьдесят лет назад, но это не совсем так. Он был рожден вместе с истиной и впитал ее всей душой. Он помнит динозавров, и как ему не помнить, ведь он один из них. Он долго лежал под пластами лживых отложений, дожидаясь своего часа. Он явился и начал поиски истины в мире обновленном, но оказалось, что правда всегда одна, и люди до сих пор ее не поняли.

*Х. Мамай,
писатель*

***

Б. Чипчиков предельно усложняет структуру произведений, ведет «литературную игру» с читателем, втягивая его в процесс, характерный для постмодернистской прозы – сотворчество писателя и читателя. Автор переосмысляет художественные традиции, вводит в свои произведения известные сюжеты и образы, рассчитывая при этом на искушенного читателя, хорошо знающего классические мифологические и литературные сюжеты, способного адекватно воспринимать любую их трансформацию и находить в этом особое эстетическое удовольствие, становясь «соучастником» повествования. Иначе смысл авторских рассуждений останется темен. В рассказах Б. Чипчикова работает один из центральных принципов постмодернизма – сюжетно-повествовательная ориентация на образованного читателя.

Проза его буквально зиждется на архетипах. Постоянная апелляция автора к известным мифам и традиционным символам не завуалирована драматическим сюжетом, а прямолинейна. Среди прочих особое значение в контексте чипчиковской прозы приобретают библейские мифы. При

этом автор дает альтернативную трактовку «вечных» мифологем, – шаг смелый, но закономерный в контексте постмодернистской литературной традиции.

Среди формальных проявлений особенностей современного литературного процесса в прозе Б. Чипчикова выделяется жанровая синестезия. Его рассказы продолжают традицию жанра «стихотворений в прозе» И. С. Тургенева и лирической прозы М. Цветаевой. Они предельно субъективны, интимны, проникнуты лиризмом, а эпические элементы играют в них больше подчинительную роль, способствуя формированию иносказательного смысла или являясь основой философских выводов-обобщений.

Б. Чипчиков постоянно стремится выйти за пределы эмпирической данности. Его проза характеризуется раскованностью стиля, импровизационного по своей природе. Автор фиксирует путь и ритм мысли, обнажает рождение слова, использует некоторые элементы ритмической прозы, например, синтаксические повторы, кольцевую композицию, мелодичность текста. Он нарушает привычный строй фразы, инверсии становятся его излюбленным и постоянным приемом. Б. Чипчиков переносит в свою прозу средства уплотнения языка. Игра слов – один из таких энергетических ресурсов. Внимание к созвучию, соседству слов создает формулы и афоризмы. Иногда эти формулы рождаются на глазах читателя, чаще они рассыпаны по тексту. Такие «трудные» стилистика и синтаксис прозы Б. Чипчикова обусловлены «трудной» сутью – стремлением уловить сам процесс постижения жизни.

Оксана Абакарова,
кандидат филологических наук

***

В рамках жанра лирической прозы Б. Чипчиков достигает особой доверительной интонации, разговора с читателем напрямую, без посредников. В проникновенной интонации стремление объединить опыт внутренних с внешним – и, размышляя, достичь гармонической цельности. Но размышление это осуществляется не в виде отвлеченных сентенций, а через осмысление прошлого исторического, религиозного, культурного опыта. Человек, не знающий, где родился и куда уйдет, по мнению Б. Чипчикова, подобен вазе, разбитой вдребезги. Пытаясь найти ответы на вечные вопросы бытия: «Куда иду? Зачем иду?» – автор обращается к различным пластам истории своего народа. Писатель стремится увидеть историю не как цепь однажды случившихся событий, а как систему, в которой настоящее соседствует с прошлым и будущим, один народ живет рядом с другим, одна культура перетекает в другую. Разрушение модернистского «аутизма» и осознание значимости любых явлений для индивидуального бытия наполняет прозу Б. Чипчикова многообразием и глубиной различных культурно-религиозных традиций, в единении которых, по мнению писателя, залог будущего развития. А если говорить о времени, то время у

Б. Чипчикова ассоциируется скорее с песочными часами, которые всегда можно перевернуть, чем с неумолимым механическим или электронным циферблатом. Как во времени скрывается множество пластов, так и в каждом человеке скрывается потенциал многих превращений.

В целом, в прозе Б. Чипчикова прочитываются несколько стилевых пластов: мифо-эпический, народно-поэтический, духовно-книжный. Разнонаправленность таит в себе огромные художественные возможности, но требует огромных сил сцепления, способных удержать разнообразное, свести вместе, и только тогда ритмическая сложность, подвижность и изменчивость придадут тексту цельность и гармонию, а хаос чувств, логические неувязки – становятся не недостатками стиля, а его достоинствами. Стройное движение внутренне неоднородной речи в ее гармоническом синтезе – очень важно для понимания авторского хода мысли, для понимания творческого стиля вообще.

*Гульфия Базиева,
кандидат философских наук*

От редакции

В «Издательском центре М. и В. Котляровых» готовится к печати сборник прозы балкарских писателей – от Мисоста Абаева и Басията Шаханова до наших дней (всего 42 автора, и широко известных, и не знакомых читателю вовсе). Идея издания принадлежит Борису Чипчикову, он же – составитель и редактор, а сам проект удалось осуществить благодаря его усилиям по привлечению спонсорских средств. Надо отметить и активное содействие кандидата филологических наук Фатимы Узденовой, кандидата философских наук Гульфии Базиевой, Аслижан Гергоковой.

Этот сборник – первая попытка показать русскоязычному читателю весь спектр балкарского рассказа: здесь и зрелые произведения, достойные того, чтобы отнести их к разряду добротного классического рассказа, и вещи – на взгляд строгого критика – несовершенные. Книга так и задумывалась: чтобы читатель увидел все – и связь поколений в литературном творчестве; и сильные, и слабые стороны балкарской прозы, процесс движения, рост мастерства балкарских писателей.

Оксана БЖАМБЕЕВА

О себе

Родилась в 1983 году, окончила филологический факультет КБГУ. В шесть лет, едва научившись читать, открыла для себя творчество М. Лермонтова и С. Есенина, вдохновившее меня написание стихотворений. Именно они стали моими любимыми авторами, наряду со Стивеном Кингом, Э.-М. Ремарком, Дж. Толкиеном, М. Булгаковым, Н. Гоголем, Н. Перумовым. Также зачитываюсь произведениями М. Кармокова, Б. Уьлжева, А. Кешокова и М. Кандура.

Мои стихи

Все мысли, ночи все и дни,
Тяжелый ком противоречий,
Души горящие огни,
Ее с водою жизни встречи,

Глубин неясные слова,
Все то, о чем тайком мечтаю,
Все, чем душа моя жива, –
Все в строки эти я вплетаю.

***

Ночью безлунной, как кисть над картиною,
Ангел по темному небу летит,
Сыплет снежинки на землю пустынную,
Молча на сказку ночную глядит.

Снова деревья закованы инеем
И подо льдом засыпает река,
Ангел легонечко двигает крыльями
И устремляет свой взгляд в облака.

Тучи пушистые, тучи чудесные
Вдруг озаряются взглядом луны.
Ангелы в выси поднялись небесные
И человеку уже не видны.

Ночкою зимней бывают мгновения –
Слышится тихое ангелов пение.

Апрель

Уже господствует апрель,
И все в его веселой воле:
И блики света, и капель,
И ветерок в открытом поле.

Спешат куда-то облака,
Погоды следуя причудам.
Трава приподнялась слегка
И засияла изумрудом.

Блестя апрельской новизной,
Дождя горошины упали.
И – в белой дымке кружевной –
Зовут загадочные дали.

Странник

Он одинок и ищет в жизни чуда,
В его глазах поблескивает тайна,
Идет он в никуда из ниоткуда,
И встреча с ним, как правило, случайна.

Его пленяют горные вершины,
Подолгу смотрит он в морские дали,
Весной – как на реке крушатся льдины,
Зимой – как небо хмурится в печали.

Он ходит иноземцем, иноверцем,
И смысл его речей не всем понятен,
Но лишь тому, кто слово слышит сердцем,
И совесть у кого без темных пятен.

Он видит, что в душе у человека,
Как будто бы читает книгу судеб.
И каждый, зная требованья века,
По-своему о нем рядит и судит.

Пусть он чужак, не будет к укоризне:
Обида не должна его касаться.
Он больше всех узнал о смысле жизни,
Но не желает выше всех казаться.

Всегда в пути он; без конца и края
Простор, в котором тяжело, понемногу
Он движется, людей распознавая,
Тем самым очищая им дорогу.

Новый год

Снежинки что-то шепчут за окном,
Загадочно поблескивает лес,
И тих, и светел стал мой отчий дом,
Как будто в ожидании чудес.

За час один, мгновений быстрых связь,
Все сказкой зимней обернулось вдруг,
Природа ждет, волнуясь и томясь,
Минуты той, когда замкнется круг,

И совпадет двух стрелок звонкий ход,
И волшебство все озарит кругом,
И принесет надежду новый год,
Весельем чистым мой наполнит дом.

Снежинки тихо осыпают сад,
Сугроб свернулся, словно белый кот,
И фейерверков яркий звездопад
Летит как радость с радужных высот.

***

О, как одинок человек в этом мире!
Пусть общие цели, идеи, кумиры,
Друзья и родные, пусть денег мешок,
Но, в сущности, каждый из нас одинок.

И так это странно и страшно бывает,
Когда тебя слышат, но не понимают,
И ты – как чужой, как в пространстве пустом,
Где страннику так и не встретился дом.

И губы сжимаешь, душа чтоб молчала,
Отчаянья крики и слезы скрывала;
Срываешься в пропасть, где боль и тоска...
Но... чья-то сквозь тьму протянулась рука.

Горячее сердце

Жил-был когда-то человек
С кристальной душой.
Мир светел был ему весь век,
Чудесный и большой.

Не без труда, не без борьбы,
Печалился не раз,
В превратностях людской судьбы
И жизни без прикрас.

Он не любил лжецов, задир
И алчных королей.

Мечтал увидеть этот мир
Счастливей и светлей.

И он дарил, мечту храня,
То, что ценней всего, –
Частицы жаркого огня
От сердца своего.

И пусть умчались его дни,
Он не забыт в веках.

Добра бесценные огни,
Живут в людских сердцах.

Мой край

Мой край – подкова гордых синих гор,
Что солнцем в землю вплавлена навеки.
Лазурь небес чиста, и с давних пор,
За каплей капля, наполняет реки.

Бурля и пенясь, с гор бежит поток,
А в пышной буйной зелени прибрежной
Прекрасный, нежный спрятался цветок.
И ветер, прилетев с вершины снежной,

Прохладу дарит и мечту свою.
И я здесь детства проводила годы,
Под сенью гор в родном своем краю,
Любуясь дивным таинством природы.

Анатолий СЫТНИК

Мой родной и любимый город Нальчик –
это судьба!..

Здесь я родился, окончил с медалью школу № 11, написал первые стихотворения, работал на заводе Высоковольтный аппаратуры после получения квалификации инженера-электромеханика в Московском институте.

Затем – работа на горных предприятиях Севера. В Якутском Государственном университете (ЯГУ) получил квалификацию горного инженера. Работал в Академии наук СССР и учился в аспирантуре. В 1984 году в Московском горном институте защитил диссертацию с присуждением ученой степени кандидата технических наук. Преподавал в ЯГУ на инженерно-техническом факультете. Объездил страну в служебных и научных командировках. Побывал за Полярным кругом, на Камчатке в Долине гейзеров и поднялся на вершину Авачинского вулкана, также посещал Чегет и Эльбрус... Путешествовал в пустынях и городах Средней Азии, ходил в многие походы на Дальнем Востоке, в Якутии, Крыму и на Кавказе. Побывал в тридцати зарубежных странах. Творчески работал и познавал наш земной удивительный Мир.

Осенние думы

Ивы, склоняясь над озером, стынут,
Косы в прозрачных слезах обронив.
Счастьем земным я, быть может, покинут,
Но не сочувственным шелестом ив.

Сердце трепещет, скорбит и рыдает,
Разум в иллюзиях ищет ответ
И о любви бескорыстной мечтает,
Что не тускнеет за давностью лет.

Небо холодное птиц провожает,
Хмурое небо душу гнетет,
Осень цветастая зиму встречает...
Счастье меня – хоть и позднее – ждет.

Подранки

Имя нам «подранки», дорогая,
Много бед нам выпало с тобой,
Жизнь, особо не оберегая,
Вдаль влечет неведомой судьбой.

Очень жаль, что мы уже не дети:
В жизни ничего не поменять.
Много есть чудесного на свете,
Время лишь не обернется вспять.

Жизнь дала нам встречи и разлуки,
Боль и радость любящих сердец.

Мы страдали, и земные муки
Превратились в терновый венец...

Улететь нам в прошлое не сложно,
Сердцем бы воспрянувшим забыть,
Все, что незначительно и ложно, –
Искренне, как в юности любить.

Аромат любви нам очень нужен,
Сказок юности в избытке у меня ...
И пойми: с тобой душевно дружен,
Счастье я не мыслю без тебя!

Нам даны любовные утехи,
Страсть, как молния, пронзает нас.
Это все божественные вехи...
К алтарю страданий в судный час.

Судный час придет, мы это знаем,
Память жизни с нами не умрет...
За грехи пред Богом отвечаем,
А любовь нас в вечность унесет...

Имя нам «подранки», дорогая,
Много бед нам выпало с тобой,
Жизнь, особо не оберегая,
Вдаль влечет неведомой судьбой.

Обет выпускников...

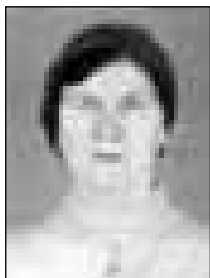
Дни летят незаметно, как птицы,
Пролетают своей чередой...
Эти дни – нашей жизни страницы,
Что открыли мы в школе родной!

Помним первый звонок и уроки,
Как из букв появлялись слова.
Были трудности, ссоры, упреки...
Наша память о школе жива!

Наступает экзамен на зрелость,
И идем мы навстречу судьбе.
Как легко нам и радостно пелось –
В предстоящей за счастье борьбе!

И пройдет много лет – не забудем,
Как дружили, учились любить.
И хотели быть нужными людям,
И Отчизне – опорой быть!

Галина ЕМЫКОВА-ТЕМИРЖАНОВА

Мекканский дождь

*Посвящаю моим сестрам по Вере,
с которыми мне посчастливилось
совершить паломничество к святым местам:
Жаннаго Лакуновой, Ефросинье Кумышевой,
Людмиле Аутловой и Евгении Кошеровой*

В Мекке не было дождя целый год. За три дня до нашего отъезда имам Месджид-Харама обратился ко всем паломникам с просьбой совершить молитву дождя. Однако еще два дня не было никаких признаков, что наши мольбы приняты.

Наш прощальный таууаф – обход Каабы ознаменовался радостным событием. Начало нашего таууафа совпало с первыми каплями; потом, постепенно усиливаясь, дождь перешел в ливень. Мы, промокнувшие до последней нитки и необыкновенно счастливые, под сплошной водяной стеной завершили прощание двумя ракаатами намаза, опуская лица в прозрачную воду над белым мрамором мечети. Вскоре после этого ливень прекратился, но он оставил ощущение невыразимой тоски.

Мекканский дождь пред утренней молитвой,
Прозрачный, теплый, чистый, как слеза,
С моим прощаньем воедино слитый,
И эта незабвенная гроза,

Смывающая жизни прегрешенья.
Прощает и прощается со мной
Паломничества чудо-завершенья,
Подаренное словно мне одной.

Приемлю сердцем, и душой, и телом
Январский ливень над Месджид-Харам.
Я этот дождь ни за какое дело,
Ни за какие блага не отдам.

Я верю: то Небес благословенье –
За каплей капля, за струей струя,
Как первое Пророку Откровенье,
Омывшее все земли и моря.

Благодарю, Творец, за эту щедрость,
Что я, забыв о ближних и зиме,
В людском потоке вокруг Каабы где-то
Могла купаться на святой земле!

Уж далеко Аравии граница,
И жизнь течет по заданной стезе,
Но будет сердце до конца полниться
Воспоминанием о той грозе.

В память о пещере Хира

*Посвящается Жаннаго Лакуновой,
Ефросинье Кумышевой и Фатиме Шидовой,
с которыми автору этих строк посчастливилось
посетить пещеру Пророка С.А.С.*

Ни скрипка, ни виолончель, ни лира Не в состояньи воспроизвести Мелодию, услышанную в Хире, Где в первый раз Пророк Коран постиг.	Им возвести Всевышнего веленье, Стучись в сердца и распрями рабов... Отныне без усталости и лени Неси им Истину, неси любовь!
Святая ночь. Писания начало... Час пробужденья Истины настал... И музыка Небесная звучала У ангела Джибрила на устах.	Ты, скромная пещера на вершине Горы из Света, чье название – Нур, Наш хадж своим приемом завершила, Позволила нам на себя взглянуть.
И в маленькой пещере, мглу рассеяв, Он стиснул грудь избраннику Творца: – Читай! Познай и пронеси отселе До дальних мест, до самого конца,	Мы гор и дома видели немало, И их достоинств нам не умалить, Но ты его в объятья принимала, Здесь он учился музыке молитв.
До всех народов, рас и континентов Аяты, что чудесней всех чудес, Что выше всех даров и комплиментов, Ниспосланные людям Им с Небес.	Он с нами был, и он молился с нами, Хотя ему мы вовсе не чета! Это место дорого, как знамя, С которого доносится: «Читай!»
Читай! Вещай, Пророк, не зная страха, Освободи людей от всех оков, Пусть знают: будут подняты из праха Тем, что Один, и нет других богов.	Где пьяных нет и женщин нет раздетых, Звучит азан, зовущий на намаз, Где крупный год стоит над Меккой лето, Есть памятное место и для нас.

Население Земли к началу нового века, нового тысячелетия составляло 6 055 049 000 человек. За XX век количество людей выросло почти в 4 раза, а за ближайшие 50 лет вырастет еще на треть. По расчетам специалистов к 2050 г. на Земле будут проживать около 9 000 000 000 человек.

Самой большой, но доминирующей религией является **Христианство** (33,0 % общего населения).

Пятая часть населения Земли исповедует **Ислам** (19,6 % населения Земли).

13,4 % исповедуют **Индуизм**.

6,4 % – **Китайская этническая религия**.

5,9 % – **Буддисты**.

3,6 % – **Этнические религии**.

1,7 % – **Новые азиатские религии**.

Менее одного процента составляют следующие малые религиозные группы:
Сикхисты (Sikhs) – 23 млн. человек, ок. 0,3 %.

Иудансты – 14 млн. человек, ок. 0,2 %.

Бахансты – 7 млн. человек, ок. 0,1 %.

Приведенные цифры наглядно показывают распределение религий в мире. Но религия динамична. Для полного представления о религии необходимо знать

динамику ее развития и иметь возможность сопоставить ее с динамиками других религий. Таким образом, мы получим представление не только о жизнеспособности нашей религии, но и о глобальных процессах, происходящих в области религий.

Основные цифры и процессы:

I. Население Земли

Ежегодно рождается 124,3 млн. человек, что составляет 2,05 % населения Земли.

Ежегодно умирает 52,7 млн. человек – 0,87 % населения Земли.

Разница рождаемости и смертности дает нам цифру реального прироста населения – 71,6 млн. человек, или 1,18 % населения Земли в год.

II. Христианство

Чистый прирост христиан в мире составляет 20,7 млн. человек в год – 1,04 % христиан в год, или 0,34 % населения Земли (с учетом таких показателей, как рождаемость, переход в христианство, уход из христианства в другие религии, число умерших).

Прирост христиан, которые составляют треть населения Земли, идет в два с половиной раза медленнее, чем прирост всего остального (не христианского) населения.

III. Ислам

Среди всех религий число людей, исповедующих ислам, растет быстрее всего. Ежегодный прирост составляет 24,9 млн. человек, 2,1 % от числа мусульман или 0,4 % всего населения Земли.

IV. Иудаизм

Прирост 0,9 % или 0,13 млн. (130 тыс.) человек в год.

Распределение населения по континентам: (убыванию)

I. Азия

На территории Азии находится 50 стран, в которых проживает 3 696 988 087 человек, что составляет 61 % всего населения Земли и почти в пять раз превышает следующий за Азией (по величине населения) континент – Африку.

II. Африка

Африка находится на первом месте по количеству стран – 60 стран. В Африке живет 13 % населения Земли, или 784 537 686 человек.

III. Европа

Европа вплотную следует за Африкой, уступая ей только 1 % – 728 886 949 человек, или 12 % населения Земли. В Европе находится 48 стран.

IV. Латинская Америка

Население 46 стран Латинской Америки составляет 8,6 % населения Земли (519 137 936 человек).

V. Северная Америка

На предпоследнем месте находится Северная Америка. Население – 309 631 092 человек, что составляет 5 % населения Земли.

VI. Океания

0,5 % (30 393 392 человек) населения Земли проживает на территории Австралии и островах Океании в 28 странах.

Распределение религий по континентам:

(% от численности сторонников религии)

Мусульмане:

Африка – 26,7 %,

Азия – 70 %,

Европа – 2,7 %,

Латинская Америка – 0,14 %,

Северная Америка – 0,37 %,

Океания – 0,03 %.

Юрий ГЕТОКОВ

По-разному складываются судьбы начинающих писателей: кто-то быстро находит себя, кто-то долго ищет «свое место» в литературе, а с иными и не расстаются до конца жизни «детские болезни» роста.

Долго искал свою тропу в литературе и Юрий Милюевич Гетоков. Я рад, что поиски увенчались успехом: поэт нашел себя в стихотворной миниатюре – двустишия, четверостишия стали основными жанром в его неустанной работе. Таких стихотворений написано Гетоковым немало, они вошли в книги поэта «Мост-блезир» (1995) и «Аркан» (2001) А читатель давно знает многое из того, что создано поэтом за три десятилетия – стихи Гетокова публиковались в газетах, в журнале «Ошхамахо», в хрестоматиях, звучали по радио и телевидению.

Глубокие по смыслу, выразительные, искрометные, веселые и грустные, всегда жизненные, они подкупают читателя потому, что в них, говоря словами Н. А. Некрасова, «словам тесно, мыслям просторно».

Герои стихотворных миниатюр Ю. М. Гетокова берутся из повседневной жизни. Наблюдательный поэт высвечивает несколькими штрихами черты своих героев, поэтому они запоминаются. Иные из миниатюр схожи с народными поговорками, пословицами своей лаконичной, верной оценкой жизненных явлений. Поэт не призывает, не поучает, не наставляет читателя кого-то или что-то полюбить или возненавидеть. Он как бы говорит: «Вот люди, которых я вижу, вот жизненные явления, которые привлекают мое внимание, вот что я люблю, а вот что я ненавижу, кого и что принимать из них или отвергнуть – дело твое». И читатель благодарен поэту за новизну его взгляда на описываемое, за то, что он обогащает его своим видением предмета, своими мыслями и чувствами.

**Зубер Тхагазитов,
народный поэт КБР**

О своевременности

Строй смолоду свой дом
И в нем расти детей.
Не забывай при том
О бренности своей.
Будь своевременным
Повсюду и всегда.
Ведь жизнь уходит,
Как меж пальцами вода!

Голодный

Голодный к сытому претензию имеет,
Но обнародовать ее не смеет:
Он держит под замком правдивые слова
В надежде на объедки с барского стола.

Мост-блезир

Под ним воды ни капли не бежит.
«Я тоже мост!» – он гордо говорит.

Народный избранник

О справедливости с трибуны он вещает..
Все, что имеет сам, нам вскоре обещает.

Пустая жизнь

Он в ветхом шалаше
На берегу реки сидел
И год, и два, и три...
Пока не поседел.
Но время шло,
И высохла река,
И превратился он
В больного старика.
Он позабыл
И вкус, и цвет воды,
И то, что был
Когда-то молодым.

Остряк

По слепоте души, бывает,
На имени язык он заостряет.
Бедняга. Право, он не знает,
Что его имя означает.

Вспыльчивый

Он был всегда непримирим
Ко всякой безделушке.
Комар садится на лицо –
Палил в него из пушки.

Горе-хозяин

Всю зиму сани делал он,
Наперекор зиме и снегу.
И на запчасти разбирал
К весне свою телегу.

Комариный покос

Клянется он, что каждый год
Исправно сено косит.
Крестьянин, проливая пот,
Его на шее носит.

Ослиная точка зрения

Глупая лошадь
Однажды осла
Свою красоту
Оценить попросила.
Он с холки
Ее оглядел до хвоста
И молвил:
– Ты б уши себе отрастила,
Подковы сняла,
И забыла седло,
В сбрую перестала рядиться.
Тогда бы ты стала
Отрадой ослов,
Прекраснейшей в мире ослицей!

Волк

Утешает старика,
Давно не евшего, Питита:
«И у меня, скажу, частенько
Не бывает аппетита».

Торины помидоры

«Ума палата»
У коммерсанта Торы:
В Кахун доставил летом
Продавать свои он помидоры.

Косарям

Косить, все знают, – дело непростое,
 Особенно в период сухостоя.
 Коса гудит, от лезвия до ручки,
 Кося бурьян и крепкие колочки...
 С такого сена – никакого толку:
 Не корм корове, а подстилка волку.
 Вот так и мы, стихи свои кропая,
 За временем своим не успевая,
 Все пишем, без ума и толка:
 Они потом гниют на книжных полках.

О брошенном сене

Охапка сена думала о том:
 Мол, полежу в степи еще немного –
 Хозяин вспомнит обо мне. Потом
 Я стану все равно вершиной стога!

Подковы Инала

На скользком льду
 Никак не могут повалить Инала:
 Его ноги стоят крепко
 На подковах криминала.

Бюрократ-шахматист

Когда публично
 Ему поставишь мат,
 Начнет искать
 Против тебя он компромат.

Нанины бананы

Есть коммерческая жилка
 Да у нашей наны:
 По накрученной цене
 Продает бананы.

Борец со свободой слова

Верх берет
 Где золотом, где плетью.
 Вынуждает всюду
 Нас молчать.
 Волю дай ему –
 На белом свете,
 Тиснет он
 Молчания печать.

Болтун

Он беспокоится за целый мир.
 Всему внимая, распускает слухи...
 Бедняга, он не ведает о том,
 Что крыша его дома вот-вот рухнет.

Перевел с кабардинского автор

Хашият КУНИЖЕВА

Короткие рассказы из цикла «Поле жизни»

Каучуковая платформа

Ко мне приехала тетя. Я весь расплылся в улыбке и бросился ее обнимать, вслух припоминая, как однажды, когда я гостил у них две недели в селе, она сказала: «Буду для тебя готовить вкусные торты, пока ты не наешься и не скажешь: «Хватит!»».

И готовила. В этот же раз, отпустив ее из теплых родственных объятий и расспросив, для порядка, что да как, я решил, что нам с женой нужно устроить моей дорогой тете «молчаливую голодовку», чтобы она побыстрее смылось из нашей столицы в свое село.

Дело в том, что наша свободная комната оставлена для моего свояка, – он скоро приедет из Калининграда. Мы со свояком должны решить очень важный вопрос: из какой страны импортировать каучук, из Юго-Восточной Азии или Центральной Америки, – для изготовления босоножек на высокой каучуковой платформе. Высочайшей!

Ястреб и ворона

В глубине сада, в гнезде на самом высоком дереве, обитает ястреб. Когда ястреб вылетает на охоту за цыплятами или если даже летает просто так, следом за ним летает ворона.

Ястреб когтит зимой голубя – вороне достается голубятина. Весной он лакомится молодыми цыплятами – и вороне после него кое-что перепадает.

Так и летает за ястребом ворона: ястреб когтит добычу, остатки клюет ворона.

Пойду горничной

«...Пойду-ка горничной в «Националь», «теньга», как говорят татары, будет. Ресторан и гостиница рядом с Московским университетом, здесь, на Кавказе, у нас такого комплекса нет», – думает Нафисат и представляет, как швейцар Шура, в отделанной золотом одежде, сияя, спросит ее:

– Нафисат, а зарплата сегодня будет?

– Шура, может, будет, а может, нет.

Он немножко раздосадованно скажет:

– Я зонтик не взял и радио не послушал... Сегодня уже тридцатое мая. Нафисат, какая сегодня будет погода?

– Может, солнце будет, может, дождь

«Швейцара наверняка будут звать Шурой, – думает Нафисат, – а есть на вечные времена Альберт Швейцер. Но мне до этого дела нет. Для меня – сияющий швейцар Шура, коллега. Я в высокие дебри вдаваться

не буду, так оно легче будет. И Швейцер и Эйнштейн должны слиться в одно лицо».

Представляет Нафисат, как однажды утром швейцар Шура начнет обычный разговор:

– Студенты журфака, это что рядом с нами, кажется, нерадиво учатся.

– Кажется нерадиво, Шура.

– А студенты философского факультета, длинноволосые такие, в широкополых длинных пальто, они все время перекусывают в кафе «Марс», наиболее прогрессивные, кажется.

– Кажется, прогрессивные.

«Кафе «Марс», – думает Нафисат, – это если идти вверх по Тверской улице, а если идти вниз, к площади, читается как «Срам».

– А студенты МГИМО в коротеньких пиджачках и джинсах, но по праздникам в строгих костюмах, – продолжит беседу Шура, – кажется, самые модные.

– Кажется, модные, Шура...

«Приеду в Москву, ни во что вмешиваться не буду, уберу номера и буду спокойно доживать свой век», – Нафисат закрывает глаза, и перед ней снова возникает золотой швейцар Шура.

– Мы, Нафисат, с тобой работаги, а работа гонит от нас три порока, – скажет, подняв указательный палец, швейцар, – нужду, безделье, скуку. А ты как думаешь, Нафисат?

«Отвечу даже очень ясно: може, гонит, а може, не гонит... Пойду точно горничной в «Националь».

Чак Норрис

«Приглашается современный российский фермер Виталий, – звучало с экрана телевизора, – чем не Чак Норрис, вы посмотрите: широкополая шляпа, джинсовый костюм. Современнейший фермер!...» – не уставал восторгаться молодой ведущий.

– Виталий, – обратился он непосредственно к фермеру, – какая у вас живность, сколько коров?

– Коровы, у меня три коровы... Я собираюсь накормить мясом Россию, у меня еще пять свиней и одиннадцать поросят...

– Супер! – восхитился ведущий. – А куры, утки? Из птицы, так сказать, есть что-нибудь?

– У меня около пятидесяти кур и гусей.

– О-о-о! Скажите, а телки у вас есть?

– Да, две телки соседские, симпатичные, с челками, одной семнадцать лет, другой девятнадцать, – сказал российский Чак Норрис.

Мухаб БЖЕНИКОВ,

кандидат филологических наук, критик

ЗРЕЛОСТЬ

Наша критика порой не замечает или замечает редко то, что в последнее время в нашей литературе появились новые имена поэтов и писателей. Их произведения, несмотря на наметившуюся ослабленность системы «автор–книга–читатель», все же становятся все более востребованными. К таким поэтам надо безо всяких условий причислить Людмилу Хамзетовну Загаштокову, творчеству которой посвящены эти заметки.

Людмила Загаштокова является членом Союза писателей РФ с 2002 года. Ею изданы восемь поэтических книг. На ее стихи композиторами КБР создано более тридцати песен, многие из которых хранятся в фонде республиканского радио. Л. Загаштокова – лауреат премии журнала «Литературная Кабардино-Балкария» за 2007 год и обладатель медали, учрежденной популярным изданием. В настоящее время Л. Загаштокова подготовила к изданию книги стихов «Я вечный ваш проситель перед Богом» (в переводе Ладомира Местича), «Беседы с матерью» и «Мои односельчане».

Когда знакомишься с произведениями Л. Загаштоковой, первое, на что обращаешь внимание, это то, что ее творчеству присущ тот романтизм, который не только окрыляет для вдохновения, но и дает силу преодоления привычной повседневности, умение удивляться каждому дню окружающего мира. Здесь можно говорить о закономерности ее художественных поисков: поэзия – это творение таланта, данного от бога, талант «питается» и мировосприятием человека, и его способностью видеть в привычном, «заурядном» незаурядное, светлое, возвышенное.

Дыханье снежных гор окутает вершины
Венками облаков – небесных хризантем –
И упадет росой на склоны и в лощины...
Недвижимо стою, люблюсь, – и затем
Я устремляюсь ввысь, как может только нота,
Которую нашел и окрылил восторг.
Свободно и легко дыхание полета,
А там, внизу, уже и запад, и восток,
И полюса, и сеть тугих меридианов
Сливаются в один голубоватый шар, –
Игрушка для забав? Атлантов ли, титанов?..
И сердце вдруг зашлось и сдвоило удар.

(«Двойной удар»)

Тема любви и сострадания к человеку всегда была и остается традиционной для поэтов нашей республики, в частности, кабардинских. Людмила Загаштокова берет за правило следовать добрым традициям и нередко

находит новые штрихи поэтической откровенности, готовая защитить человека, оказавшегося в беде, согрев его теплом своей души. Эта черта становится одним из существенных направлений ее творчества от самых ранних стихов.

У магазина с зеркальной витриной
Вижу ребенка: один, лет пяти,
Тянет ручонку, – и мне, неповинной
В ниществе, трудно вот так вот пройти:
Он ведь голодный... я лезу невольно
В сумочку, мелочь пытаюсь найти.
Но почему мне так стыдно, так больно?..

*Людмила
Загашникова*

Известный социальный психолог Л. С. Выготский, исследуя в своей книге «Мышление и речь» закономерность литературного творчества, в свое время пришел к интересному выводу: для проникновения в святая святых, в чувства, пережитые писателем в процессе работы над произведением, надо исходить не из его биографических данных, в какие годы где был, с кем встречался, как относился к современникам, к событиям, в которых участвовал и т. д., а из всестороннего анализа художественных достоинств текста, который всецело передает настроение автора в минуты творчества. Стихи Л. Загашниковой «соизмеряются» с данной закономерностью и обнаруживают это как своеобразную художественную отметину.

Что могла испытать поэтесса, какие мысли одолевали ее, мать четверых сыновей, добрую бабушку пятерых внуков, когда она создавала такие стихотворения, как «Здравица», «Материнский хлеб» и «Разговор с матерью»? Она, конечно, сама может об этом сказать, но лучше спросить у поэтических строк.

Пусть на земле всем дышится легко,
Пусть не поранит горе мира сердце.
Пусть матери счастливой молоко
Играет на губах ее младенца.

Лирическим героем лучших стихотворений Людмилы Загашниковой выступает Мать, собирательный образ, который олицетворяет сущность жизни на земле. Это не какая-то отдаленная от нее субстанция или понятие, воспринятое извне, – образ матери живет в ней самой, сливаясь с ее «я» и ее сокровенными думами. Поэтому каждый раз, читая ее строки, посвященные матери, перед глазами встают вместе два лирических героя: автор и ее родная мать, конкретная личность, воспринимаемая без каких-либо условностей. И чувства, связывающие этих родных людей, «переходят» в нас и становятся нашим личностным восприятием. В такой закономерности «скрыта» художественная правда поэзии вообще, и, в частности, стихотворений Л. Загашниковой «Материнский хлеб» и «Разговор с матерью», в которых выражено кредо автора – поэта, гражданина,

личности: помнить свои корни, любить людей, стоявших у твоих истоков, никогда не забывать вкус последнего в доме чурека, который мать дала тебе в дорогу.

Сажусь я в подводу,
В руке моей сверток –
Держу материнский чурек.
Он теплый
И меня согревает,
Будто сердце мамы,
Что стоит у калитки,
Смотря мне вслед
Сквозь радугу слез...
...На сельской улице
Счастливые дети играют...
В домах хлеб румяный пекут,
А мне и сегодня
Тот чурек материнский
Теплом согревает ладонь.

(Подстрочник)

Тема матери у Л. Загаштоковой, переплетаясь и сливаясь воедино, «шагает» рядом с темой Великой Отечественной войны. Читателю сразу становится ясно: лирической горой не сражался на фронте, да и сполна не испытал послевоенного лихолетья, ибо он представитель поколения 50-х. Но он судит о войне не понаслышке, стоя в стороне от участников великих битв за Отечество, погибших и живых, – а как человек, готовый понять и воспеть и скорбь матерей, и горе солдатских вдов, и детей войны, выросших без отцов, и подвиг народов во имя Победы. «Мыло» – так называется одно из ранних стихотворений Л. Загаштоковой. Это поэтическая новелла. Когда начинаешь читать, первое, что приходит на ум: «Какая параллель может существовать между войной и мылом?» Ответ дает неожиданная концовка стихотворения, в котором ярко отражены эпизоды послевоенного времени: и образ матери, и радость людей, и пленные, которые варят мыло, и детвора, меняющая куски хлеба на мыло, – находят образную взаимосвязь.

И у меня здесь был «свой» немец...
Вот и теперь мы с ним стоим –
На пальцах речь без разговора.
Я – хлеб, в ответ его рука,
Пройдя меж прутьями забора,
Мне – мыло, целых два куска!

.....
А мама, взяв подарок мой,
Пошла стирать... вот только пена
Не поднималась от воды...
Кусок простого кирпича

Обмазан мылом был для вида.
 Мать не ругалась сгоряча,
 Да и не то, чтобы обида
 Звучала в маминых словах...
 «Несчастный... Бог ему судья».
 ...Все дальше лет круговращенье
 От прошлого, в котором я
 Пытаюсь высказать... прощенье.

Авторское чувство времени – вот что характерно для приведенных строк. Неважно, пережил все это сам автор или нет. Поэтическая мысль на то и есть, что она способна возвращаться в прошлое и выражать его, образно «перекинув мост» к настоящему и прочувствовав будущее. Это все обострено у Людмилы Загаштоковой еще и потому, что она видит мир глазами женщины-матери.

Тревога овладела мной,
 Сон гонит светом ранним:
 О чем вздыхает шар земной
 Так тяжело, словно ранен?
 Быть может, новая беда
 Случилась в мире старом,
 И снова где-то города
 Под бомбовым ударом.
 .....
 И снова где-то плачет мать,
 Чернеют вдовьи платья.
 .....

Для лирических стихов Людмилы Загаштоковой характерна открытость души, доверительность личностного «я» и зоркое наблюдение за своими героями. Надо сказать о том, что все это у нее окрашено некоей свойственной ей печалью, которая, как было сказано великим классиком, светла, и поэтому – полна оптимизма. В стихотворении «Девушка у окна» лирический герой ретроспективно приходит к самовыражению, и тем самым он растворяется в «я» автора, который верит в то, что из вековой борьбы между светом и тенью, добром и злом, победителями выйдут свет и добро.

Этой радости хватит на весь человеческий срок,
 От нее в твоём сердце любовь разгорится земная.
 Как щедра эта жизнь, как простор для надежды широк –
 Ты поймешь, малыша своего пеленая.
 Воцарится в тебе непреложным законом добро,
 Направляя и мысль, и поступок, и каждое слово.
 Избегай равнодушия, что скажет: все в мире старо...
 Удивляйся привычному снова и снова.

Это стихотворение свидетельствует о том, что и в лирике Л. Загашто-

ковой присутствует то самое кредо: удивляться повседневности, находить в привычном необыкновенное, что и является «назидательной» идеей стихотворения, адресованной девушке у окна.

Следует сказать и о том, что за последнее время в стихах Людмилы Загаштоковой наметилось новое направление – раздумья над жизнью, философское обобщение вечных понятий о сущности и предназначении человека, испытаниях, которые ему предстоит преодолеть, чтобы остаться человеком. Это направление реализуется уже через картины природы, ее явлений, как, например, в стихотворениях «Одиночество» и «Утро». В одном из лучших своих стихотворений «Мои попутчики» Людмила Загаштокова пишет:

Готовясь в путь, особо охраняю
Речь матери: ее везде сберечь
Должна я, потому что сердцем знаю
Мне с молоком дарованную речь.

Готовясь в путь, традиций не нарушу
И с кровью, коей греться до конца,
Возьму и слово, греющее душу,
А это – слово мудрого отца.

Чувства, выраженные в этих строках, возвращают читателя к истокам, откуда он вынес любовь к языку матери и мудрое слово отца.

Стихотворение «Мои попутчики» можно назвать программным по глубокому смыслу и содержанию. Попутчики автора – это в первую очередь язык матери и традиции отцов, идущие рядом односельчане, друзья. Верность не измеряется наполовину – кто верен своим корням и истокам, тот верен людям.

В завершение этих заметок хотелось бы сказать о том, что мы не стали и не хотели выискивать для обозрения неудавшиеся стихотворения Людмилы Загаштоковой. Такие, к нашему удовлетворению, попадаются редко. Но не это главное, а то, что перед нами – зрелое поэтическое творчество, имеющее добротную перспективу.

Народный педагог и талантливый организатор народного образования

Шадов Азгери Адальгериевич родился 12 января 1947 года в сел. Урух Урванского района КБР. После окончания Урухской средней школы в 1963 г. поступил на физическое отделение физико-математического факультета КБГУ. По окончании университета в 1968 г. был рекомендован в аспирантуру. В том же году поступил в аспирантуру по физике космических лучей. В 1969–1970 гг. служил в рядах Советской Армии. После увольнения в запас продолжил учебу в аспирантуре, был младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией, начальником Эльбрусской учебно-научной базы КБГУ. Являясь одним из руководителей проекта «Эльбрусского спектрографа космических лучей», в 1975 г. награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР за его создание. В 1980 г. защитил диссертацию на ученую степень кандидата физико-математических наук в г. Киеве. В 1985 г. по семейным обстоятельствам переехал на родину отца – пос. Чегем-1. Был заведующим орготделом Чегемского райисполкома, завучем школы, инспектором РОНО, с июля 1990 г. по настоящее время является директором СШ № 1 г. Чегем. С ноября 1991 г. на базе детского сада № 3 и СШ № 1 организован впервые в Кабардино-Балкарии экспериментальный учебно-воспитательный комплекс «Детский сад-школа-лицей». На базе комплекса работает районный и республиканский семинар по проблемам непрерывного образования и создания учебно-воспитательных комплексов детский сад-школа. В настоящее время в КБР функционирует свыше ста комплексов. По результатам участия в 1996 г. во Всероссийском фестивале-конкурсе «Авторская школа» удостоен статуса «Федеральная экспериментальная площадка» РФ, а директор школы приказом по Министерству образования РФ введен в состав Совета по управлению Федеральными экспериментальными площадками, комплекс является членом Ассоциации инновационных школ РФ. В 1998 и 1999 гг. комплекс удостоен звания «Школа года» России. В комплексе работают четыре учителя, удостоенных гранта «Соросовский учитель», двое из них дважды. Работает одна из именитых учителей КБР, победившая в конкурсе «Учитель года» КБР и ставшая лауреатом конкурса «Учитель года» РФ в 1999 г.

В марте 1998 г. А. А. Шадов был командирован в США, где принял участие в американско-российском симпозиуме «Содержание образования на рубеже веков», где выступил с докладом. В декабре 1998 г. выступил одним из основных докладчиков на Российской научно-практической конференции «Интегрированная система образования: опыт и перспективы» в г. Нальчике, организованной министерством образования РФ и руководством КБР. Кроме проблемных докладов на симпозиумах, научно-практических конференциях, фестивалях регулярно выступает в газетах «Учительская газета», «Первое сентября», «Кабардино-Балкарская правда», «Голос Чегема», журналах «Педагогика», «Директор школы».

За заслуги в воспитании учащихся и многолетний добросовестный труд в 1993 г. ему присвоено звание «Отличник просвещения РФ», в 1995 г. звание «Заслуженный работник народного образования КБР», в 2001 г. награжден дипломом «Народный педагог РФ» решением комитетов по образованию и науке Государственной Думы и Совета Федерации РФ и редакции газеты «Педагогический вестник».

Жаухар АППАЕВА

ПРОФСОЮЗНЫЙ ЛИДЕР

Заслуженная артистка России Марьяна Даова известна в республике прежде всего как талантливая певица, солистка Кабардино-Балкарского государственного музыкального театра. Талант ее многогранен. Вокалистка обладает лирическим сопрано красивого серебристого тембра. На сцене Музтеатра она сыграла более тридцати ролей разного плана и характера. Творчество Марьяны известно и далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Свое искусство она демонстрировала на престижных сценах многих городов Российской Федерации. Блестяще выступала и в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Ее творческие успехи отмечены почетным званием «Заслуженная артистка РФ», множеством почетных грамот и дипломов. Она не раз была признана в Северокавказском регионе «Человеком года» и «Артисткой года».

Природа щедро наградила ее и физической красотой, и музыкальным талантом, и организаторским даром. Дисциплинированность, чувство ответственности, коммуникабельность, трезвый оптимизм, умение окружить себя единомышленниками, – эти слагаемые характера общественного деятеля позволили ей выдвинуться на роль профсоюзного лидера, хорошо знающего жизнь работников культуры и искусства и озабоченного решением проблем повышения качества жизни членов профсоюза. Признанием успехов М. Даовой на этом поприще служит тот факт, что она входит в состав Пленумов ЦК Российского профсоюза работников культуры, Федерации профсоюзов КБР. Важную роль она играет и в Кабардино-Балкарской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и в трех коллегиях отраслевых министерств и ведомств Кабардино-Балкарии.

– Наверное, это знамение времени, – говорит Марьяна Патовна. – Новое время подтолкнуло меня принять на себя обязанности председателя рескома профсоюза работников культуры и искусства КБР. Этого бы не произошло, если бы уже с детства я не тяготела к общественной работе. В этом плане мне очень помогли реализовать себя и пионерия, и комсомол, и КПСС, воспитавшие инициативность, дисциплинированность, социальную активность. Решилась на эту должность не сразу, но, поразмыслив, пришла к выводу, что в общем-то соответствую ей. За плечами большой опыт работы с людьми.

Марьяна Даова пришла в реском в то время, когда былой авторитет и массовость профсоюзов были значительно утрачены. Ее беспокоил вопрос, а не стали ли они пятым колесом в телеге, способны ли оказать реальную помощь творческим работникам, иметь влияние на развитие культуры. С другой стороны, она понимала, что многое в судьбе профсоюзов зависит от конкретных людей.

– Мне кажется, – делится она своими мыслями, – что именно теперь профсоюзы начинают обретать свое настоящее место в обществе. Остались в них люди, по-настоящему преданные этой организации. Я бы не

стала говорить о бессилии, беспомощности профсоюзов. За годы моего пребывания в рескоме удалось решить положительно множество вопросов. Результаты нашей деятельности обнадеживают. Что ни говори, но профсоюзы – это сила, в чем убеждает мировая практика. К этому неизбежно придет и Россия. Но и сегодня у нас есть рычаги воздействия на ситуацию в любой отрасли.

Марьяна Патовна не обольщается тем, что сможет серьезно влиять на развитие культуры. Но, работая в рескоме, она имеет возможность опираться на опыт и профессионализм определенного круга людей. В наше время ни одно ведомство не может претендовать на то, что только оно способно заниматься проблемами культуры и делает это наилучшим образом. Вопросы неэффективной работы различного уровня руководителей сферы культуры было бы наивным объяснять лишь финансовыми трудностями. Хотя иногда свое неумение или нежелание трудиться с полной отдачей сваливают на сложности нынешней жизни.

– Сегодня, – говорит Марьяна Патовна, – нужны новые формы и методы управления культурой, необходимы новые законы. Нужно внести определенные изменения в структуру учреждений культуры. Я понимаю, что подобные нововведения коснутся живых людей, но эти вопросы все же следует решать.

В застойные годы культура была рупором идеологии. В ряде государств искусство служило апологией тоталитарных режимов, потому им дорожат, за него платят власть предержащие. Направляя культуру в нужное русло, можно добиться многого. Но, к сожалению, это понимают далеко не все.

– Сейчас, – сетует Марьяна Патовна, – у нас никто не несет перед культурой никакой ответственности. Иногда складывается впечатление, что она вообще никому не нужна. Как можно говорить о свободе творчества, если художественная интеллигенция за свой труд получает нищенскую плату?

Мы очень много говорим о возрождении наших исконных духовных ценностей и в то же время насаждаем чуждые нам образцы западной массовой культуры, которые способны разрушить наши хрупкие этнические культуры. И это может привести к их ассимиляции в ближайшем или более отдаленном времени. Эти проблемы не могут не волновать и М. Даову.

– Честно говоря, – размышляет председатель рескома, – я не вижу особых результатов так широко разрекламированной работы по культурному возрождению республики. Зато наблюдаю обратное явление – массовая культура все больше укореняется, подминая под себя национальные, духовные ценности. Считаю, что у нас есть тенденция к ассимиляции культур коренных народов. И если не предпринять кардинальных мер по их защите, они могут погибнуть. Культура является иммунной системой национальной безопасности. С ее исчезновением исчезнет и нация.

На мой взгляд, культура коренных этносов Кабардино-Балкарии оригинальна, прекрасна и столь высокого уровня, что это позволяет ей выйти на мировую арену. Нам есть, что показать за рубежом, в других регионах России. Но проблема упирается прежде всего в финансы.

По роду своей деятельности М. Даовой часто приходится встречаться с нашими общественными и государственными деятелями. Надо отметить, что руководители республики всегда внимательно и чутко относятся к ее предложениям. Уже тот факт, что при всей своей занятости они находят время на посещение культурных мероприятий, чествование заслуженных деятелей искусств республики, стремятся оказывать поддержку творческим работникам, дает надежду на сохранение культуры, – таково мнение Марьяны Патовны.

М. Даова стремится привнести творческое начало и в профсоюзную деятельность. Ее работа в театре прекрасно гармонирует с рескомовской. Общение с интеллектуальной прослойкой республики, с рядовыми тружениками культуры доставляет ей большое удовлетворение. По ее признанию, очень многое она черпает из этих встреч.

Марьяна Патовна неоднократно выступала и с трибуны, поднимая острые вопросы развития культуры на профсоюзных форумах как в родной республике, так и в Москве. В 2005 году она приняла участие в IV съезде Российского профсоюза работников культуры, главным вопросом на котором было современное положение работников культуры. Несколько позже во всероссийской газете «Солидарность» появилось ее интервью, в котором она дала оценку съезду. В нем, в частности, сказано: «Учитывая, что мы в последние годы работали в тяжелейших социально-экономических условиях, я считаю, что наш профсоюз справился со своими задачами на хорошую оценку. Не на «отлично», правда, но и не на «удовлетворительно». Неизвестно, выжил бы вообще в таких условиях другой профсоюз... У нас накопилось много проблем. Законы, которыми мы раньше пользовались, сейчас либо не работают, либо устарели. Так что в области культуры у нас законодательный вакуум. Отсутствуют нормальные законы, направленные на защиту творческого работника, недостаточно прописаны механизмы финансирования. Формируя бюджет, правительство принимает необоснованные расчеты, то же самое касается и уровня оплаты труда. Проблемы есть и с законодательством, направленным на защиту интеллектуальной собственности». Можно привести еще один фрагмент ее выступления в газете: «Из-за недофинансирования культуры практически на протяжении целого поколения образовался невероятный вакуум, и в этом вакууме в геометрической прогрессии размножаются негативные тенденции. В том числе терроризм. Вот в Нальчике, в самой образованной, стабильной в политическом отношении республике Северного Кавказа что-то прорвалось изнутри. Это болезнь всего государства – не только южных республик. Нам сегодня нужно определиться, кто у нас отвечает за политику – государство или монополисты. Чиновники просто забыли о культуре – это очень настораживает».

Успехи Марьяны Даовой на новом для нее поприще не остались незамеченными. Она была награждена Почетными грамотами ФНПР, Совета ассоциации социального туризма и ЦК Российского профсоюза.

По признанию Марьяны Патовны, даром ей ничего не дается. Если и есть успехи, за все это заплачено трудом: ей очень много приходится работать над собой: «Жизнь такая короткая, а я так мало успела сделать,

---

что боюсь потерять даже минуту. Тржусь, не надеясь на случайный успех или неожиданную удачу».

Помимо чисто профсоюзной работы М. Даовой приходится заниматься и другими, не менее важными делами. Вместе с мужем, известным композитором Зауром Жириковым, она организуют благотворительные концерты. Она помогает также талантливым ребятам устроиться в соответствующие учебные заведения, оказывает им материальную поддержку, поощряет победителей различных конкурсов. Сейчас профсоюзный лидер мечтает о создании в республике интернатов для музыкально одаренных ребят, а также хореографического интерната.

Работа в сфере культуры всегда связана с множеством неприятностей – зависть, сплетни, интриги... Избежать их не удастся и М. Даовой. Правда, относится она к ним философски: «Конечно, я не исключение, но счастлива тем, что у меня намного больше друзей, чем недоброжелателей. Есть люди, которые пытаются мне навредить, помешать, но их интриги, сплетни, как правило, оборачиваются для меня хорошей рекламой. А вообще мне некогда реагировать на них, поскольку связала себя с очень ответственной и очень нелегкой работой профсоюзного работника культуры, которая отнимает у меня много времени. А если прибавить сюда и творческий труд, то оказывается так, что у меня нет ни минуты свободного времени. Может быть, это и хорошо».

В общем, живет Марьяна Патовна Даова по своим моральным принципам, в основе которых лежит гуманизм, забота о своем ближнем. И если удастся сделать что-то полезное, она считает, что выполнила какую-то часть своего долга перед теми людьми, которые доверили ей защищать собственные интересы, и получает от этого глубокое удовлетворение.

Людмила ЗАГАШТОКОВА

МЕЦЕНАТ

Держу в руках второй том книги «Золотая книга нации». Объемистая, очень красивая книга словно завораживает, невольно начинаешь листать страницы, знакомясь с удивительными людьми.

Книга содержит информацию о деятельности Международного Фонда «Меценаты столетия», направленной на развитие меценатства и благотворительности в России и за ее пределами. На страницах издания приведены имена всех орденоносцев Фонда со времени его создания в сентябре 2002 года до марта 2006 года. В их числе оказался и наш земляк, уроженец селения Куба Баксанского района Канкулов Леон Мухамедович – генеральный директор ЗАО «Электролуч» города Москвы, ставший кавалером ордена.

Предшественником этого завода был завод «Электросвет» им. П. Н. Яблочкова, основанный в 1889 году, – это старейшее российское предприятие по производству светотехнической продукции. Специалисты завода выполнили весь комплекс работ по проектированию и изготовлению светильников для Свято-Данилова монастыря в резиденции Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго. Новые оригинальные светильники изготовлены и установлены: на Курском, Рижском, Павелецком и Казанском вокзалах; в Новой Олимпийской деревне, в гостиницах города Москвы, в музеях, на станциях Московского метрополитена. Продукция ЗАО «Электролуч» дарит людям свет во многих городах России.

Коллектив Леона Мухамедовича Канкулова оказывает благотворительную помощь, предоставляя продукцию собственного производства

На фото (слева направо): впереди – Канкулов Леон Мухамедович, дочь Людмила, жена Лиза, сын Султан. Сзади – дочь Лена и Лиана

для освещения музеев, лечебных учреждений, детских фондов, институтов, храмов.

С интересом изучив содержание великолепной книги, я вспомнила о Канкулове, который в 1990 году построил на свои деньги мечеть в селении Куба. Может, в книге говорится о нем? Я позвонила моей родственнице Канлоевой Фене, которая много раз рассказывала о великодушии этого человека. Оказалось, что действительно в книге говорится о нем, и я решила познакомиться с ним, в чем Феня с удовольствием согласилась помочь.

Леон Мухамедович оказался тогда в Нальчике, и наше знакомство состоялось без особого труда. Очень простой в общении, Канкулов, располагал и завораживал своей положительной энергетикой. Он с удовольствием рассказывал о своей работе, семье. Показывая давние фотографии своих родителей, братьев и сестры, Леон Мухамедович с искренней любовью рассказывал, вспоминая детство, и в его глазах блестели добрые лучи света:

– Нас было пятеро у родителей, отец работал бригадиром тракторной бригады, а мать всю жизнь была домохозяйкой, за что в шутку всегда ее «упрекал» наш отец, говоря, что у нее нет даже «одного трудового дня». Ее трудовые будни начинались с нас, четырех сыновей и дочери. Родители, хотя в то время это было нелегко, дали всем нам высшее образование.

Окончив среднюю школу с. Куба, Леон поступает в КБГУ на факультет «Промышленное и гражданское строительство». Через год учебы его призывают на военную службу. Достоинно выполнив свой долг в противовоздушных войсках Советской Армии в ГДР, в 1972 году Леон Канкулов продолжает свою учебу уже на вечернем отделении КБГУ. В этом же году он поступает на работу на завод «Стройдеталь» треста Каббалкгражданстрой г. Нальчика лаборантом, через год работы его перевели на должность инженера-нормировщика, потом – мастера, старшего инженера. За шесть лет работы на заводе «Стройдеталь» его не раз награждали за отличную работу денежными премиями, почетными грамотами и дипломами.

В 1978 году он переходит на работу в «Респотребсоюз», на завод ЖБИ треста «Севкавкоопстрой» – главным инженером. Через два года его назначают директором этого же завода. Работая в этой должности, он заканчивает заочно 2000 году Высшую школу по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению.

Двадцать долгих лет он возглавлял завод ЖБИ. Наград за отличную работу в этой должности у Леона Мухамедовича целая папка.

В 2002 году Канкулова приглашают на работу в Москву – коммерческим директором ЗАО «Электролуч». В его обязанности входило руководство финансово-хозяйственной деятельностью предприятия в области материально-технического снабжения, обеспечения своевременного заключения хозяйственных и финансовых договоров и выполнение обязательств по поставкам продукции.

Год блестящей работы – и он становится Генеральным директором ЗАО «Электролуч». Руководя производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельностью предприятия, организовывая взаимодей-

ствие всех структур предприятия, обеспечивая выполнение предприятием всех обязательств, а также хозяйственно-трудовых договоров, он завоевал большое уважение и доверие коллег и высшего руководства.

В 2005 году он поступает в аспирантуру Российского университета кооперации. В том же году его награждают орденом «Меценат» за выдающийся вклад в благотворительность, за величие души, за бескорыстную щедрость. В 2007 году в «Российском университете кооперации» успешно прошла публичная защита диссертации Л. М. Канкулова на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Программно-целевой подход в региональном развитии сельских территорий».

Изучая трудовую деятельность Леона Мухамедовича, я затронула вопрос о том, как строилась мечеть в с. Куба, на что он скромно ответил:

– Это была мечтой всех сельчан и моих родителей, конечно же, я приложил все усилия, чтобы осуществилась их мечта, но немалая заслуга в этом и моих односельчан, моего друга Магомед Сафарбековича Мальсагова, – всем им я очень признателен.

Имея большие перспективы на будущее в Москве, Леон Мухамедович решил вернуться в родную республику. Меня это крайне удивило, и невольно я задала вопрос:

– Что же Вас побудило к такому шагу? Ведь всем известно, что в нашей республике в данное время почти невозможно устроиться на работу?

На что он ответил:

– Да, все это верно. Но мой единственный сын, который окончил в этом году Московскую налоговую академию, не захотел остаться в Москве, хотя там шансы на продвижение выше, чем в Нальчике. Изучив Национальный Проект нашего президента Арсена Башировича Каноква, он твердо решил вернуться и реализовать себя на родине. Это не секрет, и я не хочу лукавить, я решил поддержать решение сына. Думаю, нам удастся реализовать наши планы, принося пользу нашей республике и помогая в реализации Национального Проекта нашего президента.

Леон Мухамедович не только отличный работник и ученый, он и хороший семьянин, любящий отец трех дочерей и сына, которым они с супругой Лизой дали высшее образование.

– Горскому мужчине не подобает говорить об этом, – улыбаясь, продолжает наш разговор Леон Мухамедович, – но у меня надежный тыл во главе с моей супругой Лизой. Она не только отличная мать и домохозяйка, но и надежный друг, который всегда поддержит и иногда подскажет такое, что не каждому мужчине по уму (смеется), пусть меня простят мужчины за эти слова.

Лиза много лет работала в Нальчикской санэпидстанции, а сейчас занимается предпринимательством. Она умело руководит цехом, где производят стройматериалы.

Счастливые супруги прожили вместе тридцать лет, и с этим юбилеем их поздравят многочисленные родственники, друзья, дети и внуки. Мы присоединяемся ко всем поздравлениям и желаем супругам Канкуловым, Лиону и Лизе, крепкого здоровья, успехов во всех начинаниях, и пусть всегда искрится теплом и светом их домашний очаг!

Маленьких ролей не бывает

Не зря говорят, когда человек поставит перед собой цель, то обязательно добьется своего. Так оно и вышло. Очень хотела стать артисткой юная Тамара и стала ей, вопреки воле любимых и любящих родителей, вопреки обстоятельствам. Не хотели отец с матерью отпускать единственную дочь на учебу в Москву. И случилось невероятное, ей улыбнулась фортуна. Ее, выпускницу школы, приняли в труппу Кабардинского госдрамтеатра имени Али Шогенцукова. Правда, был небольшой актерский опыт как у активной участницы художественной самодеятельности: играла в драмкружке, в кукольном театре Нарткалинского Дома пионеров. Даже на телевидении вместе с другими детьми выступала и чувствовала большую ответственность. Как сейчас помнит Т. Балкарова, они играли «Незнайку в стране чудес».

Но Тамаре было поставлено условие – со временем должна поступить в театральный вуз на актерское отделение, на что она и согласилась. Ее творческий путь начался в 1966 году. Тамара играла лирических героинь: Клару – «Как управлять женой» Флетчера, Мелю – «Мораль пани Дульской» Запольской, Зербинету – «Плутни Скопена» Мольера, Адиюх – «Адиюх» З. Аксирова, Заура – «Вина не прощается» Ф. Балкаровой. Любопытно, когда она играла этого парня, после спектакля подошел администратор и сказал, что с ней хотя бы познакомиться две девушки. Когда к ним вышла Тамара, они ничего не поняли, так как хотели увидеть парня. Пришлось объяснять, после чего их удивлению и разочарованию не было предела, настолько убедительным получился образ.

В тот период ей, шестнадцатилетней девочке, повезло поступить к работе, когда на сцене блистали знаменитые кабардинские актеры: Куна Дышекова, Али Тухужев, Тима Жигунов и многие другие. Они опекали ее как родную дочь и делились секретами мастерства. Способная Тамара хватала все на лету. За участиями в спектаклях, за гастролями незаметно пролетело четыре года. Шел набор в Кабардинскую студию на актерское отделение в Театральное училище им. Б. В. Шукина, и Балкарова решила поступать. Как ни парадоксально, ситуация изменилась с точностью наоборот. Теперь в театре стали противиться ее поступлению в вуз, хотя изначально таковым было условие – «оголялся» репертуар. После окончания «Шукинки» Тамара вернулась в родной театр, где проработала три года, играла во всех дипломных спектаклях. Уже в Нальчике ее однокурсник Руслан Фиров поставил пьесу «Святая святых» Друцэ, где актриса сыграла Марию – мудрую, трепетную, ранимую женщину, образ которой для Балкаровой – один из самых любимых. Далее семейные обстоятельства сложились таким образом, что она уехала в Молдавию и одиннадцать лет работала на сцене республиканского Русского драматического театра имени А. П. Чехова в Кишиневе, совмещая это с преподавательской деятельностью в Институте искусств, куда была приглашена.

Но все равно тянуло на родину. Вернувшись в 1989 году, Тамара сыграла первой роль Эльмиры в пьесе «Гартюф» Мольера. Если в юности она была Гулей в пьесе «Женихи да невеста» А. Шортанова, то теперь, по прошествии лет, стала солидной Цоцой. Общий творческий стаж актрисы составляет 34 года, из них 23 – она работает в Кабардинском госдрамтеатре. «Мною сыграно более 70 ролей, из них 43 – на сцене родного театра. Разные эпохи, национальности, характеры, социальное положение – все это безумно интересно, – говорит Тамара Хацуевна. – Тяготее к характерным и острохарактерным ролям. Каждый образ надо искать, нравится его лепить, находить манеры, поведение, пластическое решение. Чем больше фантазируешь, тем интереснее образ. Актеры – жадные до ролей, хочется много играть, проживать жизни персонажей. Часто актеры не спят по ночам. Снится, будто играешь и вдруг забыла текст или получилась неудачная мизансцена. Люблю репетиционный период, когда ищешь образ, игра же в спектакле – это конечный продукт. Бывает, когда в твоей жизни происходит радостное событие, а ты должна играть сцену, полную трагизма. Так, в «Громовом гуле» Лохвицкого мать Сурат теряет единственного сына. Приходит сын кровника и говорит, что отец сказал ему: «Замени ей сына». Этот эпизод доказал – маленьких ролей не бывает. Зрители, смотревшие этот спектакль, глубоко сопереживали, хотя и понимали, что это театр, это условность. На то мы и актеры, чтобы быть убедительными. Берет за живое тема взаимоотношения родителей и детей, затронутая в спектакле по пьесе «Семья Наго» З. Кануковой. Многие зрители благодарят, говорят, во время спектакля вспомнили свою маму, испытывали угрызения совести за то, что недодали тепла, внимания».

Со дня открытия кафедры актерского мастерства в Северо-Кавказском государственном институте Балкарова является ее заведующей, доцентом. На ее счету четыре выпущенных курса – две кабардинские и две русские студии. Сейчас в институте учится под ее началом третий курс кабардинской студии. Бывшие выпускники успешно работают в театрах, на телевидении, в школах Кабардино-Балкарии, Молдавии, Санкт-Петербурга, Москвы, Красноярска...

28 октября в Кабардинском госдрамтеатре им. А. Шогенцукова состоялся бенефис заслуженной артистки Карачаево-Черкесии Тамары Хацуевны Балкаровой, посвященный ее юбилею. Была показана драма «Семья Наго» З. Кануковой, в которой она исполняла роль Наго.

Мечты сбываются

Неожиданный ракурс

Вот уже восемь лет Латмир Хазиевич Пищук работает врачом-дерматовенерологом ГУЗ «Кожно-венерологического диспансера». Двумя годами раньше он стал членом Союза писателей Российской Федерации. Пищук – автор двух поэтических сборников – «Утренняя заря» и «Отметина на сердце». Готовится к выпуску третий, который выйдет в этом году в издательстве «Эль-Фа».

– *Как получилось, что Вы стали врачом и пишете стихи? И то, и другое у Вас получается талантливо.*

– Спасибо. Дело в том, что я всегда мечтал стать врачом и стал им. В осуществлении моего желания немаловажную роль сыграла поддержка Феликса Ахмедовича Хараева, личность которого не нуждается в представлении. Ну а увлечение литературой у меня началось еще в школьные годы. Сам я родом из Верхнего Куркужина. Там я учился в школе № 2, и моей учительницей кабардинского языка и литературы была Любовь Мухамедовна Нанова, привившая мне любовь к родному языку.

Я ходил в созданную ею литературную студию. Под влиянием Любви Мухамедовны, да и у самого было такое желание, начал писать стихи. Не раз их публиковали в детском журнале «Нур» и газете «Адыгэ псалъэ».

– *Думаю, немаловажное значение имеет, что Вы сын сельских интеллигентов: мать – учительница русского языка и литературы, отец – учитель физкультуры...*

– Они поддерживали меня в моем увлечении поэзией. Как-то даже отец привез меня в Нальчик, в редакцию журнала «Нур». Там мы встретились с нашими известными кабардинскими поэтами Хабасом Бештоковым, Петром Кажаровым, Бибердом Журтовым.

До сих пор помню, как поэты разговаривали со мной, давали советы, дарили мне свои книги с автографами. После этой встречи у меня остались очень приятные впечатления.

Позже начал посещать литературную студию «Млечный путь» при газете «Адыгэ псалъэ», которой руководит Сафарби Хахов, она и сейчас существует. В двух секциях – «Проза» и «Поэзия» – пробующие перо люди встречаются с известными поэтами и писателями, читают им свои произведения, прислушиваются к их советам. Также принимал участие в ежегодных семинарах для молодых литераторов, к сожалению, эта традиция в настоящее время утеряна.

– *К какому жанру поэзии Вы тяготеете?*

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Не могу конкретно сказать именно к какому: к гражданской лирике или любовной, думаю, это обращение внутрь себя. По духу мне близки произведения поэтов серебряного века: Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой...

– *Как появляются Ваши стихи?*

– Сначала оттачиваю в своем сознании, потом уже в готовом виде записываю, но некоторые печальные стихи не пишу, потому что они сбываются. Не мною сказано.

– *Знаю, учась на медфаке, Вы параллельно являлись внештатным сотрудником газеты «Адыгэ псалъэ»...*

– ...Верно, я освещал события, происходящие в молодежной среде университета, в учреждениях здравоохранения. В то время главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ» был Борис Бесланович Мазихов, он пригласил меня на должность корреспондента отдела «Здравоохранение и экология». Я согласился, так как мне был установлен гибкий график работы, и я успевал совмещать и учебу, и работу. После окончания университета полностью посвятил себя медицине.

– Почему Ваш выбор пал на дерматовенерологию?

– В годы учебы у нас преподавала профессор Анна Михайловна Чистякова. Ее отношение к избранной профессии, науке, больным впечатляло, да и сама она была обаятельнейшим человеком. Мой выбор – ее прямая заслуга.

– Появились ли новые технологии в этой области медицины?

– В настоящее время существует много различных генетических анализов, позволяющих ставить более точные диагнозы, появились более эффективные лекарства нового поколения. Но очень плохо, что лекарства свободно продаются. Честно говоря, я даже антибиотики запретил бы отпускать без рецептов. В Европе это невозможно, врач делает назначения только после тщательного обследования, и строго по рецепту больной может приобрести медикаменты в аптеке. А у нас что получается? Во многих случаях приходят больные с запущенными патологиями, когда к нашим лекарствам начинает проявляться резистентность, то есть исчезает чувствительность к препаратам.

– Какова основная причина возникновения болезней, с которыми Вы чаще всего имеете дело?

– При опросах больных зачастую убеждаешься: в большинстве случаев проблемы со здоровьем возникают из-за отсутствия половой культуры. Нет должного воспитания в семье, этой жизненно важной теме мало времени уделяет и школа. Когда ребенок становится подростком и начинает проявляться интерес к противоположному полу, у него возникает масса вопросов. Если своевременно он на них не получит ответы, в дальнейшем это может привести к печальным последствиям. Во многом негативную роль играют и те средства массовой информации, которые зачастую выдают распушенность личности за ее свободу.

– Что для Вас ценно?

– Ценю внутреннюю гармонию. Во взаимоотношениях с другими людьми стараюсь быть максимально честным, зла долго не держу.

Следует добавить, что сам Латмир является образцом для подражания. Он – прекрасный семьянин, супруга учится на четвертом курсе КБГУ им. Х. Бербекова, имеет двух очаровательных дочурок.

«Свеча нам дарит таинство общения»

Литературная студия «Свеча» создана в 2002 году с целью педагогической и психологической поддержки литературно одаренных детей и молодежи на базе ЦРТДЮ МОН КБР. Открытию студии предшествовал многолетний опыт проведения ежегодного литературного фестиваля «Пушкинский Лицей» среди учащихся МОУ г. Нальчика. Первыми участниками студии стали лауреаты номинации «Авторское произведение». Руководителем студии, Ф. А. Тазовой, была разработана авторская образовательная программа «Мы рождены для вдохновения», которая основывалась на массовом интересе к проблемам творчества и таланта и позже была дополнена курсом для развития коммуникативных и творческих качеств личности «Стать гением!». Основой всех занятий по данной программе является работа со словом в самых разных аспектах: устная и письменная речь, сочинения малых форм, газетные жанры, словесные игры, элементарное литературоведение и др.

Наряду с учебной в студии существует обширная и разнообразная внеучебная программа деятельности: участие в различных культурно-массовых мероприятиях, встречи с писателями, общение с людьми, чьи профессии неразрывно связаны со словом (журналисты, поэты, переводчики, редакторы, корреспонденты); литературные чтения, веселые капустники, где каждый делает то, что хочет и умеет, демонстрирует таланты (игра на разных музыкальных инструментах, пение, танцы, актерское мастерство и т. п.).

Есть и «фирменные», традиционные мероприятия студии: посвящение в студийцы («Зажги свою свечу!»), презентация деятельности, внутрестудийные конкурсы («Лидер творчества»), рейтинг известности («Звездный час»), литературное шоу («Студиец года»), праздник японской поэзии «Хайкай-но-рэнга», аналитический огонек («Исповедная свеча»), литературные вечера в честь классиков кабардинской и балкарской поэзии, русской и всемирной литературы; творческие встречи с другими молодежными объединениями Центра, города, ведение творческих дневников (летописи студии).

Логическим продолжением работы студии в течение учебного года является выезд коллектива на творческий фестиваль «Я вхожу в мир литературы» в ДООЦ «Смена» (г. Анапа). Это – новая форма для организации содержательного досуга для одаренных детей, награда за достигнутые успехи во Всероссийских конкурсах.

По прошествии времени студия стала творческим островком для пишущей молодежи, местом, куда приходят, чтобы быть услышанными. Здесь не только поддерживаются первые шаги на литературном поприще,

но и осознается, признается право личности быть не похожей на других. Содержание каждого занятия в студии направлено на раскрытие уникальности, неповторимости каждого студийца. А самое важное – здесь каждый внутренне раскрепощается и получает возможность творческого самовыражения и радость общения с единомышленниками.

На сегодняшний день студию посещают 36 одаренных юных литераторов из разных образовательных учреждений города и республики (МОУ СОШ, УЗНПО, ССУЗы, ВУЗы) в возрасте от 14 до 20 лет.

Студийцы уже сами выступают в роли организаторов литературных фестивалей и творческих конкурсов, утверждаются в социуме, приобретают для себя значимые черты характера и опыт, новые впечатления и возможность самосовершенствования.

Пропагандируя детское литературное творчество, студия не ставит исключительной целью подготовку литераторов, она объединяет начинающих поэтов и прозаиков для взаимного духовного обогащения и творческого общения. Подавляющее большинство выпускников студии выбирают профессии гуманитарного направления.

В 2005 году студия была удостоена звания «Образцовый детский коллектив Российской Федерации».

Среди воспитанников студии 16 лауреатов и десятки дипломантов Всероссийских литературных конкурсов; победители и призеры городских, республиканских конкурсов. В 2007 году десять студийцев вместе с руководителем вошли в энциклопедию «Одаренные дети – будущее России». Произведения студийцев трижды попадали в сборники литературного творчества, изданные в г. Москве («Мы выбираем», 2003 г.; «Мир спасенный», 2005 г.; «О самом главном», 2007 г.), и в сборники произведений молодых поэтов и прозаиков, изданные в г. Нальчике («Виноградный дождь», 2005 г.; «Моя стихия – небо», 2008 г.). Творческие работы студийцев также регулярно публикуются в местных СМИ: в журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Нур», «Нюр»; в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Горянка», «Советская молодежь», «Университетская жизнь» и др. (более ста публикаций, включая и статьи о деятельности студии). С 2007 года студия выпускает серию своих сборников произведений «Стихийный мир» (компьютерная верстка).

Иосиф Бродский однажды сказал: «Лучшее в каждом языке – литература. Лучшее в литературе – поэзия. Поэтому хороший поэт является сокровищем нации». Абсолютное число студийцев пробует себя в стихосложении. Не возникает сомнений в том, что со временем многие из них станут хорошими поэтами, к ним придут признание и успех, и в этом немалая заслуга будет принадлежать редакции журнала «ЛКБ», а такими наставниками и собеседниками, как Х. М. Тхазеплов и В. М. Мамишев мы очень дорожим. Недавно по идее редакции организована «Школа мастерства» при редакции журнала, где будут подробно разбираться, редактироваться произведения студийцев.

Так давайте зажжем свет нашей встречи. Свет жизни, свет души, свет поэзии...

Литературная студия «СВЕЧА»

Милана ТЕУНОВА

Родилась в 1994 году, учится в МОУ «Гимназия № 13» в 8 классе. Окончила Детскую школу искусств № 1 по классу «Вокал» с отличием. Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества учащихся, занимается в ансамбле «Нальчанка».

Поэту

Сегодня гость я в Пушкинском Лицее,
А значит, и – как Пушкин – лицеист.
Я становлюсь и выше, и умнее,
И мысль строкой бежит на чистый лист.

Гуляла я по «Розовой поляне»,
Где, рядом с императорским дворцом,
Поэт читал и размышлял с друзьями,
И дружбы вдохновенным был певцом.

По классам шла, где след судьбы лучистой,
Касалась книг, которые читал,
Стояла рядом с «кельей неказистой», –
Так Пушкин свою спальню называл.

Смотрела я оценки в «книге судеб»,
Журналы рукописные: стихи,
Карикатуры, письма... Время судит,
Не так, как «венценосные верхи»...

Я стала ближе творчеству поэта,
Душой богаче и «острей на слух»,
И, словно подарив источник света,
В меня вселился Царскосельский дух.

Иветта ЧУРСИНОВА

Родилась в 1987 году в. Нальчике. В настоящее время – студентка 1 курса магистратуры русского отделения ИФ КБГУ. В студии занимается с 2002 года, пишет стихи с семилетнего возраста. Участница Всероссийских фестивалей «Я вхожу в мир искусств и литературы» (2002, 2005, 2007).

***

Легая, падать надоело –
Все так условно в высоте...
Теперь от оперенья тело
Отвыкло, и мечты не те.

В сугроб поломанные крылья
Я схоронила... Ну так что ж?
Теперь дождем души не вылью,
Меня напрасно не тревожь.

И небо выпало снегами
На позабытый богом сад.
Слабело чувств моих дыханье...
Ты все равно им не был рад.

Пусть не закончены куплеты,
Что петь любила в облаках –
Ведь их герой растаял где-то
В себя не оправдавших снах.

А сад уснул, укрывшись мглою, –
Приют израненной души.
Но сердце верит, что с весною
Вновь кто-то скажет мне: «Дыши»...

***

Доцветает последняя астра
В моем старом пожухшем саду,
И, взирая на все безучастно,
Я к беседке с зонтом подойду.

Надоело окутывать душу
Сладко-матовым розовым сном,
Чтоб идиллию снова нарушил
Крик души в ожиданьи пустом.

Тишина шелестящего ливня
Мне напомнит, что ты не придешь,
А череда дней туманных и длинных
Мне поможет забыть твою ложь.

Чтобы сжали в тиски неизвестность,
Безразличие и немота...
Вырвав снов и иллюзий чудесность,
Защемила в душе пустота.

Мне поможет... Притупит сознание...
Иль душевную боль обострит.
Надоело мне прятать страданье
За обманных иллюзий гранит.

Не хочу больше этого! Хватит!
Не люби, не живи, не страдай!
Пусть сполна тебе время заплатит!
Не надейся, не жди, не мечтай!

Доцветает последняя астра
В облетевшем осеннем саду.
А когда-то цвела она страстно...
В этот сад больше я не приду.

***

Сквозь вселенную шума пробираюсь к тебе.
 Мне знакомо пространство, что мерцает во мгле.
 Через сотни ошибок, через тысячи лет
 До тебя доберется мой далекий привет.

Доберется и нежно постучится в окно.
 Ты услышишь надежду, что таил так давно.
 Но, услышав, не вскрикнешь, вспомнив старую боль.
 Постепенно привыкнешь, век сойдется на ноль.

Но останется время, что дарило мечты,
 Мир становится шире, если чувствуешь ты,
 Если в млечном тумане замечаешь звезду...
 Ключ от счастья – в кармане. Жди. Я скоро приду.

Юлия КРИШТАЛ

Родилась в 1989 году, увлечения: музыка, изобразительное искусство, балльные танцы; занималась в кино-фото-видеостудии «Надежда» при РЦРТТУ; в настоящее время учится в Пятигорском Лингвистическом Университете на факультете журналистики.

Жизнь по e-mail

Еще одно утро... Она встала с постели, чтобы, преодолев порог, снова вступить в серый будничный день. Она еще верила, что за стенами дома ее ждут друзья. А возможно, любовь... Вечная и страстная. Она романтик. Живет мечтами и рыцарскими романами. Ее вдохновляют облака, воодушевляют старинные вещи и рукописи. Эти ветхие частицы прошлого, хранящие столько чувств человеческой души. Именно поэтому она не любит технику и компьютеры, отнимающие последние огоньки близости и душевности.

Она идет по городу и представляет этот мир без машин. Боже! Как ей хорошо. (А розовые очки идут всем!..) Вчера лучшая подруга высмеяла перед малознакомыми людьми ее чувства к парню. А потом отказалась возвращать деньги, которые взяла в долг. Боже! Это же пустяки!!! (Всего лишь двухмесячная зарплата.) Она все равно уверена, что все будет хорошо (и уж точно не о'к – она не приемлет американизации языка).

Заходит в офис. Ее улыбка наполняет помещение солнцем. Но... Она видит «подругу»!.. Улыбаться больше нет желания и сил. И больше нет смысла верить в чудеса. : (¹ Она уходит в свой кабинет. Зажав голову

¹ Этот и подобные символы – смайлики – не нуждаются в расшифровке: компьютерная эстетика принята и понятна пользователям всех возрастов, как и владельцам сотовых телефонов.

руками, молча сидит за столом, на бумаге перед ней расплываются мокрые пятна. Тишина и... всхлип.

Стук в дверь. Это не чудо («Вдруг как в сказке...»). Почта.

Больно. Она начинает нервно перебирать принесенное. Работа, отдых, курорты, знакомства... <?!> Знакомство в Интернете?! А почему бы и нет. Теперь уже понятно, что друзей нет. Хотя... Нет, нет, никаких компьютеров.

Одиночество. Чувствуешь себя осенним листом, который вскоре сорвет холодный ветер. И только мечтаешь о моменте, когда, наконец, коснешься ледяной глади озера и ощутишь радость близости и взаимопонимания.

Вечер. Она идет домой. Вдоль Интернет-салонов. Вдоль компьютерных огней. За стеклами люди влюбленными и зомбированными глазами смотрят на экраны. (Непонятно еще, кто в большей степени машина!)

Она приходит домой и... садится за компьютер (а вы думали, что, если она не любит машины, техники у нее вообще нет? На дворе XXI век!).

Она заходит в чат. Письменные разговоры. Кратко. Без души. Даже не сценарий. А вот какой-то Микки. Смешной! :) Даже очень! :)))

Да!.. Теперь есть зачем спешить домой. И к кому. Точнее, к чему! И мало имеет значения твой характер, увлечения и романтический взгляд на мир. Теперь каждый вечер она пишет письма, отправляя свои чувства по e-mail.

Душа по e-mail. Чтобы снова обмануться. Грустно...

Лично я никогда не понимала, зачем разбивать сердце о микросхемы. Только живое общение дарит радость и удовлетворение в нем. Но... порой мне кажется, что я одна так думаю. Эй!.. Люди! Отзовитесь!!! А что в ответ? «Хай, герл! Как дела? У меня все просто улет! Че, тусонем?! :)». И все. (А может, вам тоже надо написать на мыло, чтоб быть услышанной?! ;)

Ашамаз ШОМАХОВ

Окончил КБИБ по специальности «Программист». Дипломант конкурса молодых поэтов (г. Анапа, 2006); активный участник профильной творческой смены «Я вхожу в мир литературы и искусства» (2006), принимает участие в адыгских Интернет-проектах.

Непризнанный пророк

Глава из поэмы

I

Непризнанный пророк о будущем вешал,
Но слов его была неуловима взвесь.
О чем он говорил, о чем он промолчал?
Слова его несли благословенно весть:

«Катилось колесо под силою слепой,
Катиться так же будет – не пришел конец.
Пять раз встречал рассвет, расскажет день шестой,
О том, что день седьмой нам озарит венец.

Спускается с небес талантливый певец.
Глухому люду он принес благовую весть,
О том, что обманул былых времен мудрец, –
Венец благословенья отменяет месть.
Величественный хан подлил смолу в обед,
Тем самым укрепил позиции тиран.
Наступит день шестой, и женщина придет,
Что заведет тирана в собственный капкан.

Накрыла пелена и затемнила свет
Сегодняшнего дня и предыдущих дней.
Но, сбросив пелену, та женщина поймет,
Что ослепила многих, рассказав о ней.
Разрушит города и сбросит цепь оков,
Стереотипов ложных заметая след.
Объединит людей всех вер и языков,
Построит государство для больших побед.

Пробудет та страна оставшиеся дни.
И Феникс возродится из руин тюрьмы,
Взрастит его толпа, отдаст ему бразды, –
И люди на развилке для выбора судьбы.
Кому зари венец, кто попадет под нож.
Все сделают свой выбор на развилке той», –
Пророк тот говорил. Что – правда, а что ложь?
Вертелось колесо под силою слепой.

II

«Как Шекспир не напишу, –
Молвит тот певец в печали, –
Лучше б хуже не писали,
Я банальность не люблю».
Будет скромн и умен,
Неуверен и невзрачен,
Но поэтом он назначен,
«Воин света» наречен.

Жжет сердца людей певец,
Мудростью и силой слова.
Речь спокойна и сурова,
Говорит он про венец.
Глух и нем народ земли.

– День идет всего лишь пятый.
– Но прошел уж век двадцатый, –
Отвечают дикари.
Открывающий глаза,
Мысль свою вселяет в слово,
Разрушает след былого,
Как источник силы зла.

«Обратите взгляд вперед!
Посмотрите на сегодня!
Вы едите, что угодно,
С вас за это Хан берет».
Он непризнан, как и я,
Но оставил свое слово,
Значит, он вернется снова,
Жизнь великую твоя.

.....
Средь евразийской глубины
Родится в ночь Эванжелина,
Глаза ее подобны льдинам,
Они холодны и сини.
Не будет Эве пяти лет,
Когда отец и мать погибнут.
Судьба тяжелая настигнет
Мессию, женщину побед.

Сидел пророк и размышлял:
«Зачем в пророчестве я снова
Певцом поэта называл?
Ведь так не назову любого,
Но – избранного, одного».
И он призвал тогда виденье.
«То будет в имени его», –
Ответ святого откровенья.

Кира ГОЛИКОВА

Учится в 11-ом классе МОУ «СОШ № 25», занимается в «Клубе юного журналиста» РДТДМ, посещает школу искусств, пишет тексты песен для молодежной рок-группы.

Прожигатель жизни

Зачем ты прожигаешь свою жизнь ? Она сгорит так же быстро, как сигарета, которую ты держишь в руках. Неужели нет ни одной причины, которая способна задержать тебя в этом мире?

Ты куришь, и задумчиво смотришь на меня. Снова вижу печаль в твоих глазах. Почему?!

Почему ты никогда не думаешь о людях, которым так нужен? Знаю, если задам этот вопрос, ты снова ответишь, что тебя никто не любит. А как же я? Ведь я каждый день, каждый час и каждую минуту думаю о тебе. А ты снова и снова делаешь мне больно... Смотрю на шрамы на твоей руке. Такие же шрамы остались в моем сердце. «Как я могла не остановить тебя?» – опять задаю себе этот вопрос.

Я очень люблю тебя. Пойми. Пожалуйста, пойми это. А еще я люблю твои песни. Да, ты пишешь очень красивую музыку. Когда я слышу ее, мое сердце наполняется светлой грустью, а на глаза наворачиваются слезы. Ты очень талантливый. Зачем же ты себя губишь?!

А ты снова не здесь... Все летаешь в облаках. Может, стоит наконец вернуться на землю?

Отчего ты бежишь?! От этой жизни, что так жестока и неприветлива? Но ведь не к одному тебе. Ты снова пытаешься скрыться от нее при помощи алкоголя. Неужели ты до сих пор не понял, что это не выход?

А ведь мы могли быть так счастливы... Но ты не хочешь этого, я вижу. Неужели тебе так нравится быть несчастным? Или ты думаешь, что все это – игра, которую можно остановить в любой момент? Когда-нибудь ты поймешь, что это не так. Но, боюсь, что будет слишком поздно...

Я устала. Ты должен понять это. И простить меня. У меня больше нет сил, понимаешь?! Сегодня я вижу тебя в последний раз. А завтра уеду отсюда, уеду навсегда. Я уеду и заберу нашего ребенка, что дышит у меня под сердцем.

Может быть, когда-нибудь ты и узнаешь о нем...

Сон

Это была всего лишь иллюзия – короткое видение, неясный сон с запутанным сюжетом. Ты просто плывешь по нему, ожидая, что будет дальше. Нелепые события и герои, одним из которых являешься ты. Сей мираж лишен логики, он являет собой парадокс в чистом виде. Здесь нет границ и запретов, добро и зло смешались, сплелись в тесный, запутанный клубок. Происшествия чередуются с невероятной скоростью, и можно ожидать чего угодно.

Эйфория сменяется депрессией, а долгожданное облегчение оборачивается чувством вины...

Но однажды иллюзия исчезает, и вдруг ты оказываешься в отрезвляющей реальности, осознаешь всю глупость, нелепость видения. Ты не находишь оправдания совершенным поступкам, но ведь в мире грез может твориться все что угодно, там нет места рассудку и здравому смыслу. А зачастую только сиюминутные ощущения руководят человеческим разумом.

И однажды ты засыпаешь вновь, чтобы опять погрузиться в сон, самый прекрасный и шокирующий, самый нелепый и целесообразный, самый сладкий и в то же время горький...

Ведь сон этот есть любовь.

Еда

Очередная порция яда в виде тонкой белой сигареты.
Очередная порция лжи через трубку телефона.
Очередная порция помоев через экран телевизора.
Очередная порция хамства в автобусе, магазине, кинотеатре...
Очередная порция чистых улыбок в лицо и грязных разговоров за спиной, – ешь пока дают!

Тебе маловато пустых обещаний?! Пожалуйста, возьми добавки.
Лапша уже давно висит на твоих ушах – ешь скорее!

Ведь в нашем мире общепит всегда прекрасно работает...

Мария ДУРНЕВА

Родилась 18 марта 1988 года. В Харьковской области, Украина. С 2007 года живу в Нальчике. Художник, прозаик, юрист.

*Мое хобби – гулять по снам,
По нитям дорог несбывшегося,
Потакать безумным мечтам,
Чудесам, с крыши свалившимся.*

Снег

*Посвящается В. Мор-Анору и его прабабушке
Минеральные Воды*

Тогда был день первого снега, но никто, кроме очень внимательных американцев и меня, этого не заметил. Говорят, что у эскимосов есть целых триста имен для снега. Потому что среди этого белого колкого или пушистого вещества проходит их жизнь на севере.

Снежинки сегодня падали и падали, и я в своем красном пальто и черной шляпе превращалась в эдакого снеговика. А еще в почтовом ящике не было писем. Я подумала, что Новый год совсем скоро и хорошо бы начать делать для людей новогодние открытки. Определенно хорошо бы.

А снег бывает разным: в Харькове погода провожала нас колкой снежной крошкой, Нальчик поприветствовал настоящим снегопадом и температурой минус один по Цельсию.

Правда, снег под ногами таял, напоминая сначала манную кашу, плавно переходя в светло-коричневый оттенок «Геркулеса», а потом и вовсе походя на подгоревший кулинарный эксперимент. Снег взывал к памяти, и я вспомнила, как летела к тебе в кожаном плаще, по мокрому месиву, в хлюпающих ботинках, джинсы промокли до колен, шляпа рисковала потерять форму, а в рюкзаке лежал завернутый в шарф жесткий диск, и, если честно, мне было не жалко простудить горло.

Потом твоя прабабушка, увидев, в каком беспределно мокром состоянии я была, отругала, заставила надеть шерстяные лосины, а джинсы

мирно сушились на трубе. Ты говорил, что даже это мне идет, а я чувствовала себя совершенно по-идиотски в шерстяных лосинах, в черной мужской рубашке навыпуск и в костюмной жилетке... Хотя я никогда не показываю, насколько мне холодно и плохо, я была благодарна за то, что меня посушили и отогрели.

Ты проводил меня на маршрутку. И шел все тот же снег, правда, уже не так сильно. И я о чем-то благополучно рассказывала и волновалась, и все остальное в таком же духе. Тогда шел снег... он вызывал желание любви и тепла. Твоего тепла.

А сейчас все тот же снег, но... мы все равно не рядом и нам уже не так хорошо, как тогда. Хотя я до сих пор понимаю, что люблю только тебя, и этот снег лишь усугубляет мои сердечные раны.

Этот снег говорит о том, что я так же одинока, как снежинка, умирающая на ветровом стекле автомобиля, безмянно и безвольно стекающая затем по гладкой поверхности. Я – лишь капля на стекле жизни. И я, наверное, буду очень счастлива и несчастна, если вдруг обнаружу в своем почтовом ящике письмо от тебя. А все остальное скроет падающий снег.

Для тебя...

Я бы хотела стать для тебя твоим запасным раем...

Я иногда стараюсь казаться хуже, чем я есть... Это так специально задумано: если ты можешь полюбить «гадкого утенка», то каким же сюрпризом будет обнаружить под невзрачными серыми перьями прекрасного лебедя? И тогда можно смело благодарить судьбу.

Любовь – это средство превратиться в небо для любимого человека, чтобы обнимать его, целовать ветром и говорить: «Я здесь!» – с каждой каплей дождя, упавшей на землю. Я здесь, я рядом, я хочу идти с тобой рука об руку.

Я хочу заново пережить за тебя твою боль и расплакаться, а потом легко смахнуть слезы и навсегда забыть, взять твои ладони в свои и увести на крышу многоэтажки – смотреть на звезды в подзорную трубу, рассказывать о поясе Ориона и Плеядах. А еще сидеть в арт-кафе в таком родном для нас обоих городе, под старую музыку, там, где свечи в толстых стеклянных подсвечниках служат почти единственным источником света, – молча слушая твои истории, взглядом проходить по знакомым черточкам лица, на которые, как ни странно, все никак не наглядеться.

Это будет еще одним молчаливым, но кричащим признанием в моей любви к тебе. Быть рядом, синхронно поругивая «Виндоуз», который выдал еще одну недокументированную ошибку (не исключено, что по моей вине, потому что компьютеры любят гнать, когда я рядом, а еще я часто с ними разговариваю, как с живыми людьми), и совершенно не ревновать тебя к версии под названием «Сервер-2008». И, наверное, обнимать тебя руками, которые, как всегда, испачканы краской. Все равно мне не чужды

все человеческие слабости. Все равно я испорченная девочка, но это не мешает мне так же чувствовать и быть честной в своих чувствах, потому что это единственное, в чем мне тошно лгать. Тогда в твоей жизни могут поселиться такие явления, как игроки в «Меджик», как всегда целый набор анимешников, художников, поэтов, писателей и прочей богемы, и не совсем богемы, потому что таких людей я закручиваю вокруг себя в своем слое мира. А еще будут люди, которые просто нуждаются во мне и почему-то считают, что не смогут без меня, но, с другой стороны, так ни разу и не сказали мне, что они меня хоть немного любят..

«Быть вместе» – не значит – навешивать на себя ненужную тяжесть обязательств, это, первым делом, способ найти свое второе крыло, а юридические и прочие детали оставьте профессионалам, они для того и работают.

Но знать, что у тебя есть твой запасной рай, все равно приятно, всегда есть человек, который где-то пока еще далеко готов ждать тебя несмотря ни на что. Так что знай. Я хочу построить для тебя твой запасной рай.

Екатерина ГАЙКО

Родилась в 1988 году во Владикавказе в семье музыкантов, профессионально занимается музыкой – играет на скрипке, учится в Институте искусств в Нальчике. Литературным творчеством увлекается с детства.

Зверь

Когда в неволе вырос зверь,
Он не пойдёт гулять за дверь:
Там страшно, холодно, и зло.
Ему жить дома повезло.

Хоть в клетке он, хоть взаперти,
Ему свой страх не превзойти.
Инстинкт свой зверский прячет он.
И когти – в мягкий поролон.

Он зверь, он очень страшный зверь,
Но только не пойдёт за дверь.

Комета

По небу летит комета,
Сквозь ночь, белой стрелой.
Как чистая капля света.
С тёмной воюет мглой.

Бежит, за собой оставляя
Лишь свет, тающий след.
И, скорость свою ускоряя,
Глядит сквозь призму лет.

Луна

Висит безмолвная луна
 В тиши, в глуши, в тумане.
 Загадкой вечности полна,
 Секрет весь в белом стане.

Она – как призрачный мираж,
 Являясь к нам средь неба, –
 Как вечный образ, вечный страж,
 Как око бога Феба.

Иссана ХОЖАЕВА

Родилась в 1988 году в Тереке, студентка филологического факультета КБГУ (отделение русского языка и литературы), пишет прозу, стихи, увлекается языковедением.

В сумерках

Глава из повести

Медленными шагами она направлялась домой. Хотя вряд ли можно назвать домом нанятую квартиру, где она прожила лишь несколько месяцев и где ее никто не ждал. Сгущались сумерки, спешили люди, возвращаясь с работы, а она все бродила по улицам, смотрела на вспыхивающие окна, которые манили к себе, притягивали, обещая уют и спокойствие.

В конце концов она вынуждена была вернуться в пустую квартиру, хотя бы для того, чтобы согреться. Снег, который шел уже несколько дней, прекратился, но установился настоящий февральский холод.

Она вошла в комнату и, не включая света, села в кресло. В бледном свечении, падавшем от окна, можно было разглядеть два больших старых кресла, небольшой столик и диван. Рисунок на обоях потерял живость цвета и потемнел, делая комнату еще более сумрачной и неуютной. Вообще все в этой комнате наводило на Марию уныние и тоску. Она долго еще сидела в неподвижности, безучастно глядя в окно. Взгляд ее различал лишь несколько голых деревьев да длинную пустынную улицу.

В ее душе не было холода, не было и тепла, – там была пустота. В глазах теплились отблески того огня, который связывает людей с миром, но это было похоже на искорки в холодной золе. Есть люди, с которыми не хочется расставаться, даже случайная встреча с ними затягивается, и время бежит совершенно незаметно, настолько с ними легко и просто. Когда находишься под влиянием таких людей, как-то не думается о проблемах, заботах, трудностях жизни, просто отдаешься общению, а жизнь между тем полнится яркими красками и безмятежностью. Мария была другой.

От нее веяло тоской, и уже одно ее присутствие наводило на мысли, от которых мы всегда пытаемся убежать, – об одиночестве людских душ, враждебности мира и прочем.

Мария смотрела в окно и плакала тихими слезами. Ей было очень одиноко и грустно. Она вспоминала свою прошлую жизнь: светлый большой дом, все комнаты всегда были ярко освещены, хотя чаще всего они собирались в одной. Счастливый папа, бабушка с дедом, тети и дяди, множество детей, – для них, собственно, и горел свет во всех комнатах; они носились по всему дому, затевали игры, шумные и веселые. Конечно, у каждого в этой семье могли возникнуть и какие-то проблемы, недоумения, но все решалось без особого, как казалось, труда, дружно и азартно. Здесь не было места обидам и недопониманию. Существуют ли подобные семьи в действительности, или по прошествии лет Мария стала идеализировать ее, она и сама уже не знала, но никогда не расставалась с чувством былой сопричастности дружным, счастливым людям, настоящей семье...

Поколение за поколением вырастали в этом доме. Им многое довелось испытать и пережить, но они стремились к счастью, ценили и поддерживали друг друга и, несмотря на жизненные невзгоды, делали все, чтобы в их семье никогда не умолкал звонкий детский смех.

Грусть ее была вызвана воспоминаниями о былых счастливых днях и невозможностью их вернуть. Теперь, здесь, по сравнению с прошлым, все казалось ей пустым и ничтожным. Приехав сюда и поступив на учебу, она сама стала зарабатывать на жизнь, решив, что обременять родных не будет. Все же они настаивали на помощи, и у нее иногда не хватало решимости отказываться от их участия. Новая жизнь, вопреки ожиданиям, как-то не заладилась, все в ней было непонятным, чужим. С каждым днем она все больше чувствовала, что ее жизнь, словно лишена смысла, становится слишком сложной, что все идет не так, как ей бы хотелось. Мария горестно вздохнула: а ведь было время...

Вся ее жизнь изменилась, когда она встретила его. Да что жизнь! Ее и саму невозможно было узнать. Она радовалась каждому дню, каждой минуте, ей казалось, что это и называется счастьем. Они полюбили друг друга мгновенно, без слов и без предисловий. Вместе учились, вместе работали, жили одними интересами и увлечениями. Но ей и в мысли никогда не приходило, что жизнь может так резко перемениться, а неизмеримое счастье сменится отчаянием...

Все начиналось просто и обыденно: их познакомила подруга, и очень скоро они уже не могли жить друг без друга. Мария верила в себя, свои силы, в то, что может достичь в жизни всего желаемого, видела в каждом из окружающих ее людей только хорошее, – так уж устроен взгляд у влюбленных: плохого они не замечают. «А счастье было так возможно», – готова была воскликнуть она вслед за поэтом. Но почему же счастье так изменчиво? Оно, как вода, ни минуты не стоит на месте, течет... и утекает безвозвратно. Снова на ее глаза навернулись слезы... И тут Марии показалось, что кто-то постучал в дверь. Сомневаясь, она все же поднялась и прошла в коридор.

– Можно?..

Мария молча пожала плечами и вернулась в комнату.

Он прошел следом и, не снимая пальто, не спросив, почему нет света, сел в соседнее кресло. Какое-то время сидели молча, Мария смотрела в окно, словно надеясь отыскать взглядом новое в привычном и надоевшем.

– Почему ты молчишь? – спросил он.

Ни слова в ответ.

– Ты, наверное, во всем винишь меня? – снова спросил он глуховатым голосом, в котором слышалась и надежда...

Борис АЛЕКСЕЕВ

Родился в 1993 году в Нальчике, – ученик 9 «А» МОУ «СОШ № 24», лауреат городского литературного фестиваля «Пушкинский лицей». Это его первая публикация.

Слепой

Глава из рассказа

«Синее небо, а по нему бегут обычные серые тучи, типичные для атмосферы Моботрополиса. Еще бы – в таком грязном и пыльном городе даже кислотные дожди случаются. Как хорошо, что я могу от них скрываться... Однотипные серые высотки-многоэтажки, где-то в соседнем квартале работают строители: видимо, строят новый дом. Даже башенный кран подкатили! Интересно, насколько высоким будет новый небоскреб? Бесконечный поток машин, стальных монстров, с большой скоростью рассекающих воздух. Вот какой-то ненормальный на модной спортивной «тачке» пронесся на красный свет, а за ним, поддерживаемые воем сирен, рванули полицейские на своих болидах. Мимо неспешно проходят люди. Вот мужчина в костюме, хозяин магазина за углом, на ходу разговаривает с кем-то по мобильному телефону, вот дама в вечернем платье ведет куда-то своего маленького сына, а вот едет на велосипеде местный почтальон. Засмотревшись на студенток, у которых уже закончились занятия, он чуть не врезался в телефонную будку, резко развернул свой велосипед и нечаянно высыпал из своей сумки все письма. Да, я, конечно, ничего этого не вижу. Не могу видеть. Но что с того? Хм, какой-то парнишка выхватил у дамы сумочку и припустил во весь дух. Эге...»

Парень в сером спортивном костюме во весь дух бежал в проеме между домами, сжимая в руках дамскую сумочку. Неожиданно он споткнулся о пакет с мусором, брошенный чьей-то небрежной рукой рядом с контейнером, и упал навзничь. Послышались медленные стучащие шаги. Тяжело ступая по асфальту и, судя по звуку, опираясь на стальную палку, кто-то приближался к нему. Парнем овладел необъяснимый страх. Он вскочил на ноги и попытался убежать, но не смог сделать и шага,

словно скован чужой волей. Некто продолжал идти, шаги неумолимо приближались.

Сокрушая бетон, размеренно громыкала палка, и эти звуки гулко отдавались в ушах ворюшки. Наконец он не выдержал и, сам не понимая, что говорит, рухнул на колени и закричал:

– Все, не надо, пожалуйста! Я все верну, только пощадите! Я отдам, только не надо больше!

– Дай сюда! – прошептал кто-то прямо над его ухом.

Парень непроизвольно дернулся и разжал руку. Сумочка упала на асфальт.

– Уходи.

Только теперь вор почувствовал былую прыть в ногах и – припустил что было духу!

– Хм... – черная фигура, закутанная в потрепанный, покрытый заплатками плащ, в не менее ветхой широкополой шляпе, с тяжелой стальной тростью в правой руке, наклонилась и подняла с земли сумочку...

Дама, не видевшая этой сцены, никак не могла опомниться от дерзкого ограбления – прямо посреди улицы, средь бела дня, а сын пытался ее успокоить:

– Мама, не волнуйся, сейчас придет Супермен и спасет нас! Он накажет этого вора и возьмет меня с собой полетать над городом.

Конечно, такие слова не очень помогали. Столпившиеся вокруг прохожие предложили позвонить в полицию, но к даме неожиданно подошел некто в плаще, в шляпе и с металлической тростью в руке. Судя по тому, как он шел, ощупывая свой путь тростью, он был слепым.

– Возьмите. По-моему, это ваше, – тихо сказал он и протянул сумочку ошеломленной владелице.

Та приняла свое украденное имущество молча, с изумлением глядя на странного незнакомца, затем, немного опомнившись, спросила:

– Кто вы?..

– Не важно. Прощайте.

Незнакомец достал из кармана черные зеркальные очки, надел их и медленно пошел прочь, – толпа почтительно перед ним расступалась.

– А почему он не взял меня полетать? – огорченно спросил мальчик, взяв маму за руку.

– У него, наверно, очень много дел, – задумчиво ответила она. Мальчишка с пониманием посмотрел вслед ушедшему незнакомцу и тяжело вздохнул.

– Ма, а кто это был? Это – Супермен?

– Нет.

– А он супергерой?

– Нет.

– А почему он тогда нам помог?

– Не знаю, Вова.

– А, он просто добрый?

– Да, наверно.

– А зачем ему палка?

– Он слепой.

Маленький мальчик еще раз с грустью обернулся и увидел на перекрестке того самого незнакомца. Тот сделал движение головой, словно кивая мальчику на прощанье, и исчез.

– Ну, ничего, когда-нибудь у меня будет друг, который умеет летать, – уверенно заявил Вова своей маме...

...Голос... Такой мягкий... Мелодичный... До боли знакомый... Опять этот голос, он все время звучит в голове... Женщина... Иногда ее образ встает перед глазами, но лица не разобрать... Она зовет куда-то, хочет что-то показать... И тут же исчезает... Только эхо несколько секунд повторяет ее слова... Малопонятные, почти неразличимые, в них заключен невероятный смысл... Но воспоминание уходит так же быстро, как и приходит...

Людмила ВЕЛИЧКО

Родилась в 1991 году, ученица II «А» с.ш. № 28 г. Нальчика, – увлекается историей, искусством, журналистикой; обладатель президентского гранта «Поддержка талантливой молодежи»; участвовала в конкурсе юных тележурналистов «Наш мир».

СНЫ

Сегодня будет восемь снов,
И я сбегу под шум оков.
Сначала страшно, дальше – нет,
Лечу, как бабочка на свет.
Опалит крылья огонек –
Полет недолог, но высок.
Лежу недвижно на песке
И пепел крыльев в огоньке...
Один, затерянный в мирах,
По свету носится мой страх,

Но к сердцу нет ему пути,
И я прошу его уйти.
В последний раз, как в первый раз,
Зову всегда, но не сейчас.
Не надо больше этих снов,
Безгрешных белых облаков.
Пусть все уйдет, пусть все уснут,
И только я устрою суд.
Мы все виновны – всех казнить.
Потом проснуться и забыть...

***

Я знаю, где дверь,
Ты знаешь, где ключ,
Не думай, поверь –
Есть свет среди туч.
Я знаю, где цель,
Ты знаешь, где путь.
Не бойся потерь,
Не бойся свернуть.

Я знаю вопрос,
Ты знаешь ответ,
Нас ветер унес, –
Остался ли след?
Я знаю, что да,
Ты знаешь, что нет.
Так будет всегда?
Ты знаешь ответ.

***

И будет сказка – так легко и здорово
Ловить весну среди неясных шорохов,
Искать в сугробах и в вечерних сумерках
И строить счастье – детское, из кубиков.
Рыдать навзрыд на дне рожденья осени,
Ругать деревья – рано листья сбросили,
Потом собрать кленовых звезд коралловых
И к небосводу ночью их прикалывать...

Половинки

Две стихии, два начала,
Я ждала и я скучала,
Я звала, страдала, злилась,
Я почти испепелилась.
Две страны, два континента –
Жду секунды, жду момента.
Только взгляд – и в сердце вспышка,
Через край – ищите крышку.
Семь дорог, пожар в финале,
Мы еще не опоздали.
Километры – просто дымка,
Если ищешь половинку.

Игры с небесами

...Я ведь тоже могу летать,
Только крылья боюсь расправить –
Слишком много пришлось сжигать
Неоконченных книг заглавий.
Слишком много ненужных строк
И сюжет неизменно скучен,
И штампованных фраз поток,
Словно текст наизусть заучен.
Ради этого сердце рвать
Просто жаль: без того в заплатках.
И приходится чуда ждать
И играть с небесами в прятки...

Без хэппи-энда

Снова на перекрестке
Мыслей. Стою в раздумье.
Сказка. Театра подмостки
Сгнили под яви безумьем.
Снова в водовороте
Судеб. Своих и лишних.
Словно на эшафоте –
Просто хотелось выше.
Снова рубцы на теле
Памяти. Снова шрамы.
Слезы. А так хотелось
Больше не ставить драмы.
Стихнут аплодисменты.
Критики вновь осудят.
Горько. Без хэппи-энда.
Жаль, мы не в Голливуде...

Институт орадус

Меня давно привлекает проблема личного начала в устном творчестве. Формула «коллективное творчество» не точна, поскольку за своими пределами оставляет труд джегуако, орадусов (профессиональных народных поэтов-песнетворцев), причитальщиц и авторов песен о себе. Нельзя исключать из фольклора также зачиры на родном языке, сюжетные фантазии так называемых лгунов (в сущности, это сказки). Прогресс в устном творчестве заметнее всего в нарождении и развитии авторского сознания и связанных с ним новациях в сферах тематической, жанровой, структурной, поэтического языка (тропы и фигуры) и стихосложения.

Институты причитальщиц (хьэдагъэпашэ) и джегуако сохраняют традиции древних обрядовых корифеев, следовательно в их устоях зарождаются первичные неявные элементы авторства. Относительно авторского начала в поэзии джегуако известно кое-что (Ш. Ногмов: «Сочинители стихов и песней назывались гекуоками...». Хан-Гирей: «...по смерти славного воина его наследники, родственники или друзья, желая увековечить память покойника, поручали певцам изложить деяния его в песне». Предание сохранило авторство джегуаковского ансамбля Тауко Тлепшука на великую песню «Большое ночное нападение». З. Налоев: «Из истории устного стихотворения»¹).

I

Что касается причитальщиков и причитальщиц (хьэдагъэпашэ), то они изучены мало. Исключение составляет интересная монография М. Мижаева «Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов»², которая опирается на полевой материал, собранный самим автором, и на литературные источники. Это честное исследование ценно не только авторскими выводами, но и уникальностью полевого материала, ибо компетентный информатор по данной проблеме в наше время стал раритетом. «Когда людей постигло горе, заниматься записыванием плачей считается неэтичным, – говорит наш автор. – По тем же мотивам сказители не хотят повторять песни-плачи...»³ А сегодня еще труднее найти осведомленных в этой области. Однако талантливому и подкупающему ученому удалось и найти, и разговорить их: «Нам известны настоящие мастера причитаний», – пишет он там же.

Видимо уже пора объяснить читателю, что представляет собой адыгское оплакивание умершего (хьэдагъэ). Сразу после смерти человека семья и присутствующие начинают громко рыдать, выражая свою скорбь и оповещая соседей. С этого часа начинают собираться соседи, родня, друзья. Горевестники (щхьэкIуэ) извещают односельчан, родственников, товарищей. Женщины оплакивают покойного в его доме, причитальщица исполняет обрядовый плач под определенной плачевой мелодией, которая, по словам М. Мижаева, «состоит из партии запевалы и припева, исполня-

емого хором. Припев – это собственно вопль женщин».⁴ Мы имеем здесь корреляцию структур адыгского хорового пения и оплакивания. Хан-Гирей так описывает обряд своего времени: «...все находящиеся в доме оглашают воздух стенаниями скорби. Женщины бьют себя в грудь и щиплют лицо, мужчины царапают лоб до крови, и синие пятна остаются на долгое время...»⁵ Подобное оплакивание, длившееся 3–7 суток, изжито давно, и покойника оплакивают только женщины, дети и братья; мужчины во главе с муллою отпевают его мусульманскими молитвами на арабском языке, выражают соболезнование традиционными метафорическими формулами на родном языке. Когда тело уносят хоронить, женщины провожают его пением зачиров (молитвенным песнопением).

В прошлом (в XIX в. и раньше) в обряде оплакивания ведущую роль играли профессиональные причитальщицы и плакальщицы, как корифеи ритуала. Их функции не вполне совпадают.

Наставник Кубанской учительской семинарии В. В. Васильков, наблюдавший быт темиргоевцев в самом начале XX в., так описал интересующий нас институт: в обряде оплакивания «...среди мужчин есть тоже особые плакальщики, по большей части юноши, сопровождающие приезжих посетителей; они стараются своими слезами и жалобными причитаниями повлиять на присутствующих, чтобы вызвать с их стороны тоже слезы, и всегда успевают в этом».⁶ Из этого наблюдения мы можем извлечь некоторые его атрибутивные черты: мужчины, даже приезжие, оплакивают умершего; функции хьэдагъэпашэ могут исполнять как юноши, так и старшие; при встрече и сопровождении приезжих, или пришедших, они должны плакать, исполняя обрядовые причитания; при этом стремятся вызвать плач у присутствующих на отпевании. В. В. Васильков не затрагивает вопроса об оплате труда плакальщика. Зато знаток адыгского фольклора и этнографии С. Ш. Аутлева, отмечая, что в прошлом на похоронах певцы (т. е. причитальщицы) «слагали не только новые плачи, но и исполняли ранее сложенные о давно умерших», не забывает и эту деталь: «Труд их оплачивался – они получали лучшую из одежд покойного, иногда даже коня со своей сбруей».⁷ Здесь может показаться, что речь идет о «гонораре» джегуако или орадус, но автор исследует в данной статье именно причитальщиков.

З. П. Кардангушев, большой знаток адыгской культуры, так рассказал информацию о кабардинском причитальщике со слов очевидца Цримова Мисхуда (1895 г. р.) из с. Кенже: «В старину существовали хадагапаша, которые с засунутыми за пояс кончиками черкески и засученными рукавами вертелись на виду во дворе. Хадагапаша с плачем и причитанием встречал пришедших на оплакивание мужчин и [так же] с плачем и причитанием подводил эту ватагу к родичам умершего. Старший ватаги по обычаю выражал роду соболезнование. Потом хадагапаша с плачем и причитанием провожал [эту] ватагу, а другую прибывшую группу также с причитанием вводил [во двор]. Так с плачем и причитанием он оставался во дворе, пока тело не понесут [на погребение]. Последним хадагапашей, которого видел Мисхуд, был Кешев Нагой [КІэші Нэгъуей] из Кенже (потом Кешевы поменяли свою фамилию и стали Готьжевы [Гъуэтыж]).

В прошлом покойника, если он умер ночью, не оставляли дома до утра, даже ночью уносили на [погост] и при свете лампы хоронили».⁸

Информация Зарамука Патуровича по содержанию близка к цитате В. В. Василькова. Совпадают некоторые атрибуты: у темиргоевцев и кабардинцев того периода покойника оплакивали не только женщины, но и мужчины; функции причитальщика могут исполнять как старый, так и молодой; они сопровождают с плачем и причитанием прибывших на обряд, стараясь «вызвать [у них] слезы и успевают в этом». З. П. Кардангушев, как и В. В. Васильков, не мог сказать, оплачивался их труд или нет, но подробно описал, что он был одет в черкеску, кончики которой заправлены за пояс, рукава засучены; пришедшие ватаги с рыданием и причитанием подводил к родичам покойного и оставался во дворе до похорон тела. Но для нас главное то, что хадагапаша причитает, заставляя пришедших скорбеть и рыдать. Следовательно, у него есть поэтический текст, возможно, сакраментальный или почти с традиционными формулами скорби и привычный мелодией.

Наряду с причитальщиком в ритуале оплакивания в старину могла присутствовать и плакальщица профессиональная, которая за определенную мзду или просто по своему желанию или по просьбе родных умершего причитала устоявшийся или подновляемый, а возможно и почти новый текст с известными формулами скорби и печали – зачастую в форме собственной горести, раздувая тем самым общее рыдание.

Наша осведомительница Н. Г. Налоева рассказывает о подобной плакальщице, которую она наблюдала: «В 1975 году весной умерла мать Владимира Сокурова (директора швейной фабрики) Каральхан, урожденная Суйдимова, и шел обряд оплакивания. Большая группа работников фабрики приходит на оплакивание [покойной]. Ведущей в группе была средних лет женщина, которой около 50 лет. Она по происхождению была из нальчикских евреев, но выросла в кабардинской среде [в околотке адыгском] и отлично знала наши обычаи и кабардинский язык. Она, рыдая и причитая, впереди группы входит в дом [Сокуровых]: причитает она в традиционно кабардинском напеве, интонируя фразу за фразой, а ее спутницы своим плачем поддерживают ее причитания, разделяя горесть семьи. Когда причитальщица, войдя в комнату села, среди оплакивающих, она возобновила свое причитание, а присутствующие отвечали ей антифоном [общим воплем]. Так она причитала минут десять-пятнадцать, словно горе семьи переживает и она. Ее плач и сетования были настолько проникновенны, что приносили разрядку, облегчение душевной боли. Прибежавшие на ее причитания женщины тоже в ответ скорбно рыдали. Кабардинский способ причитания стал вроде ее ремеслом, и причитала в этой манере».⁹

Ваш покорный слуга, выросший в кабардинском селении, многократно бывал очевидцем обряда и хорошо помнит, что женщины, приходившие на оплакивание группой, всегда имели хадагапашу, которая начинала свой плач, иногда и причитания, не доходя до ворот. Она и ее спутницы всегда держали около рта чистый белый платочек, чтобы люди не видели как плач искажает губы. Войдя в комнату, где происходит оплакивание, она некоторое время продолжает свое плачевое пение, и если до ее появле-

ния кто-то причитал там, то на время замолкал, чтобы не мешать новой плакальщице.

Следует отметить, что оплакивание с плакальщицей, как заметил М. Мижаев, структурно повторяет архитектуру адыгского хорового пения: запевала интонирует смысловесущие строки или мелодический оборот, хор антифоном отвечает припевом (ежью), но ритуал не допускает присутствия музыкального инструмента (как и магнитофонной записи, фотографирования и съемки).

«В настоящее время профессиональных плакальщиц у адыгов нет, – пишет М. Мижаев. – Есть только ряд лиц, которые, обладая голосом и определенными данными для причитывания, выступают в роли запевалы. <...> По нашим данным, покойника оплакивают (притом в песенно-стихотворной форме) дочь, сестра, двоюродная сестра, племянница, свояченица, подруга, соседка, жена, знакомые, просто односельчане».¹⁰ Однако в древние времена, в эпоху языческую, мать могла оплакивать сына, как в Нартском эпосе Сатаней, причитая, оплакивает нарта Сосруко, предполагая, что он погиб:

Подстрочник:

В кубанское заречье на охоту его посылаю, и он запаздывает,
Я в тревоге на берегу стою.
Землю, на которой стою, по колено продавливаю.
А его фара¹ Тхожий в подземной конюшне скорбит,
А его кольчуга просторная в сундуке пустом ржавеет.
А как он погиб, кто, о горе, расскажет!²

Мы не сможем установить, хотя бы приблизительно, в каком веке создан этот причет, но его принадлежность к эпосу наталкивает на мысль о его древности, видимо, создавался дружинными певцами, сложившими нартские пшинатли (песни); следовательно, он пережил много веков и, пройдя через тысячи сказительских сознаний, претерпел немало текстуральных и мелодических изменений. Древность этого памятника указывает на то, что сам жанр причета значительно старше.

Однако в песенном фольклоре черкесов достаточно следов, свидетельствующих о долгой продуктивности жанра.

В XVII в. в междоусобной борьбе за власть в Кабарде были уничтожены все мужчины в роду Жансоховых. Одна молодая невестка, скрыв свою беременность, тайно родила мальчика и держала его в горах в пещере, однако враги обнаружили малыша и зверски убили его. Мать в причитаниях долго оплакивала его и трагедию Жансоховых. Причет разнесся по Кабарде и превратился в общенародную песню сетования, полную рефлексии и сомнения, сохраняя при этом причетные мотивы и популярность вот уже четвертое столетие.

Текст произведения композиционно построен четко, поэтический язык богат и ярк:

¹ Ф а р а – чистокровная лошадь адыгской породы (по-кабардински – хуарэ).

² Подстрочный перевод заново осуществлен нами.

Подстрочник:

8. Большого корабля я обломок,
На глади моря большого останюсь.
9. Великий князь, нас оберегавший,
Моргая [знак подавать] зачинает.
11. Земля, на которой стоишь, из-под ног уходит,
Батех, где ты спрятан, [тебя] выдает.
12. Жансоховых наследник одинокий,
Куда (о горе) тебя деть?
13. – К Мисостовым в дом тебя несу.
– К Мисостовым в дом ты меня не носи, моя мать:
14. У Мисостовых жены повелители,
А сам род, князья жестокие, говорят.
15. – К Тохтамишевым в дом тебя несу.
– К Тохтамишевым в дом меня не носи, моя мать:
16. Тохтамишевых дом с семью дырами,
Для семи нечистых сил это ходы...

Похоже, этот текст сохраняли талантливые люди.

В начале XIX в. красавицу Химсад, старшую дочь верховного князя Кучука Жанхотова, с согласия самой девушки похитил князь Карачай Талостанов, который вскоре был коварно убит. Оплакивая мужа, княгиня Химсад причитает, встречая горевестницу:

Подстрочник:

Цибилых гуаша¹ красавица,
Из-за кого ты ко мне пришла (рата)?

Если из-за Татархановых ты пришла,
Их сто всадников в стране живут (рата);

Если из-за Талостановых ты пришла (рата),
То он одинокий всадник и навеки спешился (рата).

С самшитовых (гуаша) моих башмаков
Горевестница (о горе) меня спешиться заставила,

Князь-жених (гуаша), что навеки спешился,
В [этот] скорбный день меня сокрушаться заставляет...

Поэтическая структура, содержание, плачевые формулы и напев

¹ Г у а ш а – леди, женщина из аристократического рода.

убеждают, что это отрывок обрядового причета и даже начало его, ставшие впоследствии зачином песни-сетования вдовой леди, проданной немилому ногайскому хану.

«Плач об Адиюх» – великая песня, в которой любящий и любимый причитает над телом любимой, погибшей во время ее умыкания. Ее сюжет – горестный рассказ о том, как она, упав с испуганного коня, разбилась, и психологически углубленное переживание происшедшей трагедии: он в состоянии рефлексии мучительно размышляет о том, что предпринимать с телом любимой:

Подстрочник:

11. На макушку этого дерева я тебя положил [бы], о моя Адиюх, –
Птицы [боюсь] тебя склюют, о моя Адиюх!
12. Под этим деревом я тебя похоронил [бы], о моя Адиюх!
Муравьи [боюсь] тебя съедят, о моя Адиюх!
14. К нам домой я тебя понес [бы], о моя Адиюх, –
Забота о чужом трупе нелегка, о моя Адиюх!
15. К вам домой я тебя вернул [бы], о моя Адиюх, –
Для твоих родителей ты харам¹, о моя Адиюх!
16. В медный гроб я тебя уложил [бы], о моя Адиюх, –
Медного гроба я не имею, о моя Адиюх!
17. Куда, куда я тебя дену, о моя Адиюх?
Куда (о горе) я тебя дену, о моя Адиюх?

В устное творчество адыгов это произведение вошло как образец гыбзового (плачeveго) жанра, не теряя своей причетной основы. По своей поэтике – архитектонике, композиции, сюжету, поэтическому языку – оно совершенство. Как часто бывает в фольклоре, его причетное ядро подвергалось естественной эволюции в сторону песенности, и нынче его поют как песню о любви, плачевый настрой отходит на второй план, как в ряде других плачевых песнях (Ажджерия сын Кучук», «Ходжа Берда сын Магомет», «Жалоба Гуашамахи», «Жалоба Хани Стройной», «Плач Гуашага», «Песня о Хатха Магамате», «Песня Накуры Шаовой», «Жалоба молодого чабана» и др.) О факте соединения причитания и последующей гыбзы интересно рассказывает М. Мижаев: «Сказительница Ф. У. Бекова, оплакивая своего мужа, погибшего в 1945 г. на фронте, причитывала следующим образом, когда вместо ожидаемого письма от мужа ей принесли извещение о его гибели:

Не письмо мне принесли, –
А без трупа [обряд] оплакивания.

¹ Х а р а м (араб.) – запретный, проклятый, отвергнутый.

Позже, когда обряд оплакивания уже закончился, она сочинила гибзу о погибшем муже, в которую вошли ее причитания во время обряда оплакивания».¹¹

М. Мижаеву удалось, вопреки наложенному табу, записать ряд современных причетов, сложенных родственницами покойных. 45-летняя вдова мечтала иметь свой очаг, и выросший сын построил дом, женился, у него родился мальчик. Но счастье вдовы длилось недолго, ее поразил тяжелый недуг и, несмотря на множества лекарств, инъекций, она скончалась. Родная сестра так причитала при ее оплакивании:

Подстрочник:

«Дворик [родной], о горе, я покидаю», – ты говорила,
Ты покинула его, о горе, чтобы уже не увидеть!

«Мое тело все, о горе, изрешечено,
Скорбя, о горе, в землю навсегда ухожу», – ты говорила,
Теперь, о горе, ты навсегда в землю уходишь!

«С моим [внучком] на руках
На обрыве немного мне посидеть бы!» – ты говорила,
Но своим [внучком], о горе, не успела ты насладиться!

Так родная душа горюет о том, что сестра оставляет родной дом, о котором мечтала всю жизнь; что с изрешеченным уколами телом уходит недужная на тот свет; что умирает, не успев насладиться внучком, – эти страдания плакальщица передает в интересно кроеных параллелизмах, выражающих ее скорбь, и сестринскую боль, и сожаления. Однако причет не стал плачевой песней (гибзой) и не прошел художественную эволюцию, которая превратила причитания невестки Жансоховых, жениха Адиух и др. в поэтическое сокровище: его жизнь была короткой, обрядовой.

Такова была судьба и четырех причетов, опубликованных в своде «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (Т. I. № 91–94)¹².

У всех рассмотренных здесь причитаний имеются свои законченные поэтические тексты, структуры, язык и мелодии, они и несут в себе катарсическое облегчение горя, а те, что впоследствии переросли в гибзовые песни, обретают и мемориальные функции. Они зарождались в обрядах и в этом синкретизме составляли один из центров, формирующих ритуал массового оплакивания умершего: в похоронном обряде ритуал оплакивания, в центре которого запевала, интонирующая текст, ей хором отвечают своим воплем присутствующие (обряд + ритуал + запевала + хор).

Академик А. Н. Веселовский, детально исследовавший проблему, писал: «Если бы у нас не было свидетельств о древности хорового начала, мы должны было бы предположить его теоретически: как язык, так и первобытная поэзия сложилась в бессознательном содружестве массы, при содействии многих <...> она дала формы обряду и культу... <...> Переход к художественным его целям, к обособлению поэзии, как искусства, совершался постепенно» (С. 201). И дальше: «Развитие началось, вероятно,

на почве хорового начала. В составе хора запевала обыкновенно зачинал, вел песню, на которую хор отвечал, вторя его словам. При появлении связного текста роль запевалы-корифея должна была усиливаться, участие хора сократиться» (С. 207). И еще как вывод: «...из связи хора выделился его корифей, певец; он – носитель текста, речитатива...» (С. 213).¹³

Такое впечатление, будто знаменитый академик наблюдал развитие адыгской культуры. От этого корифея, певца, выделившегося «из связи хора», пошли профессиональные причитальщики, плакальщицы, джегуако, ажагафы (ряженные в маске козла), орадусы (народные поэты-песнетворцы), пшинао (музыканты-инструменталисты) – создавшие нартские пшинатли, героические песни, гыбзы, жалобные, иносказательные и любовные песни, пляски и плясовые мелодии (кафа, исламей, удж, и др.). Названные институты сохраняют традиции обрядовых корифеев, следовательно, авторское начало зарождается и долго, замедленно складывается в их устоях. Личность причитальщика в его творчестве скована жесткими нормами оплакивания умершего и религиозными предписаниями, поэтому эволюция его искусства почти неуловима. Многофункциональность джегуако также замедляет прогресс его художества, поэтому расчленение этого института по специальностям прогрессивно, ибо способствует творческому развитию.

Знаменитый Ляша Агноко, хотя обладал прекрасным слухом, не владел ни одним музыкальным инструментом, кроме трещотки, но сохранил функции церемониймейстера и песнетворца, в которых он достиг необыкновенных успехов, однако и здесь он, не увлекаясь сочинением песен, сосредоточивается на стихотворной лирике (философской, социальной, смеховой, любовной, благопожелания). На передний план выходит поэт: концентрация творческих сил приближает джегуако к новой художественной культуре.

Другой прославленный джегуако Магомет Хагаудж был отличным певцом и импровизатором, но главную творческую силу он сосредоточил на адыгской гармонике и в исполнительском искусстве достиг феноменальных успехов: «Игра Магомета Хагауджа производила на слушателей необычайное впечатление – она притягивала к себе, заряжала весельем и праздничностью, – пишет Алла Николаевна Соколова, лучший знаток, собиратель и исследователь его творчества. – Однажды, рассказывают, Хагаудж стал играть и, импровизируя, придумал новую мелодию. Во двор, где играл музыкант, потянулись люди, стихийно возник танцевальный круг. К этому моменту подошло время вечерней молитвы, и на другом конце аула муэдзин поднялся на минарет, призывая верующих в мечеть. Услышав игру Хагауджа, глашатай заслушался новой мелодией и невзначай свалился с минарета. С тех пор новый наигрыш Хагауджа люди так и прозвали <...> «Аэзнаджэр кьезгьэфэхьгэр». <...> После намаза мужчины выходили из мечети, «они отчетливо услышали звуки гармоники Хагауджа. Самый смысленный старик, обескураженный своим открытием, громко воскликнул: «Да мы же пели Коран на мелодии Хагауджа!»¹⁴ Какой мощью и очарованием должна была обладать эта мелодия, чтобы верующие, забыв коранический напев, пели суры на мелодии Хагауджа!

А. Н. Соколова так оценивает его: «...в контексте истории музыкальной культуры адыгов М. Хагаудж выполнил роль творца-композитора. Силой и красотой музыкального дара, богатой исполнительской практикой он создал и закрепил особенный гармошечный стиль с конкретными жанро-музыкальными и формообразующими характеристиками... <...> ему было суждено вывести адыгскую музыку на уровень общекавказской и общеевропейской известности».¹⁵

Это и есть творческая реализация авторского сознания.

Еще один блистательный джегуако – Эльмурза Шаожев, выдающийся шичепшинист (шыкIэпшынэ – музыкальный инструмент со струнами из конского хвоста: народная скрипка адыгов). Традиционная шичепшина была двухструнной, для Эльмурзы она оказалась малоголосной, и он добавил третью струну, однако вскоре и трехрегистровая перестала его утешать, и присоединил к ним четвертую: пшина стала четырехрегистровой, т. е. четырехголосной, как европейские скрипки. К сожалению, у нас нет такого музыковеда, как А. Н. Соколова, чтобы заняться изучением творчества Э. Шаожева.

Э. Шаожеву не давал покоя рост авторского сознания: исполнительство тоже творчество, как и всякое созидание.

Примечания

¹ Налоев З. М. Из истории устного стихотворения // «Известия северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки». Ростов на Дону, 1980. № 3. С. 70–74.

² Мижгаев М. И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973.

³ Там же, с. 133.

⁴ Там же, с. 137.

⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 315.

⁶ Васильков В. В. Очерк быта темиргоевцев // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 110.

⁷ Аутлева С. Ш. Из поэтического наследия адыгов (о сагишах и древних причитаниях) // УЗ КЕНИИ. Т. XXIV. Нальчик, 1967. С. 197.

⁸ Оригинал записи хранится в моем домашнем архиве.

⁹ Там же.

¹⁰ Мижгаев М. И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. С. 136.

¹¹ Там же. С. 150.

¹² Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под редакцией Е. В. Гиппиуса. Составители В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев. Т. I. М.: СК, 1980. С. 201–205.

¹³ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Редакция, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. Л., 1940. С. 201, 207, 213.

¹⁴ Соколова А. Н. Магомет Хагаудж и адыгская гармоника. Майкоп, 2000. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 52–55.

Сафарби БЕЙТУГАНОВ,
историк

Книга, рецензия и отзыв

В четвертом номере журнала «Отечественная история» (Москва) за 2008 год опубликована рецензия доктора исторических наук В. В. Трепавлова (Институт российской истории РАН) на монографию: «История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России» (КБИГИ. Нальчик: М. и В. Котляровых, 2007).

Проследим за ходом мысли рецензента: «Поводом для подготовки данного издания послужила юбилейная дата, традиционно отмечаемая в республике, – переговоры между царем Иваном IV и посольством кабардинского князя Темрюка Идарова в 1557 г.». Как видно, столь значительная дата, оказывается, отмечается только в республике, а само событие низведено до уровня «переговоров». Между тем известно, что 400-летие этой даты широко отмечалось в Москве, а не только в республике. И в 1557 г. имели место не только переговоры, которые в политике часто оканчиваются без позитивных последствий, а установление отношений, в которых кровно были заинтересованы обе договаривающиеся стороны. О союзе между Кабардой и Русью того времени говорить не приходится, поскольку он, как правило, подразумевает относительное равенство людских и материальных ресурсов сторон, но что был договор с военным подтекстом – это несомненно.

Далее рецензент справедливо указывает на существенные разночтения в книге. «На протяжении полувека, – пишет он, – это событие интерпретировалось как «добровольное вхождение Кабарды в состав России». Следы такого подхода заметны в рецензируемой книге: именно эта формулировка помещена на суперобложке. Однако и название монографии и, главное, ее содержание показывают, что кабардинские историки все же придерживаются иного взгляда на события середины XVI в.». Тривиально, но приходится констатировать, что заголовок той или иной печатной продукции должен соответствовать ее содержанию. Упомянутая суперобложка и название монографии особо не различаются. Последняя несколько пафосно озаглавлена так: «История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии» (титульный лист). Следы добровольности, от которой авторы уходят в полном соответствии с существующими архивными источниками, прослеживаются в смыслеобразующем слове «содружество».

Можно было озаглавить монографию без громких слов, гармонично не согласуемых с ее содержанием, но режущих просвещенный слух. К примеру, годилась бы следующая редакция: «История единения Кабарды и Балкарии с Россией», а на титуле добавить: «К 450-летию установления отношений». Другой момент. Подзаголовочные понятия *союз* и *единение* переведены как *дружба* (зэныбжьэгъугъэ), что также звучит дифирамбом и не передает их сути. Точнее, она выражена в другом емком слове – зэгухъэныгъэ (зы хъуныгъэ), т. е. единение. Вдумчивый читатель заметит и то, что понятие «450-летие» и «многовековое» – суть одно и то же – тавтология. А так, пока не откроешь книгу на титульном листе, по обложке никак не догадаться, о чем же в ней пойдет речь. Не совсем удачной представляется аналогия русско-кабардинским отношениям XVI в., найденная в Древней Греции

(институт симмахии). Это был боевой союз между примерно равными греческими полисами, который, как устанавливается источниками, заключался либо в целях взаимной обороны, либо для нападения. Контакты с Кабардой нужны были Ивану IV не для обороны, а для продвижения границ Руси на юг и дальнейшего захвата Кавказа после Казани и Астрахани. Симмахии предполагали, что союзники должны были иметь общих врагов и общих друзей. А Русь и Кабарда нередко имели друзьями врагов, и врагами друзей одной из сторон.

Рецензент склоняется к такой трактовке взаимосвязи (симмахии) Кабарды и России «в течение двух последующих столетий», т. е. до второй половины XVIII века включительно. В диссонанс с этим мнением в рецензии утверждается, что «до конца XVIII в. в Кабарде не замечается признаков даже некоего «условного российского подданства». При этом критикуется взгляд авторов об условном подданстве, содержанием которого были союзнические отношения».

В действительности, рецензент прав, поскольку, например, в начале XVIII в. не ощущались непосредственные связи Кабарды и России. Канжальская битва кабардинцев против крымских войск – лучшее тому подтверждение. Это был период, когда Русь, сделавшись при Петре I империей, уже не испытывала былой потребности в слабых союзниках.

Термин «военно-политический союз», ставший главным критерием русско-кабардинских отношений, начиная с постсоветского времени, более всего соответствует реальности. Но и он не совсем точен. Всякий военный союз (симмахия) внутренне содержит в себе политику и, следовательно, можно просто говорить о военном соглашении (союзе). Однако в рассматриваемое время и он дал сбой – лет на двести. Впрочем, такое не раз имело место и раньше и позднее.

По мнению авторов, не случайно акцентированному рецензентом, дальнейшее обострение противоречий между Кабардой и Россией (строительство в 1763 г. крепости Моздок, а затем и Кавказской линии) в монографии объясняется субъективным фактором. Эта «находка», как выше сказано, высвечена в рецензии. В ней отмечено, что к «объективным обстоятельствам кабардинские историки добавляют несколько неожиданный субъективный фактор: для этнической немки Екатерины II с ее нерусским менталитетом «не имела значения память о многовековом русско-кабардинском сотрудничестве».

Остановимся несколько подробнее на этом вопросе. Авторы пишут, что «условия русско-кабардинского военно-политического союза сковывали его (царизма – С. Б.) действия на Кавказе. Здесь конкретно не расшифровывается, какое условие и какой военно-политический союз имеются в виду. Вероятно, потому что таковых просто не было – ни раньше, ни особенно в то время. Кроме того, сказано, что «роковую роль в развязывании войны с Кабардой сыграл, несомненно, нерусский менталитет Екатерины II, для которой всякие напоминания о выдержавшем испытание временем русско-кабардинском боевом содружестве по сути ничего не значили». Известно, возможно не всем, что реальная история далека от морали и справедливости.

Обливаемый сегодня грязью всеми, у кого она есть, вождь мирового пролетариата с основательным знанием предмета писал: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинного русского настроения». Кроме соратников вождя революции, это положение в полной

мере распространяется и на его предшественников, в том числе, естественно, и на русскую императрицу. По своему менталитету она не только соответствовала русскому колониальному духу, но и «пересаливала». Будь на месте Екатерины II другой энергичный представитель дома Романовых, Григорий Потемкин с не меньшим успехом стал бы светлейшим князем Таврическим, а Суворов – графом Рымникским.

В данном контексте нелишне вспомнить историю Английской империи, трон которой никогда не занимал немец или представитель другой нации, не связанный кровнородственными узами с королевским двором. Однако это обстоятельство нисколько не повлияло на завоевательную политику крупнейшей из мировых империй. Россия не была и не могла быть исключением. Разумеется, если бы династия Рюриковичей, кстати сказать, норманнских корней, не пресеклась со смертью царя Федора Иоанновича, Россия шла бы тем же путем, каким шла при Романовых. Именно Иван Грозный, которому в немалой степени содействовала Кабарда при Темрюке Идарове и его потомках, заложил реальные основы имперских амбиций Русского централизованного государства.

Нелишне здесь отметить: Темрюк Идаров был краеугольным камнем русско-кабардино-балкарских отношений, выдержавших испытание временем при всех противоречивых и нередко крайне нежелательных зигзагах. Именно поэтому его именем справедливо названа улица, выходящая к монументу, сооруженному в честь этой поистине исторической для народов Кабардино-Балкарии, и можно сказать, всего региона Северного Кавказа даты.

Непонимание роли этой исторической личности в нашем сегодняшнем дне (или отсутствие желания понимать?) порождает различные толки и слухи о якобы неправомерности переименования улицы Гагарина именем Темрюка Идарова. К тому же имя Гагарина – этой космической личности, престижно сохранено приближением к его земному бытию – аэропорту, который имеет международное, а не только республиканское значение.

Рецензент «находит» и то, чего нет в анализируемой книге. Так, он дважды упоминает о русско-кабардинской войне. Касаясь второго периода русско-кабардинских отношений (1763–1825), характеризовавшегося их крайним обострением и подавлением народно-освободительного движения, В. В. Трепавлов пишет: «В рецензируемой монографии не затушевывается взрыв народного негодования и антироссийского движения в Кабарде в период ее «покорения». Эти события обозначены как русско-кабардинская война». Комментируя этот текст, следует подчеркнуть особо, что истории неизвестно понятие «русско-кабардинская война» и в монографии ничего подобного не «обозначено». Но рецензентом указано другое. Во-первых, освободительное движение кабардинцев названо «антироссийским движением», что, понятно, далеко не одно и то же. Антироссийским движением может быть обозначено движение против России, включая вторжение в ее пределы. Во-вторых, как-то незаметно преподносится неискушенному читателю, что, вообще покорения не было. Это достигается тем, что слово «покорение» ставится в кавычки. К тому же рецензент не высказывает своего отношения к важнейшему вопросу. Зачем тогда браться за такую работу?

Рецензия изобилует вводными словами, другими словесными приемами, что позволяет ее автору в одних случаях акцентировать свое мнение, а в других, по крайней мере, нейтрализовать не соответствующие его пред-

ставлениям положения монографии. Рецензенту не нравится словосочетание «покорение Кабарды» и он оставляет его в кавычках, и от себя пишет: «С подавлением восстания 1825 г. произошло окончательное присоединение Кабарды к России». Присоединение предпочтительнее покорения. Тем самым сводится на нет суть соответствующих глав монографии. О характере восстания читатель, конечно, ничего не узнает. Строго говоря, это восстание – последний всплеск затухавшего пламени освободительной борьбы народа. В сущности, оно уже ничего не решало. Окончательное покорение Кабарды, – имеются в виду непокорные кабардинцы, а их было к этому времени уже мало, – состоялось в 1822 г. Вошла же Кабарда в состав России, как известно, в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому миру. Для пересмотра условий этого мира у Турции, а тем более у Кабарды, сил не было. Это и есть в историческом плане окончательное покорение Кабарды. Следовательно, данный процесс, начавшийся в 1763 г., завершился в 1774 г. – за немногим более 10 лет.

В. В. Трепавлов далее пишет: «История пребывания кабардинцев и балкарцев в составе России... свидетельствует о многократном уменьшении численности адыгского населения Кавказа в результате войн и махаджирства (исхода в Турцию)». Рецензент, вероятно, сознательно обходит стороной два факта. Во-первых, многократное уменьшение численности адыгов имело место и до их исхода в Турцию. Махаджирство лишь усугубило трагедию народа. Во-вторых, войны обыкновенно заканчиваются мирным договором. Кавказская война завершилась не заключением мира, а после почти полного истощения людских и материальных ресурсов одной из воюющих сторон. А пока мир не заключен, войны, согласно международному праву, не считаются исчерпывающе законченными. Точку в этой затянувшейся в сознании потомков войне могло бы поставить официальное признание геноцида адыгов, к которому по существу подводит и рецензент, который, не ставя под сомнение многократное уменьшение численности народа, все же избегает употребления самого термина. Возможно, потому, что он «этнический русский»?

Рецензия обошла вниманием многие вопросы, затронутые в многоплановой монографии, выход в свет которой можно только приветствовать, имея в виду инновационные подходы к ряду сложных вопросов. Есть, разумеется, и темы, требующие более глубокого рассмотрения с привлечением, главным образом, архивных фондов России и зарубежных стран, особенно Османской империи, хотя и хранилища документов Кабардино-Балкарии еще не изучены в достаточной степени.

Вне поля зрения авторов остались труды отдельных выдающихся историков. В частности, С. М. Соловьев встречается только в одном перечне. В. О. Ключевский даже не упоминается в именном указателе. В то же время в нем отмечено немало далеко не обязательных для такого издания имен. Эти и некоторые другие немаловажные исследования историков Северо-Кавказского региона не задействованы, а могли бы внести определенную ясность в те или иные проблемы. Одной из таких принципиально важных проблем являются отношения Кабарды с Крымом и Турцией, которые субъективно преподносятся исключительно в негативном свете. Потому несомненно, что в многовековом противоборстве с Россией за Центральный и Западный Кавказ Турция потерпела поражение, а Крым был ликвидирован, выведен из Большой Истории и включен в состав империи. К числу вопросов, не нашед-

ших в монографии освещения, можно отнести и идею, которая традиционно приписывается мудрецу Жабаги Казанок: «Урысрэ Бахъсэдрэ зымыбгынэр лъэпкъыу къэнэжынщ» (Кто не покинет Россию и Баксан, народом останется). Можно считать установленным, что это выражение принадлежит кабардинским князьям. В родословной кабардинских князей, составленной князем Измаилом Атажукиным и опубликованной нами в книге «Кабарда: история и фамилии» (Нальчик, 2007) отмечено, что Касай Мисостов, «умирая в 1794 г., завещал кабардинцам Россию и Баксан никогда не оставлять». Тот же Измаил Атажукин, по сведениям историка Дзамихова К. Ф., эту фразу, имевшую программное значение для политической ориентации кабардинцев, приписывает двум князьям – Мамбету Атажукину и Касаю Мисостову. Эти разыскания, имеющие важное значение в данном конкретном вопросе, не нашли отражения в книге. Таких примеров, вероятно, немало. Следует заметить и то, что фольклор адыгов приписывает упомянутое выражение не только Жабаги Казанок, но и его предшественнику Лиуану Бжихатлокову. Предпочтение должно быть отдано более достоверному источнику – архивному материалу. Правда, народ в лице своих мудрецов мог высказать такое соображение, но высокомерные кабардинские князья в своих действиях мало считались с мнениями своих ближайших подвластных (тлекотлешей и джиноуго), не говоря уже о мелких узденях и крестьянстве, чтобы озвучить ту или иную мысль их устами. К некоторым упущениям авторов следовало бы отнести и то, что не прослеживается необходимый анализ работ региональных и столичных исследователей.

Другой вопрос. В монографии вкратце затронута история древнеадыгского племени касогов, этническая принадлежность которого не ставится под сомнение. Между тем есть исследователи, которые придерживаются иного мнения, и которому в монографии не нашлось места. В частности, О. О. Сулейменов пишет: «Рода ковуев пришли на Русь необычным путем. По летописной легенде XI века хан Редедя (Ер-деде), правивший народом косога, предложил Мстиславу Храброму вместо боя поединок на условиях: победил – все мое переходит к тебе и войско, и весь народ становится рыцарской добычей. Мстиславу бог помог и он «зарезал» Редедю. И увел косога в Чернигов. Потомки их служили верой и правдой Ярославу Черниговскому, который отпустил часть своей тюркской дружины с Игорем и они полегли до единого на берегах Каялы. Половцы их в плен не брали. Потомки мстиславских косога в XII в. выступают уже под именем – ковуи».

Как видно, О. О. Сулейменов предводителя предков адыгов – касогов (косога) называет ханом, не указывая при этом источник. Так ли это? В адыгской историографии Редедя именуется князем. Где правда? В «Повести временных лет», на которую ссылается автор, нет указаний относительно титула Редеди. Это обстоятельство позволяет называть его ханом или князем, смотря по предпочтению исследователя. По его этимологии Редедя – это Ер-деде, т. е. имя восходит к тюркской ономастике. На этом зыбком основании он считает, что Редедя – хан.

В подтверждение своего мнения исследователь далее пишет: «В языках Алтая сохраняется «о́к» – дом, род. Не случайно, участвуя в составе этнонимов, ок – стрела, стало обозначать – дом, род. К этому семантическому ряду я отношу и отмеченный летописью термин «косок» (косога) – буквально объединенные роды». Это уже название союза родов. Редедя руководил, вероятно, одним из родов косога.

Переселившись в Чернигов, этот род стал называть себя кобуь («много домов») – ослабленная калька «касога». В «Слове» перечисляются «дома» (семьи), входящие в ковуев, – могуты, татраны, шельбиры, ольберы, топчаки, ревуги. С. Малов видел здесь имена батыров – предводителей отрядов ковуев. С некоторыми его этимологиями можно согласиться. Реконструкции «Ер-буга» (ревуга), «Алп-ер» (ольбер) вероятны, ибо подобные имена встречаются в тюркской (в частности, казахской) ономастике, как и Ер-деде (Редедя), Челебир (шельбир)».

Этимологические изыски О. О. Сулемейнова и его суждения в ряде случаев не беспочвенны. Однако им даже не ставится вопрос об этнической принадлежности Редеди, полагая, что он и его род – косоги (касоги) – являются одной из отраслей тюркоязычного мира.

Между тем в фундаментальных исследованиях, в обширном перечне которых здесь нет необходимости и с которыми автор, вероятно, не знаком, давно установлено, что касоги – одни из предков адыгов, а Редедя – касожский князь!

Не вызывает доверия и приписываемое Мстиславу: «И увел косогов в Чернигов». Если под касогами разуметь жену Редеди и его детей, возражений нет, поскольку они обозначены в «Повести временных лет». Можно согласиться и с тем, что за победителем последовало некоторое количество этого племени. Но чтобы сделать вывод о том, что *весь народ* уведен в Чернигов, надо иметь конкретный архивный источник, а такого материала у О. О. Сулейменова нет.

Все изложенное о родах *ковуев* понадобилось исследователю, чтобы показать наличие в «Слове» упоминания еще одной тюркской народности. Однако, по сути, подтвержден ценный факт кабардино-русских отношений – наличие части древнего адыгского племени в походе Игоря, а не только ретроспективная хвала: «Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю пред пълкы касожьским».

450-летие – юбилей не только для одних кабардинцев и балкарцев. Он мог быть отмечен с участием первых должностных лиц государства, что, увы, не было сделано к молчаливой досаде коренных народов республики. Правда, у некоторых исследователей, в том числе кабардинских и балкарских, относительно состоявшегося юбилея есть иное мнение. Разумеется, каждый историк вправе высказать свои соображения по тому или другому событию прошлого, но они должны быть основательно подтверждены архивными источниками – этими последними судьями Истории. А так субъективные трактовки давно и сравнительно недавно минувших дней, подменяя суд истории *судом* над историей, могут внести и активно вносят в сознание несведущего читателя ложное и подчас социально опасное представление об идентичности своего этноса.

В русско-кабардинско-балкарских отношениях на всех этапах их истории были в равной степени заинтересованы и русские, и кабардинцы, и балкарцы. А в наше непростое время они приобретают особую актуальность. Тем не менее неофициальная, но реальная политика и обслуживающие ее исследователи, пример тому рассматриваемая рецензия, склонны трактовать отдельные вопросы истории без того внимания, которого они заслуживают.

Объективный взгляд на прошлое народов не только первостатейное призвание историка, достойного этого имени, но и весомый вклад в развитие российской нации, составляющими которой вместе с русскими являются кабардинцы и балкарцы.

Людмила МАРЕМКУЛОВА

Штрихи к портрету Шемякина (Карданова)

«Настоящий художник вкладывает в картину субъективную творческую силу, всегда превосходящую силу сюжета. Это тот излишек, который есть необходимость для искусства. Степень превосходства субъективной силы художника над субъективной силой сюжета и есть степень таланта художника – усмиряющий кнут гармонии.»

Фазиль Искандер

Мне неизвестно, что является в настоящее время наиболее важным, значимым, востребованным в современном искусстве. Что останется, став знаком эпохи, а что источником этого символа. Такова диалектика развития духовности, которая уготована нам Всевышним. И все превратности Пути развития или неразвития изучаются специалистами-искусствоведами, галеристами и всеми теми, кто занимается историей искусств не одно столетие подряд. В нашей тихой заводи, в мирной Северо-Кавказской республике, наметилась своя, особая тенденция в самоутверждении изобразительного искусства как неотъемлемой составляющей духовного пространства общества. И с этой точки зрения наблюдается заметное «оживление» в разнообразии стилей, сюжетов, а значит – их воплощений. Но... Весь этот спектр воплощений, как капля в море, тонет в том огромном поле искусств, которое давно «вспахано» и «засеяно» художниками западной части Евразии. Еще с эпохи Возрождения, когда традиция – это Титаны, на которых зиждется вся духовность общества, его внутренний мир. Каждый этнос вносит «свой узор в ковер человечества» (Фазиль Искандер), и таким узором адыгов является особая, безупречно регламентированная форма взаимоотношений человека и общества, что и называется – «адыгский этикет». А пока скристаллизованное в творчестве нескольких художников изобразительное искусство адыгов напористо, истоиво бьется в сетях родных пенатов; желая покинуть их, дабы явить миру, особенно западному, ту самую свою свежесть и неповторимость, которую сама не ощущает.

Новая струя или Возвращение.

Приезд на родину предков художника, скульптора, театрального деятеля, человека, который стал знаком современного российского искусства, – это, несомненно, событие, важность которого будет оценена позже, когда пройдет первый шок от увиден-

Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий в парижской мастерской художника. 1975 г. Фото Патрика Бернарда

ного и услышанного. Но этот приезд к подножью великой Горы Счастья («Ошхамахо» – *каб.*), Эльбруса, никогда не видевшего свою историческую родину художника был не менее важен для него самого. И когда в горах он стал узнавать свои краски, пластику, ощущения, когда Михаил Шемякин «погрузился» в те величественные знаки Природы, которые, оказывается, всегда дремали в его подсознании, только изредка будоража его чем-то непонятным и мистическим, тогда возникло ощущение сакральности и неизбежности встречи. Встречи со своим прошлым. Для будущего. Нет необходимости говорить о том, как важно для художника познание, ощущение, чувство близости и сопричастности к тем местам, где когда-то давно жили его предки. И от этой встречи меняется многое. По-другому Михаил Шемякин начинает смотреть на многие проявления своего творчества; теперь он «обременен» историческим и духовным прошлым своего этноса, что, несомненно, оказывает влияние не только на его отношение к родному краю, но и неким, непостижимым образом вносит другие, доселе неизвестные нотки в его творчество.

Вот как рассказывал биографию Михаила Шемякина Сергей Довлатов. «Отец – полковник кавалерии. Мать – актриса. Отец, ревнивый кавказец, берет жену на фронт. Хрупкая служительница Мельпомены участвует в конных атаках и рубится шашкой.

Где-то над обломками Кенигсберга восходит звезда Михаила Шемякина. Затем (отец военный) – немецкая школа в здании бывшего гестапо. С 1957 года – Ленинград. Отвратительная коммуналка. (Отец и мать, по-видимому, развелись). Средняя художественная школа. Увлечение старыми мастерами. Пренебрежение соцреализмом. Группу подростков выгоняют из СХШ. Они работают и учатся самостоятельно. Примерно в эти годы Михаил Шемякин изобретает злополучный «метафизический синтетизм» (стоивший ему двух психбольниц и принесший мировую славу). Шемякин работает такелажником в Эрмитаже. Оформляет книги. Якшается с подозрительными иностранцами (а какой иностранец не подозрителен?!). Дерзит КГБ».

Теперь, по прошествии времени, Михаил Шемякин благодарит того сотрудника КГБ, который предложил ему либо психушку, либо выезд на Запад с пятьюдесятью долларами в кармане. Как говорится, без права возвращения и контактов с Родиной. Шемякин выбрал второе.

«Шемякин вспоминается дерзким и самоуверенным.

– Скоро уеду, – говорит он.

– Вы же не еврей (тогда это было сложно).

– У меня друзья на Западе.

– Влиятельные?

– Помпон обещал содействие.

– Кто это Помпон?

– Помпиду.

Действительно, тогдашний президент Франции, эстет и сноб, любил художника Шемякина» (Сергей Довлатов).

Выбор всегда есть, проблема в том, *как* этот выбор делается. Можно выбрать пройденный кем-то путь, а можно стать самому первым. Михаил

Шемякин ни как художник, ни как человек, не может по своей природе быть вторым. В этом его сложности и его неразгаданный код. Ибо быть первым, это не только трудно, но и неизмеримо интересно. И мистика того, что человек творит сам по божественному ли провидению, либо по глубокому изучению ремесла (эти две противоположности сходятся у особых людей, к коим принадлежит Шемякин), открывает много потаенных стежек и энергий, которые еще никем не узнаны, не увидены и не познаны. Шемякин, приобретя свободу от соцреализма и прочего социалистического антуража, оказался в Париже. Где его ожидали новые сложности, ибо ему нужно было завоевать Запад. С его сложившимся отношением ко всему, что «оттуда». Кто сказал, что сложность жизни художника растворилась в западной свободе, и он теперь может почивать на лаврах?! Отнюдь. «Оседлав метафизическую улитку», Шемякин был уже готов к тому, чтобы «в безумном, ошеломляющем рывке пробить небесный купол...» (Сергей Довлатов). А может это и есть тот рывок, который достоин высоты снежных вершин Эльбруса?! Думаю, это стремление, Богом данное, к неизведанности в постижении мира, в Шемякине – от его предков. И харизматичность и простота, которую трудно вначале понять. И все это вместе говорит о том, что он – **Небожитель**.

Подкупающе честный художник, умный исследователь, и прежде всего своей души, Шемякин, обладая особой чувствительностью, настороженностью, словно по волшебству ясно видит, что ему неизвестно. Проблема в постановке задачи, в том, насколько возможно охватить взглядом все творчество художника: оно состоит из того, что сделано, и из того, что еще предстоит; его – пусть не звучит тривиально, – творческий разбег, что тождественно глубине постижения космической сути человека и природы. Оставаясь человеком своей эпохи, своего времени, Михаил Шемякин вместе с тем волен выбирать те темы, которые требуют именно его воплощения. Что говорит, в свою очередь, о восприятии им «быть художником». Стиль возникает не от лукавого, а от ощущения им своего занятия. И занимаясь не только живописью, скульптурой, графикой, театральными постановками, но и другими формами самореализации, Шемякин остается верным своему особому, шемякинскому восприятию внешних и, что самое главное, внутренних ощущений, а значит своему стилю. Если уж говорить об особенностях этого стиля, то речь пойдет об особенностях мировосприятия и его воспроизведения, о том, насколько ремесло может приблизиться к тому, что называется внутренним миром творца. Как честный ремесленник, Шемякин идет от воплощения одной идеи к другой, от одной вехи к другой; накатываясь с силой морского прибоя, они поражают смелостью замысла и фанатичной последовательностью в их реализации. Все в неизменном движении, творческом ремесленничестве. Можно ли при этом говорить, что сам художник и его персонажи настолько персонифицированы, что говорят только от первого лица? Между Шемякиным-художником и его темами, персонажами остается некое пространство, зазор. Не становясь, как актер на сцене, теми предметами и людьми, которые требуют воплощения, ибо они не трогают его непосредственно прямо, художник не проявляет склонности

ни к симпатии, ни к антипатии. Изображая все – карнавал, натюрморт, скульптурную группу и так далее, – художник проявляет косвенный интерес; только потому, что в этом мире многое бесчеловечно и гнусно, но вместе с тем, на редкость живуче. Много лет Михаил Шемякин трудится над скульптурной группой «Короли и палачи». Именно поэтому в Москве на Болотной площади ведут вечный сказ о пороках людских его фигуры в композиции «Дети – жертвы пороков взрослых». И все в этих фигурах – от постамента до пластики, геометрии – говорит не о ненависти художника либо прочувствованности порока на личном опыте, а о здравом, отстраненном ровно настолько понимании, чтобы выбрать ракурс рассмотрения, воплощения пластического решения. Проблема чувства меры. В том самом ощущении пространства, времени, задачи и пластики, чтобы пересечение всех составляющих здесь и сейчас было уготовано ремеслом Мастера. Так и получается, что господин Шемякин открыл свое, метафизическое пространство, в котором россыпи алхимических химер переплетены с диалектически стройной концепцией; где мифы, страхи, суеверия и легенды архаичны настолько, что являются носителями архетипических составляющих этнического духовного пространства. Вероятно, если мы поставим знак тождества между метафизикой Мастера и прасущностью его этноса, то это будет не только справедливо, но и закономерно.

Интересна «всеядность» Михаила Шемякина в решении разных тем, которые открываются и воплощаются с титаническим трудолюбием и последовательностью, что является признаком безусловной неординарности художника. Поистине уникальна его способность в продумывании и реализации разных по эмоциональному и социальному резонансу тем: от грустного безумства карнавала и социально-психологических язв общества до философски отстраненных и не только изученных, но и Веленьем Божьим прочувствованных законов духа, его феноменологии («Коконь», «Метафизическая гармонияда» и др.). Шемякин стремится объять необъятное. При этом он отчетливо и ясно понимает, что путь к Богу – это Голгофа, которая вселенски бесконечна. Всегда остается зазор между ним, человеком, пусть и предчувствующим и предугадывающим Письмена Бога, и им самим, Всевышним. И, не заискивая перед ним, и не падая ниц, а

находясь в разумном, конструктивном согласии не только с Богом, но и с самим собой, Шемякин напористо, стремительно отдает Природе то, что даровано, чем отмечен. Такое отношение к Богу, функциональное и

Диалог Платона с Сократом.
Автор М. Шемякин. Университет Хофстра, США.

Фото А. Львова

с разумным пиететом, характерно для адыгского менталитета, построения отношений с космическими силами. Именно такое восприятие потустороннего, проявляющееся в конструктивном решении посюсторонних проблем, характерно для древних хеттов и их потомков – адыгов. Речь идет об особенностях архетипического пространства, пластических решениях, колористических особенностях и, наконец, выборе темы и инструментария, способного проявить замысел. Невозможно предположение о том, что в такой связке «Космос – Я – Искусство» возможна некая неискренность для себя и открытость для проникновения сторонних сил. Эта связка фатально предполагает абсолютную веру в истинность того, что делается, и то, что творец абсолютно честен перед всеми элементами. Колдовская интуиция и трудолюбие одинокого муравья, чувство времени и умение рассчитать дыхание в таком изнурительном и бесконечном марафоне, как творчество, – это характерные черты художника Михаила Шемякина.

Существует восточная притча о муравье, который с одним зернышком был замурован на год в сосуде. Это было условием пари. И когда хозяин кувшина ровно через год открыл крышку сосуда, муравьем было съедена только половинка зернышка... Муравей не передоверил никому присчитывания своей судьбы и оказался победителем. Так же и Михаил Шемякин; не передоверяя никому, сам, со своим природным ощущением, он разматывает свой энергетический клубок. Свидетельство тому – один большой проект, сменяющийся другим, не менее значимым в культурной и духовной жизни, теперь уже не только России, но и планеты всей.

Надо сказать, «не все так просто в Датском королевстве», ибо знаковые, времяформирующие творения по плечу тем, у кого проекты зарождаются не в уме, а являются видением ясновидящего Мастера. Ясный и властный труд присутствует в творчестве тогда и только тогда, когда художнику необходима уверенность в избежании тяжких ошибок при создании, изображении новых художественных форм. Создавая руками (искусство, в общем-то, ручной труд!) некие предметы, всю жизнь, борясь с материей, подчиняясь ограничениям, которые она налагает, Шемякин научился постигать великие тайны природы «тактильно», на уровне ощущений рук, глаз. И при этом чувство меры и чувство времени не покидает его ни при выполнении «заказных» работ, ни в философском осмыслении истории и психологии мирового искусства, ни в обычной, как говорится, партикулярной жизни. Трудно предположить в настоящее время другого художника, у которого признание так совпало бы со временем. Одержимого, если вместо «беса» поставить «вдохновение». Настолько преданного материалу и своему ремеслу.

И не как дань времени, а востребованность им, выглядит мечта об использовании кинокамеры как инструмента в постижении поистине великих тайн человеческого «Я»; создание «Метафизической гармониады». Поиски путей, раскрывающих тайну зарождения жизни, заставляет его создавать свои «Коконь» и другие формотворческие проекты, изучать, обдумывать и анализировать искусство древнейших цивилизаций и находить в сегодняшних гаммах и ритмах отголоски зарождающейся Вселенной.

Если говорить о Михаиле Шемякине как о скульпторе, авторе широко известных работ – «Петр Первый», «Казанова», «Дети – жертвы пороков взрослых» и т. д., то новаторство не столь щегольски, даже можно сказать эпатажно, выпирает, чтобы создавать скандальный диссонанс. Внешний диссонанс с эстетическими воззрениями общества. Ибо несхожесть – одиночный фактор – лежит, мягко говоря, в другой сфере, сфере создания своего мифа, своей мистерии, наконец, своего метафизического пространства. Именно тогда идет речь о таинстве творчества, метафизической ворожке, о мистике и реальных героях, погруженных в нее. Вот там-то и начинается безумный карнавал человеческих страхов и страстей... И опять... Врожденное чувство меры, а значит свое, особое отношение к Богу позволяет Мастеру, вернее, ведет его по такому духовному коридору, что важнее говорить о том, что он видит совершенно точно.

На всем протяжении сознательного творчества Михаил Шемякин собирает философскую, искусствоведческую, психологическую литературу, а также все изображения, которые связаны с искусством. Свыше пятидесяти лет он неустанно занимается сбором материалов, касающихся его профессии скульптора, графика, живописца и театрального деятеля. Шемякин считает, что самый тяжелый бич, который мешал развитию российского искусства – это отсутствие образования. И потому создает Институт философии и психологии творчества, задачей которого является возвращение, воспитание новой, интеллектуально подготовленной группы живописцев, скульпторов, работающих в различных направлениях. Ему, как исследователю, интересны все темы. Есть темы мучительно большие и исследуемые сегодня при создании своих произведений; допустим «круг», который художник так и называет «заколдованный». Некоторые темы, которые не актуальны в настоящий момент для Михаила Шемякина, повторяются у древних мастеров и переходят плавно в искусство XIX–XX вв., также систематизируются мастером и «ждут своего часа». Таких «совпадений» и «несовпадений» было достаточно много, и художник принял решение систематизировать все эти материалы. Постепенно количество этих материалов стало таким огромным, что понадобилась отдельная исследовательская работа с привлечением технических помощников, а классификация привела к философскому осмыслению и психологии творческого процесса. Процесс собирания также становится творческой деятельностью, в которой переплетаются настоящее, прошлое и будущее; работа аналитика стала для художника не менее важной, нежели художественное творчество.

Художником создана своеобразная исследовательская лаборатория и само название «Институт» людей иногда вводит в заблуждение, – это не институт в общепринятом смысле этого слова. То, что создано Шемякиным, – это большая творческая, серьезная лаборатория, где будут, конечно, и студенты. Но это те люди, которые будут предрасположены по своему внутреннему складу к исследованиям, анализу и будут отбираться по конкурсу. Они будут не только пользоваться этими материалами в своей работе, но и помогать их собирать.

«Мне нужно было выполнить памятник «Жертвам политических репрессий», который представляет собой два сфинкса – наполовину женщина и наполовину смерд, которые стоят напротив крестов. Я объездил десять магазинов в Нью-Йорке, спрашивая у продавцов то, что сделано до меня по сфинксам; обычно во всех магазинах говорили: «У нас есть секция египетского искусства, наверняка там есть о сфинксах». Я нашел сфинксов во многих книгах, просмотрел, наверное, штук пятьдесят или сто и нашел одного и того же сфинкса. В результате мне пришлось поехать уже по мировым музеям, закупить все, что связано с искусством Египта XVIII в., и таким образом была создана большая серия папок. На сегодняшний день это громадная экспозиция «Сфинкс в изобразительном искусстве», – рассказал Михаил Шемякин. Если взять тему масок, то художник много времени работал над очень интересным вариантом, который называется «шлем-маска». В средневековье были такие шлемы, которые изображали головы животных, львов, драконов, грифонов, и рыцари красовались в них перед своими дульсинеями. Эжен Делакруа когда-то сказал: «Непропорциональность – это основа величественности в живописи и в искусстве». И для Михаила Шемякина важно исторически показывать, что было сделано на данную тему. В этом его отличие от искусствоведов, потому что они занимаются *исследованием* кубизма, тогда как художник *занимается* кубом. Кубизм был, прошел, стал таким маленьким фактором в современном течении, исчез, растворился. Искусствоведы его фиксируют, пишут монографии на эту тему, а художник занимается *исследованием* того, что такое куб, где зародился кубизм, когда художники рисовали и лепили, всё превращая в кубистические формы. Во время работы над новым произведением в памяти художника сознательно, бессознательно всплывают десятки, сотни, возможно тысячи различных работ мастеров или самой природы, которая иногда бывает более фантастичной, чем любое предположение, построение, конструкция. Принцип художника в создании определенной гармонической структуры соблюдается тогда, когда его мало волнует то, что можно создать в пределах определенного схематического, иначе говоря, концептуально построенного изобразительного пространства.

Еще об одной «единице» классификации художника хочется вкратце сказать. Это «Шар в искусстве». Известно, что шар – это символ, по-

средствам которого уже в далеком прошлом люди пытались выразить самые сокровенные тайны мироздания. В древнем Египте шар связывался

**Проект памятника Праведникам
Мира (фрагмент).**

Автор М. Шемякин

с почитанием Солнца, как священного источника жизни. А довольно чуткие к отражению духовного Космоса в природе египтяне усматривали аллегория самой солнечной мистерии в жуках-скарабеях, которые скатывали шары из навоза удивительной красоты и абсолютного совершенства. Завернутый еж, когда защищается, тоже есть шар, весь покрытый колочками. И это пример агрессивного шара. Классификация шаров уводит художника постепенно в такие интересные феномены природы, как поведение ежей и жуков-скарабеев. И он, как зоолог, изучает эти особи, их характеры, поведение, то, как древние мастера их изображали. Созданный природой агрессивный шар «копируется» человеком, и создается булава. «Люди брали шар, втыкали туда металлические прутья типа гвоздей и вешали его на цепь; этими шарами они сражались, проламывая друг другу черепа. Вот вам пример агрессивного шара. В данном случае вот эта форма, из которой вылезают какие-то винты или болты острием вперед, явно несет угрожающее начало. Мозг создал очень много вещей, странных движущихся предметов, способных разрушить мир или человека. И когда видишь это в скульптуре, естественно, понимаешь, что сознательно или подсознательно скульптор создавал именно ощущение агрессивного начала», – рассказывает Михаил Шемякин. Еще один вид шара называет художник – это лучезарный шар, напоминающий фантастический фильм».

Для любого человека размышление о жизни и смерти начинается с довольно юных лет и продолжается до тех пор, пока человек не уходит к своим предкам. Михаилом Шемякиным проведено очень большое исследование по этой вечной теме. Им собран обширнейший материал, в котором отображен образ смерти в гравюре, рисунке, символическом искусстве, автопортретах художников со смертью. Тема смерти присутствует не только в философских размышлениях, но и при разработке такой темы, как «карнавал». В Мексике, в частности, существует такой праздник, который называется «День смерти»; все жители мексиканских городов и селений надевают маски смерти, наряжаются в костюмы, разрисованные скелетами, выдаются конфеты, печенья в виде черепов, пускают по улицам громадные черепа, сделанные из папье-маше, распевают песни. Это как бы день поминовения усопших – большой, веселый праздник. В мексиканской культуре именно так строится отношение человека к потустороннему миру. Для художника всегда представляет интерес не только эта тема, но и то, как она отражается в этнопсихологии, культуре, искусстве. Чем разнообразнее эти размышления о жизни и смерти, тем больше вероятность понимания своего творческого потенциала, его глубина в осмыслении и отображении.

Михаил Шемякин предлагает сегодняшним искусствоведам, художникам, исследователям этот богатейший материал, бесценные папки – новые модели книг, макеты, которыми при помощи современной технологии могут воспользоваться интересующиеся люди в любой точке планеты. Поистине, планетарный масштаб творчества в любой сфере остается таковым!

От редакции

В № 6 нашего журнала за прошлый год была опубликована статья Ильеса Тептеева «Балкарская литература сегодня, проблемы развития, надежды...». В послесловии к статье редакция приглашала заинтересованных читателей и авторов принять участие в разговоре о нынешнем состоянии балкарской литературы. Предлагаем вашему вниманию отклик известной балкарской поэтессы, литературного критика и журналиста С. М. Моттаевой.

Светлана МОТТАЕВА

Балкарская литература после Кайсына

Прошло уже более двадцати лет как не стало Кайсына Кулиева, выдающегося сына балкарского народа, одного из виднейших поэтов-лириков XX столетия. Сегодня, оглядываясь на пройденный национальной литературой путь, можно сделать ряд выводов, вытекающих из реального положения вещей, в котором оказались все культуры некрупных этносов России.

Лишенные государственного протекционизма и поддержки, серьезные трудности испытывают не только представители национальных литератур, но и вся российская литература в целом. Не стало Литфонда СССР, Союз писателей СССР теперь размежеван на несколько творческих союзов, имеющих свои автономные уставы, да и амбиции; литература попала в тиски рынка. Творческие союзы писателей поменяли статус, стали называться общественными организациями, что освободило государство от ответственности перед литературой, ее развитием.

Стихия рынка, дикого и непредсказуемого, у которой жесткие законы, непреодолимой преградой встала на путях развития литературного творчества, а поиск заработка, во имя хлеба насущного, свел и сводит на нет здоровые амбиции писателей, многие из которых сложили, что называется, творческие перья, оказались на грани нищеты и забвения.

Ударом, особенно для национальных литератур, стала коммерциализация издательства, ликвидация «Современника», который выпускал огромными тиражами произведения поэтов и писателей национальных республик. Свернута вследствие этого и переводческая работа.

Догмат партийности литературы, усилившийся после ленинской статьи «Партийная организация и литература» был снят в годы перестройки, а идеология соцреализма была, перефразируя слова Маяковского, неоднократно атакована в штыки. Сегодня на перекрестке века и те, кого в свое время агитпропы предавали анафеме, и те, что творили, пусть и под знаменами партийности, — лучшие из них. Если отделить зерна от плевел, остались в анналах словотворчества, в истории народов, такие, как Кайсын Кулиев.

Так что же балкарская литература после Кайсына? Что приобрела, что потеряла? Может быть, она пребывает в состоянии стагнации, латаргического сна? Ответ здесь, конечно же, не может быть однозначным.

Если взять ряды писателей, точнее членов Союза писателей (теперь РФ), то они выросли. Чтобы сохраниться, не кануть в Лету, в начале 90-х годов Союзом писателей был объявлен чуть ли не массовый призыв. Выездной секретариат СП в Нальчике скопом ангажировал в свои ряды всех, кто написал пару-другую статей или вступительных слов к изданиям, составил книгу того или иного литератора. Исключением не стал и Союз писателей КБР, в то время возвращавшийся, преодолев размежевание на кабардинский и балкарский Союзы, к моноорганизации, каковым он был при Кайсыне Кулиеве, при Алиме Кешокове.

Правда, это мало что дало для развития литературного творчества. Выведенная в арьергард общественной жизни, но продолжающая осуществлять свои функции, творческая организация потеряла немалое число предпочтений да и моральных привилегий, коими она по праву пользовалась во времена эпохи социализма.

При всех вызовах времени Союз писателей КБР продолжает существовать, да и имеет определенные плюсы в своей работе. Проводятся заседания правления, собираются для решения накопившихся вопросов советы по кабардинской, балкарской, русской литературам. Выиграв грант, Союз писателей предпринял издание двух антологий поэзии – кабардинской и балкарской на родных языках¹. Председатель Союза писателей Ахмат Созаев и его заместитель Хачим Кауфов в меру сил и объективных возможностей старались удержать штурвал литературного корабля, и, надо сказать, им не откажешь ни в компетентности, ни в стремлении работать на авторитет творческой организации.

Гарантом выживания любого дела является преемственность поколений, поддержка лучших традиций предшественников, их развитие во времени. Что касается балкарской литературы, эту преемственность, получив завет великого Кязима – основоположника новописьменной балкарской литературы, поколение Кайсына Кулиева с честью отстояло высокое звание писателя. Столь же трепетно относилась к своей миссии плеяда среднего поколения, сделавшая немало, вслед за представителями поэтического крыла, для развития и становления балкарской прозы. Кязим Мечиев, Берт Гуртуев, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Сафар Макитов, Максим Геттуев, Исса Боташев, Танзила Зумакулова, Ибрагим Бабаев, Магомед Мокаев, Салих Гуртуев, Ахмат Созаев. И следующие за ними – это поколение Абдуллаха Бегиева, Аскера Додуева. Мурадина Ольмезова и других. А возвращаясь к прозе, – Омар Этезов, Жанаканит Залиханов, Алим Теппеев, Жагафар Токумаев, Эльдар Гуртуев, Зейтун Толгуров. Их много, и пусть простят меня те, кого я сейчас не называю, но все, упомянутые здесь и оставшиеся за кадром, сделали немало, а если быть точнее – совершили творческий и гражданский подвиг, чтобы сохранить родной язык, а значит, и свой народ.

Но кому сегодня вручено знамя балкарской литературы, ведь даже поколение Аскера Додуева уже разменяло шестой десяток? Кто следующий, кому исполнять долг перед национальной словесностью? Это на сегодняшний день вопрос вопросов, и, если учесть общественный фон, на котором вынуждено рождаться слово писателя, то едва ли мы можем

¹ Указанные антологии увидели свет в 2008 году.

с уверенностью заявить, что он благоприятствует появлению нового поколения молодых творцов, для которых литературное творчество стало бы главным делом жизни. Не раз обласканный литературной критикой и собратьями по перу русскоязычный писатель-балкарец Борис Чипчиков, который, кстати, уже далеко ушел от юношеской поры, при всех достоинствах, один не сделает литературу. А если принять во внимание, что наша основная забота – это сохранение родного языка, – тем более. Нас интересуют, кстати, к этому весьма ревниво относился и Кайсын, те, кто проявит себя на ниве развития балкарского языка, чьи произведения на родном языке станут отзвуком лучших голосов запевал национального словотворчества. В ряду интересных, не только на мой взгляд, явлений, дающих сегодня надежду на возрождение нашей литературы, поддержания интереса к ней, я бы назвала поэта Мухтара Табакоева, моего верхнебалкарского собрата по перу, опубликовавшего несколько ярких в художественном отношении поэтических сборников. В его стихах, которые ну никак не назовешь «кудреватыми мудрейками», уже дистанцированных от лубочных картинок со славословиями, адресованными сельской чернобровой красавице и ее парню, которого она клянется ждать вечно, и велеречивой риторики, аккомпанирующей будням великих строек. Появилось и радует нас философское осмысление бытия, причем оно заключено в канву национального духа, народной колористики, народных мировоззренческих моделей.

Так кто же они – молодые писатели?

Литература не приемлет возрастного ценза, однако писательское сообщество, как испокон веку водится, имеет обыкновение пополнять свои ряды молодыми, подающими надежду собратьями по перу. Это закон. Может ли сегодня балкарская литература похвастаться непреложностью исполнения этого закона? Думается, нет. И по ряду причин. Во-первых, она идеологически, социально – и как угодно еще – является лишь номинально составной частью многонациональной российской литературы. И в этом ключе претерпевает все трудности переходного периода. Правда, где его конечный (вождеденный) этап, никто не знает. Но, если обозреть, что стало с некогда пусть и направляемым процессом развития литературы, то налицо ее не то чтобы абсолютная невостребованность, но визуально обозначена девальвация интереса к ней. Если раньше за гонорар, полученный за поэтический сборник объемом до шести печатных листов, автор мог купить (вернее – «достать») отечественные «Жигули», то сегодня это давно прошедшее время. Материальное вознаграждение, да еще с санкцией издательства «выкупить часть или весь тираж, и распродать (а можно хоть и сжечь) самому», – эти условия едва ли будут способствовать росту литературных рядов и развитию литературы.

Во-вторых, у писателей, работающих на родных языках, мало, а то и вовсе нет шансов влиться в общелитературный процесс, получить известность, а то и удостоиться любого рода поощрений федерального уровня. Проблема перевода на русский язык произведений, создаваемых националами, стоит весьма остро и является предметом особой заботы как самих авторов книг, так и СП республики. Поколение next, похоже, предпочитает более прибыльное вложение сил и таланта, ибо время такое – оно милостиво к прагматикам и не слишком жалуется «голых» романтиков,

которые сделали бы своей профессией литературное творчество. Один из талантливых, интересно заявивших о себе поэтов-балкарцев Артур Баккуев, уж не ведаю, где именно, но, чтобы прокормить семью, трудится на производстве. Вижу, какие у молодого мужчины натруженные руки, но его первый поэтический сборник «Очарованность горами» говорит о том, что перед нами стихотворец, образно выражаясь, со своей посадкой в седле, недаром же, вместе с молодой кабардинской поэтессой Зариной Кануковой, он удостоивался стипендии Фонда Филатова. Мне доводилось писать о его своеобразном художественном видении бытия, о ярком, философски окрашенном почерке, о гражданском кредо молодого поэта, где любовь к малой и, не скроем, многострадальной, родине переполняет его сердце поэта, живительным светом струится в стихах.

Год назад по ходатайству Союза писателей республики и предваренное теплым вступительным словом председателя творческой организации А. Созаева вышел коллективный сборник «Виноградный дождь», ставший высокой заявкой начинающих литераторов, которые, хочется надеяться, обнародовали свои первые произведения не случайно, и сочинением стихов занялись не скуки ради. И еще хотелось бы верить, что те же молодые участники «Виноградного дождя» – а это Артур Баккуев, Зайнаф Занукова, Саният Жансуева, Расул Мусукаев, Мадина Ногерова, Эльдар Созаев – постараются, чтобы времен связующая нить не прервалась. Символичным выглядит в контексте моих рассуждений признание Андрея Рудалева, одного из молодых русских литераторов, пишущего о проблемах новой волны российской литературы. По всему видно, что для своих литературных упражнений он выкраивает время от основного дела, как и Артур Баккуев. «...Выкроить время (так и пишет – С.М.) можно только вечером, каждый раз усилием воли подвижнически отстраняясь от внешнего мира и т. д.».

Не скроем, отсюда молодые литераторы зачастую малопрофессиональны, их мироощущение – скорее концентрация душевных сил вокруг своего «эго», не выходящего за пределы личного опыта, из которого они сооружают нечто вроде воздушного замка, над зыбкими стенами которого едва ли взойдет звезда пленительного счастья. Мелкотемье, попытка мнимое выдать за подлинное, да и вообще изображать «ничто», – это нередко обнаруживается в писательских опусах молодых.

Лет пять тому назад неплохо начала выступать в жанре прозы Айшат Тетуева; еще в бытность работы в издательстве «Эльбрус» мне довелось издать ее рассказы в книге «Я встречаю рассвет».

Или Алан Глашев. Он молод, хотя успел получить филологическое образование, окончил и Высшие литературные курсы в Москве. Интересный прозаик, с первой же книги «Что у вас в Кашхачае?», обратившей на себя внимание, которое не ослабело после выхода следующего сборника – «Гости из будущего». В дни, когда пишется эта статья, вышла из печати в издательстве «Эльбрус» новая книга этого автора – «Вишни любви», по мнению редактора издания, не разочаровавшая его.

Пусть не столь часто, как хотелось бы, но своим творчеством Люба Ахматова, кстати уже принятая в Союз писателей России, первой же книгой «Белые камни» снискала симпатию читателей и одобрение критики. Ее публикации в периодике подтверждают: ряды поэтов пополнились тонким лириком, с негромким, но проникновенным голосом.

Авторы, которых мы назвали, по возрасту уже приближается к сорока. Но где же более юная поросль балкарской литературы, где наши, если не Пушкины, что само собой разумеется, которые рождаются, может быть, в несколько столетий раз, где же поэты и писатели до тридцати, кому дано продолжить дело поколений, отдавших себя всецело развитию балкарского словотворчества? Их ищут, продолжают надеяться, но, надо признать, этот поиск пока дает скудные, редкие плоды.

Но мы хорошо знаем, что лес состоит из деревьев, есть на эту тему известный поэтический тезис Кязима, заключающий в себе непреложную житейскую истину. Эта истина, применительно к современному положению дел в балкарской литературе, как ни прискорбно, внятно обозначена. Сегодня в балкарской словесности не нащупывается поколение, тем более – плеяда. Родная литература после Кайсына претерпевает (продолжает претерпевать) некую несостоятельность репродукции, восполнения самой себя, особенно в количественном аспекте. Сегодня нет резервистов, образуемых стремлением выразить себя в родном слове, а значит, под угрозу ставится сама категория литературы. Рассуждения дальше предсказуемы. Молодежь неохотно идет в писатели. Почему? Потому что это – малопrestижное занятие, малоприбыльная отрасль деятельности. Фигура литератора затянута пеленой если не окончательного забвения, то снисходительного к ней отношения. Зло коренится в тех переменах, которые явились некими сюрпризными факторами, заставившими многих литераторов остановиться и оглянуться, и задаться вопросами «зачем?», «для чего?».

Возвращаясь к «лесной» лексике, хочется вспомнить, что есть и следующая идиома – за деревьями леса не видать, то есть глобальной идеи, применительно к литературе, гражданскому долгу, которым должно зажигаться общество, обязанное любить писателя, ибо исчезновение его с арены этого самого общества, чревато и для него немалыми бедами. Народ, не имеющий литературы – главного апологета его мыслей и чаяний, базисную составляющую его прописанности на карте этносов, обречен.

Причина невостребованности литератора, писателя, и в особенности литераторов – представителей национальных литератур, коренится и в ограниченности творческого пространства, которое не способствует созданию имени, ибо миновали времена Кайсына Кулиева, когда была поставлена на поток (в хорошем смысле) переводческая деятельность, о чем я писала выше. Выходы на плацдарм большой (российской) литературы для национальных литераторов заказаны. Не скроем, здесь немаловажен экономический, финансовый аспект. Но дело локального писательского сообщества все же настойчиво резервировать в свои ряды людей (особенно молодых), для которых главным может явиться сам процесс творчества, создания произведений. Может быть, в этом кроется суть, – разве мало примеров, когда приверженность (душевная потребность) подвигала людей писать картины, создавать шедевры керамики и иных ремесел, сочинять стихи. Примеров тому тьма. Только нужно искать людей, увлеченных творчеством, искать активно, так, как сказано, если не ошибаюсь, К. Паустовским, – «неустанно ищу жемчуга». Время способно расставить все по местам, и интерес к литературному труду, занятость им, могут еще вернуться. Может быть, это время не за горами.

Мусаби ШХАНУКОВ

Язык, словесность, литература – хранители исторического прошлого, культурно-национального духа народа

*О родной язык,
О красивый язык,
Отца и матери язык!*

Г. Тукай

Родной язык святыня всех святынь.

Ижь-ижьыж лъандэрэ адыгэхэм бзэр фЫуэ щЭным пщЭшхуэ ху-ашцурэ кьокI уэКI. «Жьэр цхьэм и лЫкIуэщ», – жаIэрт ди адэжьхэм, цыхум акьылуи хьэл-щэнуи бгьэдэлыр абы и псэлъэкIэм кьыуигьашцэу зэрщытым папщIэ.

Умение говорить умно и красиво считается одним из главных качеств человека. Осуждаются неумение выражать свои мысли нужными словами, многословие: «Умный немногословен», т. к. умеет выражать свои мысли кратко, четко, лаконично.

Мысль народа сводится к тому, что если хочешь быть умным, то надо разумно говорить: «Гупсыси псалъэ, зыплыхьы тЫс» – (Подумавши – говори, оглядевшись – садись.), «Губзыгьэр акьылкIэ мэпIашцIэ, мыгубзыгьэр бзэгукIэ» – (Умный торопится разумом, а неумный – языком.).

Красноречие высоко ценилось и ценится среди адыгов. Можно в связи с этим сослаться на высказывание путешественника-ученого Дж. Логворта: «Есть три качества, которые в этих краях (адыгских) дают человеку право на известность: храбрость, красноречие и гостеприимство, или острый меч, сладкий язык и сорок столов». Сочетание этих качеств служило, кроме того, показателем ума, мудрости. «Человек, отличающийся храбростью, знанием обычаев и красноречием, – пишет К. Ф. Сталь, – назывался у черкесов «лЫ губзыгьэ», т. е. мужчина умный».

Кабардинцы, как и другие, так высоко ценили ум, что его считали главным богатством человека. Согласно притче, когда одного спросили: «Дать тебе ум или богатство?», он ответил: «Дай ум, а богатство я сам найду».

Красноречие вырабатывалось, оттачивалось в постоянных упражнениях, для этого использовалось народное творчество различных жанров: скороговорки, загадки, пословицы, поговорки, колыбельные и другие детские песни. Дети изучали их под руководством старших, чтобы затем опробовать в общении между собой. Многие из куплетов имели воспитательное значение, способствовали познанию, освоению правил адыгского этикета. Среди произведений этого типа особенно популярны были куплеты под названием «Псалъэ пэж» (Слова верные), бытующие и по сей день в различных вариантах:

*ХьэщӀгӀр ырагъэблагъэ,
Еблагъэм сэлам ырат,
Ятам хущӀемыгъуэж.*

*Гъунэгъур благъэм нэхъапэ,
Нэхъыжъыр блэкӀым хуотэдж,
Жыджэрым жьыуэ зеужь,
Зи ужь ымыкӀыр мэкӀуатэ,
Хьэтыр зымыщӀгӀр цӀогъуэж.*

*Гостя приглашают (в дом),
Пришедшего в гости приветствуют,
О дареном не жалеют,
Сосед важнее родственника.
Проходит старший – в его честь встают,
Расторопный (человек) рано поднимается.
Дело, которым упорно занимаешься,
продвигается,
Услуг (людям) не оказывающей (об этом)
пожалеет.*

В юности ораторские умения и навыки совершенствовались на вечеринках, устраиваемых в доме кого-либо из девушек или парней. В этих условиях часто пользовались языками, известными под названием щӀагъыбзэ (букв. – подъязык), хьуэрыбзэ (полемический язык).

Большую роль в общественной жизни кабардинцев и балкарцев играли народные певцы (джэгугӀуэ, халкъ жырчы).

Народные певцы были песнотворцами и создателями многих здравиц и тостов. Они несомненно были незаурядными личностями, передавали через свои произведения важные исторические события, прославляли своих выдающихся современников, высмеивали пороки людей и их недостойные поступки. Один джегуако так оценивал свою деятельность: «Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника своего народа; вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник; я – противник всего бесчестного, нехорошего».

В целом джегуако играли огромную роль в воспитании героизма, мужества и патриотизма, смелого, честного, порядочного человека, в борьбе с недостатками и пороками общества, отдельных личностей. Их песни и сказания вносили большой вклад в воспитание подрастающего поколения, в украшение и распространение лучших обычаев и традиций.

Величественным памятником культуры адыгов является нартский эпос. Он дает возможность проследить историю нашего народа от первобытнообщинного строя до развития феодальных отношений. В нартском эпосе представлена во всем многообразии традиционная культура народа. В нем четко показано, как она модернизировалась с учетом изменений социально-экономических и политических условий жизни. Народ создавал свой героический эпос, воплощая свою жизнь, свой характер и духовный склад в монументальных эпических образах, и этим внес свой неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Основное ядро мотивов адыгского нартского эпоса составляют чудесное рождение, богатырское детство героя, богатырское сватовство, инициальное испытание, добывание благ и другие. При всем разнообразии содержания нартского эпоса одно из его центральных мест занимает тема беззаветной любви к Родине, бесстрашие и отвага героев в ее защите.

Нарты повторяли часто: «Для чего вечная жизнь, когда бесславна? Лучше смерть и вечная слава». Именно в этом духе воспитывались молодые люди в Стране Нартов:

*Шли на Хасе Нартов речи
 О геройской сече грозной,
 О путях непроходимых,
 О конях неутомимых,
 О набегах знаменитых,
 О джигитах непокорных,
 О могучих смелых людях,
 Что на подвиг величавый
 Песню славы заслужили.*

Так, на примере грозных и неустрашимых, воспитывались подрастающие поколения нартов.

Нартский эпос является замечательным памятником устно-поэтического творчества (фольклора) адыгов. До возникновения письменности устно-поэтическое творчество для адыгов было единственной возможностью выразить свое отношение к явлениям и событиям действительности.

Нартские сказания у адыгов сохранились в поэтической и прозаической формах. Сюжеты эпоса адыгов группируются в циклы. Исторические нартские сказания отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии и переход к классовому обществу, они имеют элементы и феодальных отношений.

В нартском эпосе всегда происходит борьба между злом и добром, где всегда добро побеждает. Таким образом, эпос «Нартхэр» – неиссякаемый источник духовной культуры адыгских народов, их многовековая память.

Адыгский (черкесский) нартский эпос является не только замечательным памятником духовной культуры народа, но он также является живым свидетельством взаимовлияния культур народов, их взаимопроникновения, взаимообогащения, в том числе древних греков и адыгов (черкесов), которые установили тесные экономические, политические и культурные контакты еще с тех пор, когда греки начали появляться в Причерноморье (в первом тысячелетии до нашей эры).

Знание своего языка – это признак культуры и цивилизации. Но как обстоит дело с кабардинским (адыгским) языком сегодня? Раз кабардинский и балкарский языки признаны государственными языками, они должны работать в полную силу. Но это далеко не так.

Наши предки, не имея письменности, создали и донесли до нас богатое устное творчество, в том числе величественный памятник культуры народов «Нарты».

Если мы не сохраним наш язык – главный признак народа, то потеряем национальную культуру, бесценное наследие предков, без чего не может полноценно существовать человек.

Глубоко прав народный поэт Кабардино-Балкарии Амирхан Шомахов:

*Зи бзэр фЫуэ зымылгагъужым
 И лъэпкъри фЫуэилгагъужыркъым,
 Хъумэж, лъагъуж уи бзэр,
 Лъэпкъ жезыгъэИэ хабзэр.*

*Тот, кто не любит свой язык,
 Не любит свой народ,
 Храни, люби свой язык,
 Который дает название нации.*

Родной язык – как Родина. Их нельзя отделить друг от друга. Потерял одно – теряется другое. Притупление чувства национальной гордости за свой язык, свой народ, его историю и культуру не может привести к формированию истинного интернационализма.

Кабардинский язык ничуть не хуже любого другого. Нашим языком интересуются во многих странах мира. Немало ученых изучили и изучают кабардинский язык. Много добрых слов о нашем языке сказали известные иностранные языковеды. Кабардинский язык знают и изучают русские и люди других национальностей нашей республики.

Вот что говорит один из них: «Мой кабардинский язык. Народ в душе – Поэт».

Опять я не удержусь и скажу: «Браво, кабардинский язык, ты детище народа-поэта!» Кабардинский язык – своеобразный, живописный и богатый дарами лес, состоящий из могучих деревьев.

«Красив, красив язык адыгов, – говорит Леонид Хорошавин (ученый краевед). – Красив, очень красив и сам народ! Для меня открытие, это великая радость, и я, прощаясь, низко кланяюсь той кабардиночке-гуашэ и тому почтенному аксакалу, которые не позволяют упасть и крошечке хлеба. Я говорю им:

Упсэу апший! Жьыщхьэ махуэ!

До свиданья, дорогие братья!

С искренним почтением и любовью к вам».

Анна КОТЛЯРОВА,
аспирантка СИГИИ

Поэтическая орография: горный текст в поэзии Бунина. К проблеме трансформации образа Кавказа в российском сознании

Орография [гр. oros гора + ... графия] – описание различных элементов рельефа с точки зрения их конфигурации, размеров и направления.

Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной.

В. Г. Белинский

*Судьба мне показала горы
И в океанах острова...*

К. Бальмонт

Кавказский текст русской поэзии – один из самых смыслонасыщенных гипертекстов русской литературы. Он претерпевает ряд последовательных трансформаций на протяжении XIX–XX вв., превращаясь к рубежу XX–XXI вв. в особо насыщенное и динамическое семиотическое пространство.

Обращение к Кавказу как особому географическому, историкокультурному и семиотическому пространству на рубеже XIX–XX – в первой половине XX в. происходит в двух направлениях. Озаглавим первое – географически-философское (например, С. С. Анисимов*), второе – сугубо художественное, когда Кавказ становится героем русской поэзии и прозы.

В своеобразном кавказском диалоге С. Есенина и В. Маяковского отмечается явная смена парадигмы романтического восприятия Кавказа. Это процесс необыкновенно сложный и значимый для всего последующего кавказского текста. В этом же смысловом пространстве – как одна из явственных линий трансформации романтического кавказского текста – располагается кавказский цикл В. Высоцкого, который завершает линию «испытания Кавказом», закономерно принимающую у него форму *испытания горами*. Система координат здесь – человек–вершины...

Что же происходит со ставшими традиционными образами и смыслами, отсылающими к Кавказу русских романтиков – *престолы вечные снегов, мрачные (милые, дальние) скалы, буйный Терек, заоблачные дали, жилище вольности святой, соседство Бога, сладкая песня отчизны?*..

Указанный выше период свидетельствует о переносе акцентов и

---

* Анисимов С. Вокруг Эльбруса. Поход на Эльбрус. Серия «Эльбрусское притяжение». Нальчик, 2007.

новом витке семиозиса, связанного с Кавказом. Творчество трех поэтов – И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, Н. С. Гумилева – регистрирует важные сдвиги в восприятии Кавказа русским поэтическим сознанием. Эти поэты непосредственно связаны с Кавказом, что особенно увеличивает значимость заложенных в их произведениях смыслов, особенно – в контексте соотношения уникального и универсального. Все трое могут быть названы к тому же и поэтами-странниками, что отсылает нас напрямую к романтическому метатексту и особенно явственно демонстрирует моменты его трансформации.

В данной статье мы обратимся к горному тексту поэзии Бунина, поставив перед собой задачу осмысления его как в контексте русской романтической поэзии, так и в контексте диалога *уникальное–универсальное*, становящегося необыкновенно важным для XX века.

Один только перечень названий бунинских стихов свидетельствует о том, что перед нами – поэт-странник: «*На Днепре*», «*Кипарисы*», «*Учан-Су*», «*У берегов Малой Азии*», «*Айя-София*», «*Храм солнца*», «*Розы Шираза*», «*Венеция*»... (Бунин, 1896). В автобиографической заметке (1915) Бунин приводит красноречивое свидетельство своей скитальческой жизни. Начиная с 1897 г. он, по его словам, живет *скитальчески и разнообразно*: Орловская губерния, Малороссия, Крым, Москва. «Женившись (1898 – А. К.), года полтора прожил в Одессе... Затем ... установил в своих скитаниях ... некоторый порядок: зимой столица и деревня, иногда поездка за границу, весной юг России, летом преимущественно деревня».

Какое же место в этом поразительном собрании мест, времен, культур занимают горы и, в частности, Кавказ? Сразу отметим, географические Кавказ и Крым воспринимаются Буниным как единое целое. Его занимает соседство и родство двух стихий – гор и моря – так счастливо сошедших друг с другом на Юге России. Кавказ вновь – *предмет холодных наблюдений и сердца горестных замет*...

Моя печаль теперь спокойна,
И с каждым годом все ясней
Я вижу даль, где прежде знойно
Синела дымка летних дней...

Так в тишине приморской виллы
Слышнее осенью прибор,
Подобный голосу Сибиллы,
Бесстрастной, мудрой и слепой.

Так на заре в степи широкой
Слышнее колокол вдали,
Спокойный, вещий и далекий
От мелких горестей земли.

Свойственное Бунину изображение природы как *самодостаточной* стихии, живущей собственной, во многом недоступной человеку жизнью, здесь соотносится с голосом бесстрастной, мудрой и слепой Сибиллы, что отсылает нас к идее *закрытого для непосвященных текста*, отторгаю-

щего внешние ярлыки и определения. Как определение преимущества романтической поэтической *орографии* – жест бунинского лирического героя, поднявшегося в заоблачную высь:

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

Значимое, акцентированное здесь соотношение *высота–снеговая вершина–небеса–свет* ассоциируется с неким романтически-символистским горным комплексом, в котором взаимодействуют следующие смыслы: *горные вершины–свет–творчество*. Следует особо отметить, что бунинский горный текст разворачивается сразу в нескольких направлениях – от конкретных до метафорических и символических пейзажей, которые, впрочем, зачастую существуют в нерасторжимом единстве, например, в стихотворении «*Вершина*»:

Леса, скалистые теснины –
И целый день, в конце теснин,
Громада снеговой вершины
Из-за лесных глядит вершин.

Селений нет. Ущелья дики,
Леса синеют и молчат,
И серых скал нагие пики
На скалах из лесов торчат.

Но целый день, – куда ни кину
Вдоль по горам смущенный взор, –
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу из-за гор.

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом –
И все смирилось, все застыло
Пред этим льдистым мертвецом.

У Бунина скорее речь идет о некоей *горности*, соотносимой с семантикой границы, предела, *экзистенциального иногo*: *Кондор*, *Обрыв Яйлы*, *Аркадия*. Отметим его пристальный интерес к Востоку, выражающийся, в частности, в цикле стихов на темы и образы Корана и восточных стран («*Черный камень Каабы*», «*У берегов Малой Азии*», «*Айя-София*», «*Гробница Сафии*» «*Птица*», «*Завет Саади*»...). Значимо для него и противопоставление Север–Юг, очень часто замещающее собой противопоставление Запад–Восток...

Преимущественный интерес Бунина – не природа в ее экзотической внешности, а в ее непостижимой тайне и самососредоточенности: *мистерия Бытия*... Море, скалы, нагорные леса, родники, водопады, ущелья, горы становятся предметом его осмысления. И когда, например, он описывает крымский водопад Учан-Су, сквозь конкретное описание проглядывает некая всеобщая водопадная универсальность, как это было в случае с Державиным, конкретный карельский водопад которого – Кивач – стал выявлением самой сути *водопадности*:

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь – и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая,
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая, –
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...

Интересно сопоставить изображение Буниным Кавказа в поэзии и прозе. Как известно, один из лучших рассказов сборника «*Темные аллеи*» – это рассказ «*Кавказ*» (1937). С одной стороны, мы видим здесь «точное» описание Кавказа, с другой – уже отмечавшуюся черту бунинской поэтики, нацеленной на выявление скрытых, символических смыслов той или иной ландшафтной определенности. Рассказ об адюльтере здесь оборачивается трагедией, особенно контрастно звучащей в *симфонии* (соотнесем это с метафорическим пониманием симфонии романтиками) под название «*Кавказ*». Обратим внимание на то, что герой рассказа решает увезти свою возлюбленную не просто на кавказское черноморское побережье, а в место, которое запомнил на всю жизнь, побывав там однажды – «*среди черных кипарисов, у холодных серых волн*». Героине же видятся «*горные джунгли у тропического моря*». И вновь Бунин выстраивает ландшафт в его соотнесенности с вертикалью и горизонталью – вертикалью природы и горизонтальным измерением мира человеческого.

Взаимоотношения героев воспринимаются как частность, временно укрупненная, на вечной сцене Бытия.

Кавказ здесь воспринимается как переосмысленное, иными условиями продиктованное романтическое прибежище свободы (сравним с чеховским рассказом «*Дама с собачкой*»). Необходимой смысловой параллелью рассказу является крымское стихотворение «*На поднебесном утесе*»:

На поднебесном утесе, где бури
Свищут в слепящей лазури, –
Дикий, зловонный орлиный приют.

Пью, как студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут.

Агрессивно-недружественное начало стихотворения может отпугнуть только тех, кому неведомо родство, сущностное для лермонтовского Мцыри – родство горной бури и свободы. Но в рассказе, как уже отмечалось, адюльтер – это бутафорское, искусственное подобие *свободы и воли*, что становится особенно очевидным на Кавказе – родине подлинной свободы: природной и человеческой.

Кавказ со второй половины XIX века воспринимается российским обыденным сознанием как *земля обетованная*, чаще – как место отдыха, но *не отдохновения и вдохновения*. И эта смена акцентов, это взаимодействие обыденного и художественного сознания станет одной из магистральных линий осмысления кавказского текста в XX веке.

Сравним кавказский и альпийский пейзажи Бунина. Так, в рассказе «*Генрих*» (1940) отмечается *заграничная праздничность горного полдня*, в свете которого сопоставляются – по-курортному рифмующиеся – *красное вино «Феслау» на ослепительно белом столике возле окна и ослепительно белый полуденный блеск снеговых вершин, восстававших в своем торжественно-радостном облачении в райское индиго неба...* (Бунин, 2006. С. 380, 381). Но ночь, в которой везущий героя поезд перемещается из германии в Италию, возвращает горам их неуничтожимую цивилизацией *первозданность* и одновременно – обертоны дантовской «*Божественной комедии*», что также контрастирует с искусственно-усложненными, выморочными взаимоотношениями героев:

Был морозный первозданно-непорочный, чистый, мертвенно-алевший и синевший к ночи вечер на каком-то перевале, тонувшем со всеми своими зелеными елями в великом обилии свежих пухлых снегов. Потом была долгая стоянка в темной теснине возле итальянской границы, среди черного Дантова ада гор, и какой-то воспаленно-красный, дымящийся огонь при входе в закопченную пасть туннеля (Бунин, 2006. С. 380, 381).

Часто в своих горных стихах Бунин сознательно обращается к словарию романтиков, инкорпорируя его в текст. При этом происходит столкновение смысловых полей, их переакцентуация и возникают важные для поэта свои, бунинские, определения и новые коннотации («*На обвале*»,

«В горах»). Думается, далеко не случайно тютчевская мысль – о возможности выражения в слове истины о мире – у Бунина соотносится именно с горами:

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат,
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!

Тревогой странно и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
– Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

В записных книжках Бальмонта (1904) мы находим важную в контексте наших рассуждений мысль. Поэт пишет: «Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в Древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя – Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я – действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные здания во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь» (Бальмонт, 1991. С. 571, 572).

Акцентируемая здесь поэтическая *ландшафтная всеотзывность* становится характерной чертой поэзии XX века. В поэзии И. А. Бунина, в частности, мы встречаемся именно с ней. Обращение к необычайному разнообразию пейзажей Юга и Севера, Востока и Запада значимо для него как попытка изображения земного *наследства*, в равной мере много говорящего и жителю равнины и горцу, и южанину и северянину. Кавказский текст поэзии Бунина воспринимается как часть универсального горного текста, создаваемого мировой поэзией в целом.

Роль изучения словосочетаний в 8–9 классах кабардинской школы

Настоящим вызовом конца XX – начала XXI века стало владение иностранными языками, особенно английским. Открытое общество, свобода передвижения, поиск работы по всему миру, путешествия и туризм – возможности неограниченны. Задача – знать язык. Вопрос – как этого добиться?

Овладеть неродным языком, значит, прежде всего, усвоить необходимое количество слов и уметь использовать их согласно грамматических и лексических норм их сочетаемости в конкретном языке. Для этого необходимо еще усвоить основные виды лексико-грамматических контекстов, в которых возможно употребление слова. Именно такое положение лингвистики должно постепенно проникнуть в практику преподавания как русского, так и иностранных языков в школе, что возможно только в том случае, если ученики воспринимают словосочетание как самостоятельную единицу на основе семантического распространения слова.

Словосочетание отличается от предложения коренным образом: в нем не выражена законченная мысль, и оно не сопровождается интонацией сообщения. Такой пример: «Лес шумит» – предложение, так как произносится с интонацией сообщения, выражает относительно законченную мысль, состоит из подлежащего «лес» (что?) и сказуемого «шумит» (что делает?). «Дремучий лес» – словосочетание, так как обозначает название предмета «лес» точнее и конкретнее, чем отдельное слово «лес»; состоит из главного слова «лес» и зависимого «дремучий»; в произношении не сопровождается интонацией сообщения и не выражает относительно законченной мысли.

Грамматическая и смысловая характеристика словосочетания складывается из следующих его особенностей:

- 1) грамматической природы (части речи) главного слова;
- 2) грамматической природы зависимого слова;
- 3) формы зависимого слова;
- 4) наличия предлога как показателя отношений между главным и зависимым словом;
- 5) смысловых отношений на основании выявления лексических значений слов, главных и зависимых.

Методика изучения словосочетаний разрабатывалась как на основе содержания обучения, так и на основе известных в методике и дидактике принципов, методов и приемов обучения. Признавая, что общедидактические и частнометодические принципы, представляющие собой определенную систему, находятся между собой во взаимодействии и взаимозависимости, мы каждое занятие по словосочетанию строили не на базе какого-либо одного принципа, а на совокупности принципов.

При обучении словосочетанию на основе коммуникативного подхода внимание учащихся привлекалось к осознанию отношений между словами,

называющими действия, предметы и т. д. Умение различать в словосочетании слова-предметы и слова-действия означает пропедевтику изучения главных членов предложения. В экспериментальной работе, проводимой по теме исследования, мы старались связать усвоение синтаксических понятий с изучением конкретных частей речи. Это объясняется тем, что в практике национальной школы вопрос о словосочетании возникает при характеристике синтаксических свойств как отдельных частей речи, так и в процессе работы над главными и второстепенными членами предложения. Логика изложения материала такова: отношения внутри словосочетания, грамматическая основа предложения, группа подлежащего, группа сказуемого. В связи с этим современными лингводидактами (В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова и др.) словосочетание рассматривается в тесной связи со второстепенными членами предложения.

Как показывает анализ устной речи учащихся 8–9 классов кабардинских школ, они чаще употребляют в речи словосочетание *the bicycle of my brother*, чем *my brother's bicycle*. Это объясняется тем, что последовательность расположения компонентов в словосочетании *the bicycle of my brother* в большей степени совпадает со структурой аналогичного русского и кабардинского словосочетания, но при этом учащиеся опускают предлог *of*, передающий отношения родительного падежа в английском языке, но отсутствующий в русском и родном языках.

Ошибки эти могут быть преодолены только в результате целенаправленной и систематической работы и активизации этой структуры в речи. С учетом ошибок, описанных выше, и причин их появления, нами были разработаны следующие упражнения:

- 1) Join two or three nouns (Соедините существительные)
the mother | Ann – Ann's mother;
the birthday | my father – my father's birthday.
- 2) What is another way of saying these things? Use – 's (Как сказать иначе следующие словосочетания)
a hat of a woman – a woman's hat;
a name of a boy – a boy's name.
- 3) Answer the following question. Use the nouns suggested in the possessive case (Ответьте на вопросы, употребив существительное в притяжательном падеже):
  - a) Whose desk is that (Father);
  - b) Whose daughter is Kitty? (Mr. Brown);
  - c) Whose garden is this (My aunt).

Другим видом субстантивных словосочетаний является имя существительное в общем падеже + имя существительное в общем падеже: *a stone house* – каменный дом, *a silk dress* – шелковое платье.

«Сочетание двух имен существительных в общем падеже, образующих подчинительные группы, является особенностью современного английского языка и не свойственно другим германским языкам» [80; 108]. Аналогичных словосочетаний в русском языке нет, но есть они в кабардинском языке. В связи с этим целесообразна опора на данный тип словосочетаний в родном языке учащихся.

В школьном курсе грамматики встречаются следующие словосочетания, отражающие: местоположение – park bench, временную отнесенность – Sunday evening, назначение – tooth paste, источник – radio noise. Обеспечить правильное употребление этих словосочетаний в речи возможно при условии организации достаточной устной тренировки.

Трудности у учащихся возникают при структурном оформлении субстантивных словосочетаний с постпозитивным определением. Наиболее распространенным способом выражения постпозитивного определения является предложная группа с предлогом of, выражающая: часть или целое – the centre of the town, предмет и материал – house of stone, действие и его объект – the construction of building.

С трудностями структурного оформления субстанциональных словосочетаний в английском языке учащиеся сталкиваются в тех случаях, когда зависимый компонент словосочетания выражен прилагательными типа necessary, present, imagination, possible, например: the only thing possible. В русском языке этим словосочетаниям соответствует развернутое словосочетание, включающее придаточное определительное предложение или причастный оборот.

Внутри адъективных словосочетаний Р. С. Гинзбург выделяет 8 структурных типов:

1. Прилагательное + предлог + существительное / местоимение: afraid of smth;
2. Прилагательное + глагол (в инфинитиве): hard to know, easy to read;
3. Прилагательное + предлог + существительное / местоимение + глагол (в инфинитиве): kind of him to say, nice of the boy to come;
4. Прилагательное + предлог + глагол (в форме герундия): famous for paining;
5. Наречие + прилагательное: widely famous;
6. Прилагательное + глагол (в форме герундия): busy reading worth seeing;
7. Прилагательное + существительное: unlike his brother;
8. Прилагательное + предлог + прилагательное: far from important.

Особое место в практике обучения русскому и английскому языкам занимают глагольные словосочетания, так как в глаголе, более чем в какой-либо части речи, наблюдается многообразие форм словосочетаний и взаимозависимость значения глагола и структуры словосочетания. Например, простое перечисление русских эквивалентов английского глагола call – называть, навещать, заходить и т. д. не дает указания на то, в каких сочетаниях какое из значений реализуется (в сочетании to call on smb, например, глагол call имеет значение навещать), а также не дает возможности правильно использовать этот глагол, казалось бы, в однотипных случаях (call on smb, call at smb's house – заходить к кому-либо).

Мы предлагаем классификацию глагольных словосочетаний, предложенную Р. Гинзбургом, С. Хидекельем. Ими выделено 22 модели глагольных словосочетаний. Модели выделяются на уровне класса слов – частей речи. Модели представляют структуру словосочетаний, в которой используются глаголы современного английского языка.

1. V+O, V+D2

Для обозначения структуры словосочетаний используются общепринятые символы: **V** – глагол, **Ven** – причастие II, **Ving** – герундий, причастие I, **V=** – глагол в форме инфинитива, **link** – глагол связка, **N** – имя существительное или личное местоимение, **A** – имя прилагательное, **D** – наречие, **P** – предлог, **S** – придаточное предложение.

2. V+preposition+N laugh at smb
3. V+N, V+N+D serve drinks
4. V+N+preposition+N to provide smth with smth
5. V link+V en get arrested, be interested to know
6. V+N+preposition+Ving accuse smb of doing smth
7. V+V want to go
8. V+Ving start running
9. V+preposition+Ving rely on his doing smth
10. V+A grow old, get angry
11. V+N+A make dinner ready
12. V+N+V ask smb to do smth
13. V+N+Ving feel the earth trembling
14. V+Ven become confused
15. V+N+Ven get smth typed
16. Link+V+Ven get smth damaged
17. V+N+N make smb kind
18. V+oneself enjoy oneself
19. V+like+N look like death
Ving feel like doing smth
20. V+as+N (A) serve as smth, work as a doctor
21. V+S show smb that it was impossible
22. It+V+S it seems as if

По аналогии с русским «зависеть от кого-либо, не зависеть от кого-либо» учащиеся используют один и тот же предлог в соответствующих английских словосочетаниях *depend on smb, be independent of (from) smb*. Учащиеся, как правило, переносят структуру словосочетаний русского языка на структуру английских словосочетаний, в которых используется слово. Отсюда ошибки типа *accuse smb in smth* – обвинять кого-либо в чем-либо, вместо *accuse smb of smth* и др.

Для отработки этих словосочетаний в речи необходима систематическая работа. Представляется целесообразным предлагать обучающимся следующие упражнения:

1) Complete the following sentences using a gerund (infinitive) (Завершите предложения, используя герундий или инфинитив).

2) Translate the following sentences into English (Переведите на английский язык).

3) Make a new sentence using the verb in brackets (Составьте предложения, используя глаголы, данные в скобках).

В русском словосочетании зависимое наречие располагается более свободно.

Значительные трудности для учащихся представляют глагольные словосочетания, образованные связочным глаголом и какой-либо частью речи в тех случаях, когда в русском языке им соответствуют полные глаголы:

to be surprised of – удивляться чему-либо;
to be angry with – сердиться;
to be interested in – интересоваться чем-то;
to be afraid of – бояться чего-либо.

Рассмотренные примеры позволяют предположить, что по мере расширения словарного запаса на завершающем этапе обучения в интересах развития речи целесообразно организовать работу над моделями фраз:

- 1) с учетом расширения круга значений усваиваемых глаголов;
- 2) привлечением глаголов, валентность которых отвечает структурному минимуму модельных фраз.

Анализ типичных ошибок в речи учащихся позволяет сделать вывод, что они объясняются в значительной степени:

- 1) различиями в моделях и лексическом составе свободных словосочетаний русского и английского языков. Учащиеся переносят нормы сочетаемости соотносительного слова в русском языке на соответствующее слово английского языка. Отсюда ошибки типа *weak progress* вместо *poor progress* (русс. слабые успехи, слабый человек). Поскольку нормы сочетаемости в русском и английском языках различны, необходимо, изучая новое слово, одновременно изучать его типовую сочетаемость. Например, *progress – good (slow, rapid, poor) progress; power – an atomic power, local power, real power, a power control;*

- 2) учащиеся переносят структуру словосочетаний русского языка на структуру английских словосочетаний, в которых используется изучаемое слово. Структура свободных словосочетаний в разных языках разная, следовательно, изучая иностранное слово, необходимо изучать не только его типовую сочетаемость, но и структуру модели, в которой данное слово употребляется в иностранном языке, например, *close to smb, smth, fond of smth.;*

- 3) типовая сочетаемость и определение структуры модели словосочетания связаны с определенными значениями многозначных слов. Незнание норм употребления слова в разных значениях приводит к тому, что модели и сочетаемости слова в одном, уже известном учащимся, значении механически переносятся на новые значения этого же слова, которым они не свойственны. Отсюда ошибки типа *to prevent smb – мешать кому-либо*, вместо *to prevent smb from doing smth*, по аналогии с *to prevent smb (war) – предотвратить что-либо*.

Лексическая сочетаемость слов не существует в языке произвольно. Ее характер обусловлен рядом факторов, одним из которых следует признать место данного слова в лексической системе соответствующего языка.

В английском языке имеются два прилагательных *high* и *tall* со значением «высокий». Прилагательное *tall* легко сочетается со словами, обозначающими понятие «человек», чего обычно не наблюдается в отношении прилагательного *high* – в значении роста.

При наличии в этом же языке глаголов *love, like, adore, dote on* и так далее, объединенных значением «любить», наблюдаются существенные различия в отношении их сочетаемости с наречиями степени. Так глагол *love* активно сочетается с усилительными наречиями типа

much, passionately и т.д., чего нельзя сказать о глаголах adore или dote on. Разный характер сочетаемости глаголов с наречиями свидетельствует о несовпадении их по лексическому значению. Эти примеры подтверждают, что слово проявляет способность избирательно сочетаться с другими словами в речевой цепи. Словосочетания, свойственные прилагательному high (mountain, tower, building), не свойственны прилагательному tall. Сочетание глагола love с наречием much, terribly, awfully не свойственно глаголам adore, dote on, причем это определяется не экстралингвистическими факторами, а причинами, лежащими в самой лексической системе английского языка. словосочетания типа high man так или adore much не противоречат значениям соответствующих слов, но по лексическим «законам» английского языка они оказываются неправомерными с точки зрения норм словоупотребления. Лексическое значение, выражаемое глаголами adore, dote on характеризуется дополнительным признаком «сильно», высокая степень чувства заложено в самом глаголе, и наречие степени превращается в избыточный элемент.

Систематическая работа над словом в контексте, примеры многочисленных иллюстративных сочетаний этого слова, если оно многозначно, будут вызывать в сознании учащихся конкретизируемое контекстом значение. Например, явно не достаточно раскрытие значения слова heavy как «тяжелый», а слова strong – «сильный». Было бы гораздо нагляднее и конкретнее раскрыть значение этих слов через их сочетаемость. В качестве примера достаточно привести следующие случаи сочетаемости прилагательных heavy и strong: heavy silence – глубокое молчание, heavy snow – большой снег, heavy traffic – оживленное движение, а heavy task – трудной задание, heavy rain – сильный дождь и т. д., strong tea (coffee) – крепкий чай (кофе), strong wind – сильный ветер, strong butter – свежее масло.

Использование лексической сочетаемости слов следует признать одним из успешных приемов изучения лексики, особенно на продвинутой ступени обучения. В работе над текстом в старших классах необходимо выделять грамматическую структуру, в которую может быть включено изучаемое слово, например, «прилагательное + существительное», «глагол + существительное», определять слова, которые могут сочетаться с изучаемым словом. Далее следует выполнить ряд упражнений, которые обеспечивали бы запоминание нового слова в соответствующих сочетаниях как на слуховой основе, так и со зрительной опорой. При этом следует выбрать из неисчисляемого количества вариантов предложений те, которые содержат знакомые и легкие слова, соответствующие по своему содержанию знаниям и интересам учащихся.

Исходя из указанных трудностей усвоения английских словосочетаний, должна быть создана эффективная целенаправленная взаимосвязанная работа над словосочетанием русского и английского языков в процессе развития коммуникативных умений и навыков учащихся национальной кабардинской школы.

Некоторые грамматические особенности глаголов движения

Рассмотрим два типа текста, в которых дифференцируются грамматические особенности акционального глагола движения «бежать»: (1) «Бежал я долго – где, куда? Не знаю» (М. Ю. Лермонтов) – (2) «К небосклону убежало шоссе,плыли в ... небе ... облака» (И. А. Бунин).

Пронаблюдаем возможности совершенного вида в этих примерах. В первом совершенном виде вполне употребителен и несет значение результата: «Я убежал» (то же и в будущем времени). Во втором – замена на совершенный вид невозможна – «Шоссе убежало (прибежало)» – будущего совершенного вида нет. В первом примере глагол имеет типичное для глаголов движения соотношение с разнонаправленным глаголом: «Я бегаю», у глагола из второго текста такое соотношение отсутствует: «Шоссе бегаёт». На уровне словообразования глагол из примера (1) имеет полную приставочную парадигму акциональных глаголов движения: «Я прибежал, перебежал, подбежал» и так далее, но невозможно: «Шоссе прибегаёт, перебегаёт, подбегаёт».

Перечисленные ограничения и грамматические несовпадения связаны с характером субъекта второго типа текстов – предметным. Но важен и другой параметр – точка зрения наблюдателя: попробуем заменить предметный субъект «шоссе» на личный субъект «я»: «К прозрачно-зеленому небосклону... убежал я». Невозможность подобной замены (как следствие невозможности в данной ситуации взгляда на себя со стороны) проявляет несовпадение перцептивной позиции наблюдателя и личного субъекта действия, что меняет тип текста и акцентирует перцептивным компонент глагола. Ограничение по лицу ведет и к отсутствию императивной формы: «Шоссе беги!».

Два рассматриваемых глагола с разными субъектами – личным и предметным (Я убегаю и Шоссе убегаёт) – сопоставим в условиях разных смысловых приращений: первый возможен в составе предложения со значением: ближайшего будущего, комментарий к действию, информативное «Я всегда убегаю от собаки, пока не укусила», – предикативной единицы с предметным субъектом этих значений нет.

Таким образом, названные глаголы представляют два разных типа: акциональный глагол движения в синтаксической модели с личным субъектом и неакциональный дериват этого глагола в модели с субъектом предметным, где глагол имеет локализирующее значение, а субъект лексически ограничен: это может быть дорога, шоссе или какие-либо отдельные неподвижные предметы при передвижении наблюдателя.

Ограничение личной парадигмы по первому лицу указывает важность перцептивного компонента в семантике неакционального локативного глагола. Основным значением второй модели является обозначение объ-

¹ Кольцова Ю. Н. Концепт пути в мировоззрении Н. С. Лескова. М., 2001. С. 15.

екта и описание его положения в пространстве, а также имплицитное указание на перцептора.

Фразеологические единицы, связанные с образом пути и пространственного перемещения человека, составляют достаточно многочисленную группу среди других «пространственных» фразеологизмов. Вообще, путь – это движение, а движение – пространственная метафора жизни человека. «Концепт пути может быть отнесен к тем мировоззренческим категориям, которые свойственны человеческому сознанию в целом, т. е. являются когнитивными константами культуры не сколько русской, сколько общечеловеческой»¹, – подчеркивает Ю. Н. Кольцова. В основе переосмысления фразеологизмов, связанных с образом пути, лежат следующие фреймы:

1) X движется самостоятельно:

а) с усилием: *пробивать лбом (себе) дорогу, плыть (идти) против течения, хромать на обе ноги;*

б) без усилий: *плыть по течению, катиться по скользкой дорожке, катиться вниз, катиться под откос, идти под гору (под уклон);*

в) без указания на степень тяжести пути: *идти вперед (исполнительскими шагами), держать курс на что-либо, делать шаг (к чему-либо).*

2. X получает (или имеет) возможность двигаться самостоятельно: *подниматься на ноги, найти свою дорогу в жизни, стоять на хорошей дороге.*

3. X теряет возможность двигаться в нужном направлении: *попасть в петлю, попасть в сети, блуждать в потемках, топтаться на месте.*

4. X меняет направление движения: *обходить стороной, обращаться на путь истинный (истины), давать задний ход, свихнуться с пути, свернуть с круга, идти (пойти) в обход, делать поворот на 180 градусов.*

5. X (или Y) оставляет место прежней локализации:

а) без указания на степень удаленности: *уходить в лучший мир, уходить в мир иной, уходить из жизни, провожать в последний путь;*

б) с указанием на степень удаленности: *далеко заехать, далеко заходить, далеко пойти (уйти), уйти далеко;*

в) X дает Y возможность двигаться самостоятельно: *поднимать на ноги, открывать дорогу (кому), ставить на дорогу, открывать зеленую улицу, ставить на ноги.*

6. X мешает Y двигаться в нужном направлении: *поворачивать на свою сторону кого-либо, давать (подставлять) подножку, не давать ходу кому-либо, шибить с седла, срезать с ног кого-либо, совращать с пути истинного (истины), совлечь с пути, сбивать с пути, сбивать с круга;*

X помогает Y двигаться в нужном направлении: *обращать на путь истинный (истины), наставлять на путь истины, наставлять на стезю правую, направлять на путь истинный (истины), выводить на дорогу;*

X идет по тому же пути, что и Y: *идти в ногу с кем-либо, идти по стопам (по следам) кого-либо, оставлять за собой (позади себя) кого-либо;*

---

¹ Baranov A, Dobrovolskij D. Idioms from a Cognitive Perspective // Вестник МУ. Серия 19. 1999. № 1. С. 65.

Х идет по другому пути, нежели Y: *идти вразрез с кем-либо, идти навстречу кому-либо.*

Перечисленные фреймы (фреймы понимаются нами вслед за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским¹ как структуры знаний о типичном объекте, ситуации, действии и т. д.), объединенные образом перемещающегося объекта, получают переосмысление в следующих семантических сферах:

1) Сфера интересов и занятий: *найти свою дорогу в жизни; правильно определить свои наклонности, свое призвание; прочно (твердо, обеими ногами) стоять на земле, занимать прочное положение в жизни; достичь благоприятных условий для дальнейшего беспрепятственного развития, продвижения в какой-либо области; стоять на своих ногах, быть независимым, не нуждаться в помощи и поддержке и др.*

2) Сфера социальных отношений: *поднимать на ноги, ставить кого-либо, растить, воспитывать, доводить до самостоятельности кого-либо; обходить стороной кого-либо, не иметь ничего общего с кем-либо, и др.*

3) Временная сфера: *идти под гору, близиться к концу (о жизни); навстречу, приближаясь, ускорять что-либо неизбежное, что или должно произойти.*

4) Именования физического состояния: *уходить в мир иной, уходить в лучший мир, уходить из жизни, уходить в небытие, умирать, и др.*

5) Поведенческая сфера: *идти своей дорогой (своим путем), оставаясь верным своим убеждениям, действовать самостоятельно, поддаваясь чуждому влиянию; идти (следовать) по стопам кого-либо, следовать за кем-либо в чем-либо, брать с него пример, и др.*

6) Наименования нравственной сферы: *наставлять на стезю правую; наставлять на путь истинный (истины), направлять на путь истинный (истины), ставить на путь истинный (истины) кого-либо, побуждать изменить поведение в хорошую сторону, жить к хорошему; выводить на дорогу кого-либо, и др.*

7) Сфера общения: *идти в обход, уклоняться от прямого высказывания, ответа; далеко захватить, сказать что-либо невпопад, не то, что следует.*

8) Морально-этическая сфера: *плыть против течения, действовать состоятельно, наперекор сложившимся традициям, образцам; завести далеко, заставить кого-либо выйти за пределы обычного, установленного, желаемого; идти в ногу, поступать сообразно принятым правилам, нормам; далеко заходить, увлекаясь, забывать, и т. п.*

9) Эмоционально-душевная сфера: *прочно (твердо, обеими ногами) стоять на земле, быть реалистом, не увлекаться беспочвенными фантазиями, мистикой; сшибать с седла кого-либо, лишать кого-либо уверенности, душевного равновесия; и др.*

10) Ментальная сфера: *вышибать из седла кого-либо, лишать кого-либо убежденности в чем-либо; поворачивать на свою сторону кого-либо, заставлять кого-либо действовать, думать по своему желанию; уходить (уйти) от себя, изменять своим чувствам, привычкам, убеждениям, и др.*

Алла ЛУНИНА,

учитель биологии

МОУ «Гимназия № 1» г. Нальчика

Воспитание экологической культуры учащихся

Человек, овладевший экологической культурой... относится к природе как к матери, считает ее своим родным домом, который надо беречь и о котором надо заботиться.

Академик И. Д. Зверев

Глобальные экологические проблемы поставили под угрозу существование самой цивилизации. Перспективы разрешения экологических проблем (мировых, национальных, религиозных) зависят не только от уровня развития науки и техники, но и от всеобщей экологической культуры населения, от понимания истоков сущности и путей решения современной кризисной экологической ситуации. Преодолеть эту ситуацию возможно лишь посредством изменения общественной психологии, воспитания новых ценностей по отношению к природе, формирования экологической культуры, развития мировоззренческого сознания человека, поднятие его нравственных качеств на уровень, соответствующий мышлению, масштабам и скорости изменения экологической ситуации в современном мире. Развитие личности происходит прежде всего через передачу необходимых качеств от человека к человеку, от поколения к поколению через мир культуры и образования.

Экологические проблемы по-разному проявляются в условиях конкретных зон и отдельных регионов, поэтому они должны рассматриваться не на абстрактной территории, а всегда в конкретном природно-территориальном комплексе. Возникновение экологических проблем связано с потреблением природных ресурсов. В связи с этим возникают очень серьезные экологические проблемы. Одна из важнейших – истощение природных ресурсов. Хищническая эксплуатация ресурсов послужила причиной сокращения видового и генетического разнообразия. Назрела необходимость перехода к охране экосистем в целом.

Еще во времена язычества возникла ранняя форма религии – тотемизм, заключающаяся в вере в сверхъестественное родство между человеком, животными и растительным миром. Тотем – определенный вид растений или животных – воспринимался как реальный предок, от которого магическим образом зависели жизнь и благосостояние рода и его членов. Много веков природу охраняли не законы, а сам народ. Это было традицией. Сегодня, к сожалению, эти традиции утеряны. Это ситуацию необходимо исправить.

Воздействие добычи и переработки сырья, отраслей промышленного и сельскохозяйственного производства, уровня урбанизации и плотности

заселения территории на природную среду различно и многообразно. Эти факторы нарушают функционирование природных сообществ, под их воздействием происходит трансформация почвенных и водных экосистем. Накопление вредных веществ может привести к полному отравлению вод, загрязнению воздушного бассейна, почв, что в конечном итоге отражается на здоровье человека. Необходимо рассматривать особенности химического состава почвы, воды, воздуха данной местности, т. к. с ними связаны эндемические болезни, например, эндемический зоб.

Главной целью региональной экологической политики в сфере образования является возрождение и развитие ценностей культуры, но, к сожалению, большинством школьников экологическая культура не воспринимается как приоритетная ценность. В связи с этим вижу актуальность лично ориентированного подхода в обучении экологической культуре в школе через традиции и обычаи народов Кабардино-Балкарии. Экологические проблемы рассматриваю в конкретном природно-территориальном комплексе. Так, на базе КБГУ учащиеся рассматривали влияние избытка молибдена на разные процессы жизнедеятельности, т.к. наша гимназия расположена неподалеку от гидromеталлургического завода, отходы производства которого богаты солями молибдена. Учащиеся знакомятся с лекарственными растениями КБР, влиянием комнатных растений на здоровье человека, проблемой эндемического зоба. Ребята проводят классные часы, внеклассные занятия со своими исследовательскими проектами, участвуют в конференциях и экологических олимпиадах.

Обучение экологической культуре проводится, основываясь на традициях и обычаях местного населения. Учащиеся разных национальностей знакомят других школьников с традиционной экологической культурой, пословицами, поговорками, загадками о природе.

Воспитание экологической культуры осуществляю с начала педагогической деятельности, работая по программе экологического воспитания И. Т. Суравегиной и модели Л. В. Тарасова «Экология и диалектика». Считаю это направление своей работы приоритетным.

Оксана МАШУКОВА,

учитель русского языка и литературы

МОУ «СОШ» г. п. Залукокоажэ

Зольского района

Использование ИКТ технологии в процессе обучения русскому языку и литературе

Сегодня перед школой поставлена задача: ученик должен заниматься с увлечением и удовольствием. Учитель обязан заинтересовать ребенка, сделать так, чтобы вся работа превращалась не в наказание, а в радость познания.

Новые технологии представляют ученикам широкие возможности для организации самостоятельной учебной деятельности, мотивируют к поиску новых форм и методов получения знаний, развитию умений и навыков самообразования.

Исходя из этого, я определила одной целью своей педагогической деятельности содействовать качественному гуманитарному образованию личности через развитие исследовательской творческой и познавательной деятельности учащихся с вытекающими отсюда задачами:

- формирование гражданской личности, способной эффективно реализовать свои знания и умения на практике;
- приобретение учащимися интеллектуальных и коммуникативных навыков в условиях модернизации образования;
- создание оптимальных условий для развития личности ученика.

В начале учебного года при составлении календарно-тематического планирования включаю темы, при изучении которых буду использовать ИКТ. Планирую уроки по следующей структуре:

- а) вызов интереса;
- б) осмысление проблем;
- в) размышление и рефлексия.

Придерживаюсь принципов непрерывного развития, постоянного повышения квалификации, наращивания инновационного опыта. В своей практической деятельности использую мониторинг успешности каждого учащегося с позиций личностно-ориентированного обучения, выполненных с использованием ИКТ. Это позволяет проследить за динамикой учебных достижений каждого учащегося, планировать перспективу учебной деятельности на следующую четверть, побуждает учеников работать на более высокую отметку и поддерживать на стабильном уровне качество знаний, степень обученности.

Совместно с учащимися создаем проекты и мультимедийные презентации. Часто работы имеют звуковое сопровождение, эффекты анимации, включают фрагменты кинофильмов, хроники.

За годы работы в данном направлении систематизированы проверочные тесты по разделам школьной программы, а также созданы мультимедийные энциклопедии для кабинета русского языка и литературы: «Страницы русской классической литературы», «Литература XX века». В данный момент насчитывается более 30 ученических презентаций к произведениям А. С. Пушкина «Дубровский», «Капитанская дочка»,

«Полтавский бой», к автобиографической повести М. Горького «Детство», к рассказу А. Платонова «Неизвестный цветок» и др., а также создан тематический сборник «Поэты серебряного века».

Создание мультимедийных презентаций – серьезная работа. Необходимо по крупицам собрать информацию, провести исследовательскую работу. Например, при создании проектной работы к поэме А. С. Пушкина «Полтавский бой», важно не только знать текст, но и собрать сведения об эпохе Петра Великого, личности самого царя – преобразователя России, изучить личность и характер Карла XII, сопоставлять полководцев.

Проецирование слайдов и текстов на экран, анализ перевода текста с русского языка на родной язык позволяет активизировать речевую деятельность и способность более прочного усвоения знаний и умений по предмету.

Использование ИКТ на уроках русского языка помогает создать наглядные пособия нового уровня: опорные блок-схемы, учебные фильмы, электронные диктанты, карточки, тексты для лингвистического анализа, памятки.

При изучении литературы требуется работа с разными источниками информации, необходимо задействовать ресурсы школьной медиатеки. После изучения темы «Поэтическое новаторство В. В. Маяковского», учащиеся получают такое домашнее задание:

1. «Оригинальная палитра автора». Что это? Попробуйте объяснить значение этого словосочетания через сравнение с другими видами искусства.

2. Творчество Маяковского авангардно, однако критик Владимир Корнилов утверждал, что у него есть предшественники, а искать их нужно в XVIII веке. Кто они?

3. Создайте презентацию «Творчество В. В. Маяковского».

4. Подготовьте обзор сайтов, посвященных творчеству В. В. Маяковского.

Уроки русского языка и литературы нередко проводятся в кабинете информатики, где компьютеры объединены в локальную сеть. Электронные пособия позволяют выполнять задания в интерактивном режиме. Это очень помогает при подготовке к ЕГЭ.

Повысить свою педагогическую культуру, пополнить методическую копилку, совершенствовать профессиональные знания помогает технология Интернета.

В процессе методической образовательной деятельности я обмениваюсь опытом через электронную почту, создаю персональный сайт, изучаю педагогический опыт педагогов.

С помощью сайтов педагогических сообществ, педагогических журналов и газет веду электронную переписку, получаю новостные рассылки. Вместе с детьми принимаю участие в Фестивале педагогических идей «Открытый урок», «Портфолио».

Итак, с включением ИКТ в учебный процесс интерес к предмету значительно повышается. Важно, что такая практика приучает учащихся следить за своими результатами, выявлять сильные и слабые стороны собственной деятельности, мотивирует учащихся на самоанализ, облегчает процесс координации и корректировки самообразования.

Подобная практика значительно оживляет уроки, делает их ярче и увлекательнее, а профессиональную деятельность – насыщеннее и интереснее.

Людмила ЖАМГУРАЗОВА,

МОУ «Лицей № 2», г. Баксан

Фольклор как инструмент познания элементов хабзэ

(в урочное и внеурочное время)

Термин «фольклор», который в 1846 г. ввел в науку английский ученый У. Дж. Томе, в переводе означает «народная мудрость». В отличие от многих западноевропейских ученых, которые к фольклору относят различные стороны быта (вплоть до кулинарных рецептов), включая сюда также и элементы материальной культуры (жилье, одежда), российские ученые и их единомышленники в других странах фольклором считают устное народное творчество.

Такой подход учитывает художественную природу фольклора как искусства слова.

История фольклора уходит в глубокое прошлое человечества.

М. Горький определил фольклор как устное творчество трудового народа. И, действительно, фольклор возник в процессе труда, всегда выражал взгляды и интересы, главным образом, людей труда. История фольклора – это процесс постоянного роста самосознания народа и преодоление того, в чем выражались его предрассудки. Фольклор каждого народа неповторим, как и его история, обычаи и культура.

Адыги на исторической арене появились очень рано. В античной и мировой литературе наши предки известны под разными названиями: зихи, керкеты, косоги, меоты, синды.

Далекие предки адыгов образовали в V в. до н.э. одно из первых раннерабовладельческих государств на территории нашей страны – Синдику. Некоторые ученые отмечают признаки генетического родства между древнеадыгской культурой и культурами Передней Азии и Древнего Египта. Экономические, военные и культурные связи протоадыгов с древним миром – Грецией, Римом и всем Востоком продолжались более полутора тысяч лет и оставили след в культуре адыгских племен. Эти контакты сыграли определенную роль в формировании адыгского этноса. По образному выражению известного черкесского этнографа и фольклориста Султан-Хан-Гирея, все те народы, которые соприкасались с адыгами, как бы оставили на Кавказе «часть своего тела» и внесли в культуру и быт адыгов какие-то элементы своей собственной культуры, уклада жизни и веры.

За свою многовековую историю адыги создали богатый и самобытный фольклор. Дореволюционные публикации адыгского фольклора представляют интерес во многих аспектах и, прежде всего – как начальный этап в истории адыгской фольклористики.

У истоков адыгской фольклористики стоит имя адыгского просветителя – Султана-Хан-Гирея. Основная его заслуга состоит в том, что он написал первые исследования о фольклоре адыгов. К концу XIX в. появляются и другие адыги-фольклористы: Адиль-Гирей Кешев, Паго Тамбиев, Талиб Кашежев.

Фольклор адыгов – это история народа. Для народа, у которого не было письменности, фольклор явился замечательным и сильным инструментом идеологии. Значение фольклора для адыгов очень велико, так как корни элементов хабзэ уходят в него. Именно через фольклор мы познаем обычаи, мысли и стремления адыгского народа.

И поэтому для меня, учителя-литератора, основной целью является использование фольклора как инструмента познания принципов хабзэ. Для достижения своей цели веду определенную работу из урока в урок. Именно такая форма сотрудничества с учащимися приносит только положительные результаты. Дети с удовольствием познают принципы хабзэ, что является немаловажным в нашей учительской практике для воспитания подрастающего поколения. Но для воспитания достойной смены урочного времени недостаточно, так как на уроке у нас не только воспитательные цели, но и учебные. И поэтому я организовала кружок по этнографии, где учащиеся 10–11 классов с особым интересом и увлечением знакомятся с историей фольклора, понимая, что произведения адыгского фольклора создавались на протяжении многих веков в тесной связи с исторической жизнью народа. А говоря об исторической жизни адыгов, хочу отметить и то, что провожу определенную работу над такими понятиями, как «адыгэ нэмыс», «адыгэ хабзэ». Считая «адыгэ хабзэ» основой адыгского этнического самосознания, следует отметить, что данный этикет представляет спектр социальных норм во всех, без исключения, областях жизненной деятельности – от простейших житейских правил до обязательных принципов правовой регуляции.

Об «адыгэ хабзэ» трудно рассказывать словами. Его надо почувствовать. Именно на это направлена работа нашего кружка. Недаром пословица гласит: «Хабзэр бзэгупэкъ зрахьэркъым» («Хабзэ» не носят на кончике языка, т. е. о нем не говорят, его соблюдают).

Составной частью хабзэ является «адыгагъэ» или «адыгэ нэмыс», которые в совокупности обуславливают такие важнейшие нравственные категории, как честь, добропорядочность, честность, правдивость, стыд, умение вести себя в обществе, толерантность, чуткость, внимательность, уважение к старшим. Когда говорим о любом из этих человеческих качеств, как будто все понятно. Взять хотя бы уважение к старшим. Что оно из себя представляет? В системе «адыгэ хабзэ» уважение – это, в первую очередь, внимательное отношение человека к другому, умение ставить себя на его место, проявление своих лучших качеств по отношению к нему.

Занятия кружка помогают мне решить различные проблемы, связанные с нравственным воспитанием учащихся.

Уважение к старшему опиралось не на силу его власти, а на его авторитет, на его справедливость, учтивость, сдержанность, находчивость, на то, насколько хорошо он знает хабзэ.

Когда мы говорим о необходимости возрождения наших традиций и обычаев, о восстановлении и развитии нашего народного языка и культуры – это следует понимать как необходимость творческого изучения наследия прошлого и отбора из него лучшего, что может пригодиться нам в воспитании подрастающего поколения.

Духовной базой восприятия мировой культуры для адыгской молодежи, на мой взгляд, может служить только «адыгэ хабзэ», «адыгэ нэмыс» или, одним словом, «адыгагъэ». Потому что только через свое родное и близкое можно постичь общечеловеческие нормы поведения и взаимоотношений. Поэтому эту духовную базу следует знать не формально, не поверхностно, а необходимо впитать в себя ее глубинную суть. А чтобы справиться с этой задачей, необходимо использовать фольклор как инструмент познания элементов хабзэ.

Принципы хабзэ: уважение, любовь, толерантность, гостеприимство, самообладание, почитание женщин, готовность во имя родины пожертвовать собой, нравственная и физическая чистоплотность, стыдливость и скромность

в быту, которые заложены в ребенке родителями, учитель обязан развивать, начиная с первых дней. Для этого он должен использовать фольклор как инструмент познания элементов хабзэ на уроках и во внеурочное время.

Дети с большим желанием пополняют свой багаж знаний по фольклору, а также познают основные принципы хабзэ. Долг каждого учителя, я полагаю, не только обучать, но и воспитывать и развивать в них национальную культуру, достояние своего народа. В формировании нравственных качеств подрастающего поколения неопределимую роль играет фольклор как инструмент познания элементов хабзэ.

Но к большому сожалению, в наше время встречаются люди, которые не представляют себе практического приложения адыгской традиционной культуры к нашему времени, к нашей жизни.

Им кажутся устаревшими весьма ценные заповеди адыгэ хабзэ об уважении и почитании старших, женщины, мужчины, – одним словом, человека. В воспитании сознательного существа всегда эффективен живой пример.

К решению этой проблемы, осложненной негативными социальными явлениями, следует приступить с первых лет рождения ребенка и планомерно продолжать впивать в него элементы хабзэ. А самым удачным инструментом в этом нелегком деле является фольклор.

Именно рассчитывая на подрастающее поколение, как на продолжателя жизни народа, на защитников Родины, старшие заботливо их воспитывали, готовили к жизни. При этом выражали тревогу за успех: «Тхьэм дыкьагъэ-укъытэн имышI, я нэщIбжэ тхьэм димыгэлыагъу» – (Не приведи господь, чтоб мы устыдились за них. Пусть мы никогда не увидим их горечи).

Но так как эта тревога стала сильно осязаемой в наше время, я думаю, возникла необходимость переосмысления методов воспитания подрастающего поколения. Именно основные принципы хабзэ мы должны вложить в нашу молодежь так прочно, чтобы никакое плохое влияние не способно было сбить их с правильного пути.

Сегодня, когда социальная сторона жизни так пугающе наступает на психологию людей, ломает их представление о нормах нравственности, особенно важно вернуться к лучшим национальным традициям и призвать их на помощь для воспитания достойной молодежи. В подтверждение этому невольно вспоминаются слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Если бы жизнь народа строилась по его собственным традициям, изнутри национального духа, то тогда наша окружающая действительность была бы человеческой, достойной нас и всех остальных».

И в заключение хотелось бы отметить, что произведения фольклора должны быть ориентиром для будущих поколений в выборе разумных или, в крайнем случае, приемлемых решений.

А главное в фольклоре то, что он – живой голос истории и истинное выражение сущности мирозерцания и ценных установок эпохи.

Фольклор – лучшее поэтическое сокровище. Он – наше достояние и бессмертие и потому является инструментом познания элементов хабзэ. Нравственное, интеллектуальное, эстетическое развитие детей связано с получаемой ими духовной пищей. По поводу воспитания В. Г. Белинский писал: «Воспитание – великое дело: им решается участь человека...»

Эти замечательные слова не только не утратили своей актуальности, но и приобрели еще большую значимость в наше тревожное и нестабильное время. А моя хлопотливая, ежедневная, ежечасная работа с детьми является маленькой крупицей, частицей такого большого дела, как воспитание.

Теща

Утром, едва я позавтракал и собрался уже во двор покурить, раздался требовательный звонок в дверь. На пороге стоял Захарыч, как всегда по воскресеньям, еле живой «после вчерашнего».

– Здорово, сосед, – с трудом выдавил он из себя. – Давай пивка вмажем. Пиво я уже купил, – и в доказательство своих слов Захарыч предьявил запотевшую полторашку.

– Давай, – согласился я. – А что же ты сам не пьешь, если пиво у тебя уже есть. Я-то тебе для чего нужен, вот этого не пойму.

– Мне одному полтора литра много, а пол-литра мало. Да и после пива меня поговорить тянет, а у тебя все равно уши свободны. Ну что – будешь?

– Я же сказал, буду. Сейчас иду.

– А может, мы у тебя посидим? А то на нашей лавке старухи набились, лясы точат.

– Можно и у меня, – нерешительно начал я, – но у меня курить нельзя. Жена ругается.

– А где она, кстати?

– К теще ушла на весь день.

– Поругались, что ли?

– Нет. Она туда каждое воскресенье ходит. Так что я по воскресеньям холостой.

– Понятно, – вздохнул Захарыч. – Пойдем, где-нибудь во дворе пристроимся. Чего у тебя сидеть, если курить нельзя.

Мы вышли во двор и осмотрели местность. Наша лавка действительно была занята соседками, в основном пожилыми, но в конце двора был неплохой угол с травой и тенечком от забора. Туда мы и направились.

– Ух, хорошо! – воскликнул Захарыч, оторвавшись от бутылки. – Так говоришь, твоя с детьми к теще с утраца умотала. Выходит, теща у тебя еще жива.

– А что ей делается, – отозвался я.

– Так ведь и я о том же. Ни черта им заразам не делается.

– Захарыч, ты чего такой злой на тещ?

– А то! То, что тещ надо убивать еще в детстве.

– Да, Захарыч, видать тебе здорово не повезло с тещей.

– А что тут везучего? Сам, можно сказать, уже старик. Жена почти старуха. Родителей своих похоронил. Тестя похоронил, а теща еще жива. Еле копыта передвигает, а звездит – не остановишь.

– Да чего ты такой злой?

– А ничего. Тещу вчера к себе забрал.

– Ах, вот в чем дело!

– Она, видите ли, по причине старости, дряхлости и немощности не может одна жить. Уход за ней, видишь ли, нужен. Веришь – со вчерашнего дня и до сих пор пять минут подряд молча не просидела. Все бурчит и бурчит.

– Что, и ночью тоже?

– А ты думал. У нее бессонница. Она ни днем, ни ночью не спит. А бухтит все на одну тему, какой я такой-сякой, ее дочке жизнь испортил. Я когда за своей ухаживал, у меня соперник был. У тещи по соседству жил. Да и сейчас там же живет. Так теща хотела дочку за него выдать. Ну, еще бы. Он ведь инженер, а я рабочий-строитель. Да и инженер этот нос передо мной задирает. Все норовил свою образованность показать, а меня неучем выставить. И длилось это до тех пор, пока я его в укромном месте не отловил и морду не набил. После этого, когда мы с ним встречались, я его видел ровно столько времени, сколько ему надо было, чтобы убежать. И чем все это кончилось? Перестройка пришла. Я как был работага, так и остался. Зарплату стабильно получаю, да и шабашка нет-нет подвернется. Я ведь по строительству все могу. С нуля, как говорится, и под ключ. А инженер тот под сокращение попал, остался без работы и с горя запил. Теперь дворником где-то метлой шуршит. Спился уже совсем. А теща все бубнит, что за тем инженером ей лучше было бы. Дура старая. Вот так я свою и отвоевал. Теперь у меня в доме две тещи.

– Как две? – опешил я.

– А вот так. Своя и зятя.

– В каком смысле «зятя»?

– У меня ведь дочка есть.

– Ну?

– А дочка замужем.

– Ну и?

– Выходит, у меня зять есть.

– Есть и что?

– Вот ты тупой, – занервничал Захарыч. – Я своему зятю кто?

– Тесть.

– А моя жена?

– Теща.

– Вот и выходит, что я женат на теще. Правда, не своей, а зятя, но все-таки. А лет, думаю, через десять у меня будет три тещи в хозяйстве.

– А третья откуда возьмется?

– Внучка подрастет, замуж выйдет и дочка моя тоже тещей станет.

– А это забавно, Захарыч. Будешь отцом тещи.

– Видал я такие забавы, когда вокруг одни тещи. Я, между прочим, у своих родителей единственный сын и наследник. Женился я без свадьбы, потому что моя теща меня сразу анафеме предала и всю жизнь без нервного тика меня видеть не могла. Просто мы с моей расписались, собрались несколько человек моих друзей и родственников, посидели маленько и разошлись. Первое время мы с женой жили в родительской квартире. В одной комнате родители, в другой мы. Потом мне от работы вот эту квартиру дали, где мы сейчас живем. Пока отец жив был, он в своей квартире все сам делал. Отец у меня был мастеровой мужик. Как отца не стало, мне пришлось за него все делать. Ну, знаешь, кран, там, починить, замок дверной смазать. Покрасить, обои свежие поклеить. Да мало ли что. Я в своей жизни немало вложил труда в родительскую квартиру. Потом мать умерла и досталась квартира мне. А что с ней делать, не знаю. Мне она не нужна, у меня своя есть. Дочке вроде как тоже не нужна. Дочка замужем, а у мужа все есть и живут хорошо, разводиться

не собираются. Сыну тоже не нужна. Сын военнослужащий, его армия квартирой обеспечила. Квартирантов туда пустить, так жена против. Вот и стояла квартира, запертая без пользы. А рядом со мной евреи жили. Надумали они в Израиль уехать и квартиру свою решили продать. Жена моя это просекла и с ними насчет цены договорилась. Посоветовались мы с женой, и она решила: мою родительскую квартиру продать, а эту соседскую купить. И будет у нас две квартиры рядом. Вроде как расширение получится. Быстро продать квартиру за ту цену, что мы хотели, было трудно, но соседи не подгоняли. Им документы на отъезд в Израиль оформить, дело не на один день. Но, в конце концов, повезло. Нашелся человек, которому нужна была квартира именно в этом доме и ни в каком другом. Купил он у нас квартиру и заплатил не торгуясь. Вот. Продали мы, значит, родительскую квартиру, принесли деньги домой. Жена их сама спрятала. Все хорошо. Хотели соседям деньги за их квартиру сразу отдать, но они на свадьбу к родственникам уехали, и несколько дней их не было. Мы решили, соседи вернутся, мы им деньги за квартиру отдадим, документы переоформим, и пусть они себе спокойно в ней живут до самого отъезда. А тут какая история получилась. Прихожу я как-то с работы пораньше. Мы на шабашке были. А хозяин проморосил, вовремя материалом не обеспечил, и чем до вечера без дела сидеть, пошли мы по домам. Прихожу я, значит. Захожу в подъезд. По лестнице поднимаюсь и вижу у дверей своей квартиры трех парней. И застал я их в такой момент, что не поймешь, то ли они войти в мою квартиру собираются, то ли только что из нее вышли. Я сразу про деньги подумал. А про что еще в такой ситуации думать, не про семечки же. Я у них и спрашиваю:

– Вы что в моей квартире делаете?

Они говорят:

– Мы только подошли, хотели позвонить, а тут вы. Мы приятеля, – говорят, – ищем.

Смотрю, а у одного что-то в газету завернуто.

– Не знаю, – говорю, – как приятеля, а неприятеля вы уже нашли. Ну-ка, паршивец, покажь, что у тебя в газете.

Они меня по мордасам съездили и бегом вниз по лестнице. Я за ними, да куда там. Они молодые, шустрые. Я из подъезда выскочил, а их уже на горизонте не видать. Прибегаю в квартиру, глаза квадратные, язык на плече, сам одуревший весь. Смотрю, а жена за шкафом в угол забилась, дрожит вся. Меня увидела, подумала, бандиты вернулись, и как завизжит. Еле успокоил. Эти сволочи, оказывается, вломилась в квартиру, угрожали ей ножом. А она только ко меня орать смелая, а тут перепугалась и отдала все до копейки. А в тот момент, когда они из квартиры выходили, я с ними и встретился. Вот так вот. А ты говоришь «теща».

– А при чем тут теща? – не понял я.

– А при том, что этих уродов на мою квартиру моя же теща и навела. Я много про это думал. Кроме нее больше некому. Про то, что в квартире были деньги, сколько было денег, только она знала, моя рассказывала. Они мои деньги хапнули, половину отдали ей, вторую половину себе. А я все голову себе ломал, на какие такие деньги теща после того случая мебель купила. Оказывается, на мои. Попробуй сказать, что тещ не надо убивать еще в детстве.

Султан ПШИБИЕВ

ПО СЛЕДАМ МОШЕННИКА

После распада Советского Союза не только в России, но и в нашей маленькой республике активизировались разного рода мошенники, с которыми несмотря на все старания не могли справиться правоохранительные органы. Не удивительно, что граждане, попав в сети этих аферистов и существенно пострадав от их происков, не получив действенной помощи от работников милиции, обращались к людям, умеющим логически мыслить и распутывать различные житейские головоломки.

Таковыми людьми как раз и были мы с Генрихом.

Как-то вечером, просмотрев выпуск новостей по телевизору, я отправился на кухню вскипятить чай. С утра шел, не переставая, проливной дождь, крупные капли которого стучали артиллерийской дробью в оконные стекла и по крыше дома. Лишь я поставил чайник на газовую плиту и зажег конфорку, как раздался звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» – подумал я, так как никого совершенно не ждал, да еще в такую погоду. Я прошел в прихожую и открыл входную дверь, посмотрев перед этим в дверной глазок.

На пороге оказался Генрих. И не один. С ним была незнакомая мне женщина.

– Проходите, – сказал им я, – раздевайтесь. Подал гостям тапочки, я помог даме снять плащ и провел их на кухню, тем более, что свисток чайника подал сигнал, что вода в нем уже закипела.

Вскоре мы приступили к чаепитию. Немного согревшись, гостя представилась. Это была Татьяна Яковлевна Федорова, директор мебельного магазина одного из районных центров нашей республики. Она узнала обо мне от Генриха и попросила нас познакомить, чтобы поведать мне о произошедшем с ней.

По словам гостыи, однажды к ним в магазин пришел солидный мужчина в очках и шляпе, назвавшийся Мустафой Чамкаловичем Абдулархамовым. В руке у него был зонт с длинной ручкой, хотя погода в тот день была солнечной. Он заявил, что пришел по объявлению по поводу приобретения итальянского мебельного гарнитура в кредит. Ему подробно объяснили, какие документы следует для этого оформить, затем познакомили с заведующим секцией Аскером Махмудовичем, которого Татьяна Яковлевна посвятила в суть дела.

Через несколько дней в магазин приехала группа людей на КАМАЗе с прицепом. Возглавлявший их отрекомендовался сыном Мустафы Чамкаловича. Так как Федоровой в тот раз на месте не оказалось, он обратился, как и было условлено, к Аскеру Махмудовичу и предъявил ему все необходимые документы. Подлинность документов и правильность их оформления не вызвали никаких сомнений. И потому товар был отгружен без проволочек.

Лишь через три месяца пришлось забеспокоиться, когда деньги по

кредиту так и не поступили в магазин. Проверили по кредитным документам. Оказалось, что в указанном в них месте работы ни о каком Мустафе Чамкаловиче никогда не слышали, то же самое и по месту жительства. Соответственно оказались липовыми и проставленные в документах номера контактных телефонов.

Пришлось заявить в милицию. Там, конечно, приняли к сведению, что искать придется человека, о котором нет никаких соответствующих действительности данных, и потому прибегли к единственно подходящему в подобной ситуации способу – составлению фоторобота. Правда, Татьяна Яковлевна сомневалась, что хорошо запомнила гражданина «Абдулархамова». Но все же фоторобот показали по местному телевизионному каналу.

Вскоре в милиции раздался анонимный телефонный звонок и некто неизвестный сообщил, что человек, показанный по телевидению, это на самом деле Залим Махмудович Харунов, который проживает по такому-то адресу. Проверили: правда, есть такой гражданин. Только очки не носит, по причине преклонного возраста нигде не работает и соседи о нем отзываются положительно. Побывав у него дома, милиционеры не обнаружили признаков роскоши.

Оставалась еще одна надежда: установить личности злоумышленников, найдя машину, на которой увезли гарнитур, – КАМАЗ с прицепом. Хотя номер грузовика запомнили не полностью, все же через некоторое время в одной из транспортных организаций обнаружился злополучный КАМАЗ. Правда, он был в рейсе. И тут опять нестыковка. Шофер, находившийся в данный момент за его рулем, устроился на работу недавно и к афере с мебелью отношения не имел. А где же предыдущий водитель? Уволился и уехал с женой на заработки, как сказали следователям в транспортной конторе. Послали запрос в Москву. Никакого водителя и его жены там не нашли.

– Вот как было дело. Поэтому единственная моя надежда – на вас, – подытожила Татьяна Яковлевна.

– Ясно. А вы не могли бы изложить все сказанное вами письменно, – спросил я.

– Могу. Я как раз захватила с собой экземпляр объяснительной, которую мне пришлось писать для следствия.

– Ну вот и хорошо. Мы беремся за ваше дело.

Проводив Федорову, мы с Генрихом долго размышляли над этим случаем. С чего нам следует начать? Где нужно искать? Долгие часы раздумий ни к чему не приводили. Время было уже позднее. Генриху было далеко добираться, и я предложил ему переночевать у меня. Заснули мы поздно. Да и сон наш был беспокойный.

Встали мы на следующее утро в 10 часов. За утренним чаем снова принялись размышлять.

– Шофер с женой поехал на заработки в Москву и затем пропал. Такого в принципе быть не может. Ведь они куда-то поехали. Только просто их никто не захотел искать. Ведь если нет твердых улик, доказательств их вины, зачем их разыскивать?

И мы позвонили в бюро по трудоустройству в Москве.

– Да, – подтвердили там. – Указанные лица: муж с женой, причем муж – шофер, были у нас. Но выехали довольно скоро в Хабаровск.

Позвонили мы и туда. Но те и оттуда выехали. В общем, нам пришлось связываться со многими городами страны. И стоило напасть на их хотя бы еле различимый след, как оказывалось, что они ускользнули буквально у нас перед носом. Но все же мы обнаружили шофера – на Сахалине. Правда, он снова не сидел на месте. Отправился в рейс. Лишь спустя еще несколько недель нам удалось связаться с водителем.

– Да, – подтвердил он. – Я перевозил этот мебельный гарнитур. Но тут дело вот в чем. Когда я выехал из Прохладного по дороге в сторону Карагача, моя машина внезапно сломалась. И поломка оказалась довольно серьезной. Пока я был занят ремонтом, мои попутчики довольно быстро нашли другую машину и помощников. Перегрузив мебель, они уехали, оставив меня на дороге.

Больше шофер ничего сообщить не мог. Мы с Генрихом наводили справки в Карагаче, Алтуде и ряде других селений, расположенных поблизости от той дороги. Опять безрезультатно. Что же делать теперь? Снова пришлось ломать себе голову. Генриху не давал покоя вопрос: почему мошенник приехал за мебельным гарнитуром в Прохладный? Разве он не мог достать его в Нальчике?

– Скорее всего в Нальчике его могли быстро опознать.

– А что если навеститься к тому человеку, который оказался похожим на составленный фоторобот? – предложил Генрих.

– К Залиму Махмудовичу Харунову? Думаю, не стоит. Ведь про него все, что могли, уже выяснили и без нас. Характеризуется во всех отношениях положительно. Живет довольно скромно, без роскоши: ни дачи, ни гаража с машиной, ни тем более импортной мебели. Да и куплей-продажей мебели или чего-нибудь другого не занимается. Правда, он когда-то работал экспедитором на мебельной фабрике, а, значит, разбирается в кредитно-финансовой документации. Вот что, Генрих, надо узнать, какие у него есть ближайшие родственники, где проживают, и навестить их.

Вскоре нашли брата Харунова, проживающего в селении Шекер. Съездили туда. Но вместо него в доме оказались лишь квартиранты. Они пригласили нас внутрь. Обстановка в доме тоже оказалась довольно скромная.

На наши расспросы квартиранты сказали, что хозяин приезжает лишь раз в неделю. Его брата Залима видели один раз. Но при них ничего не привозили и в дом не заносили.

– А до вас здесь жили квартиранты?

– Да. Сейчас они живут в доме Шугушевых.

Наведались мы и к Шугушевым. Но снимавшие в их доме комнату супруги сказали то же самое, ничего больше не добавив.

Снова тупик?

Также мы навестили сестру Харунова, проживавшую с мужем, Мажидом Хакуновым, в селении Орзоково. Ничего существенно не узнали и здесь.

В то же время мы методично обзванивали мебельные магазины. Никуда этот злополучный гарнитур не поступал.

И тут Генрих случайно прослышал, что в этом же селении Шекер живет одна очень зажиточная семья, которая часто ссужает большими денежными суммами соседей, конечно, под проценты. Решили сходить к ним.

Мы оказались в роскошном двухэтажном особняке, окруженном высоким забором, с двором, выложенным узорной плиткой, цветочными клумбами и фонтаном, времянок, навесом и гаражом на две автомашины.

Первое, что бросилось в глаза в доме, был, конечно, итальянский мебельный гарнитур, стоявший в гостиной, куда богатые и, как оказалось, довольно гостеприимные хозяева нас пригласили и, несмотря на наши горячие протесты, усадили за обеденный стол. За неспешной трапезой хозяева деликатно осведомились о цели нашего визита.

Согласно придуманной мной с Генрихом заранее легенде, я сказал, что для крупной покупки нуждаюсь в большой сумме денег, которой, к сожалению, не располагаю. Но сведущие люди (я назвал имена некоторых «клиентов» этих кредиторов) порекомендовали обратиться к ним. Хозяйева, не усомнившись в намерениях названных людей, изъявили согласие оказать помощь.

Поблагодарив их за выказанное понимание, я как бы невзначай похвалил их гарнитур. Жанна, хозяйка дома, польщенная моими словами, сказала, что купила его два месяца назад в Нальчике.

При этих ее словах я хотел с разочарованием покинуть этот дом. Но, на наше с Генрихом счастье, Жанна оказалась очень разговорчивой. Они с мужем часто выручают людей, одалживая довольно крупные суммы денег. И практически никто не злоупотребляет их добротой.

Но однажды к ним обратился дальний родственник Абдул: сын, мол, женится, нужны позарез деньги на свадьбу. Естественно, снабдили его требуемой суммой. Но проходит время, а деньги тот не возвращает. Конечно, не хотелось прибегать к крайним мерам, но пришлось пригрозить ему судом (ведь слава богу, расписку догадались с него взять!).

Абдул сразу завертелся, очень извинялся, что подвел их, сказал – долг непременно возвратит, и просил не доводить дело до суда. Правда, денег сейчас у него нет, но, если они согласны, вместо денег может дать итальянский мебельный гарнитур, якобы приобретенный им в кредит, точно такой же, как у них, так как сам он продать его все равно не сумеет.

Ну что с ним делать? Пришлось взять долг мебелью. Впрочем, как раз внучка выходила замуж и этот гарнитур был включен в ее приданое.

Сопоставив эти факты, мы с Генрихом смогли припереть этого Абдула к стенке. Естественно, ему пришлось во всем сознаться. А сотрудники следственных органов, которым мы сообщили все, что разузнали, установили еще многие аналогичные случаи мошенничества Абдула в отношении других граждан, о чем мы даже не догадывались. У него в доме нашли довольно большие запасы наркотических средств: между делом он одновременно реализовывал наркотики.

Хусей КУЛИЕВ

Ах, женщины, женщины!..

Вот мы говорим: женщины, женщины, а что мы о них знаем? Да ни черта! Ничегошеньки! Темный, так сказать, лес. А почему? Да потому что они сами себя не знают. Не знают, что выкинут через минуту. Может, поцелуют вас, а может, извините, по харе дадут.

Все зависит от их настроения в данный момент. А настроение зависит от макияжа. Видите, какое слово я выучил! А что делать, если от этого проклятого макияжа, считайте, жизнь порой зависит. Во всяком случае, моя. Каждое утро с трепетом жду: правильно положен этот макияж или нет. Если правильно, то, может, будем завтракать или даже обедать, ну а если вдруг что-то там не так, скажем, губы получились, как у вурдалака, или родинка не туда села, не то что обедать, в живых останешься – благодари бога. А как угадаешь, правильный он или нет? Зеркало одно и то же, жена вроде тоже, хотя смотрю недавно: жена – вроде не жена. Что за черт! Глаза водянисто-зеленые. Водоросли какие-то вместо глаз. И рот великоват. У моей рот тоже, прямо скажем, не наперсток, но у этой! Прямо пещера, а не рот. Али-баба со своей шайкой запросто влезет. Еще и место останется. Ну, думаю, амба! Спекся парень. Белая горячка. Жену уже не узнаю. Приехали, короче. Что же делать? Дай, думаю, проверю на всякий случай. Чем черт не шутит. Может, действительно не жена. «Слышь, – говорю, – Зюзя... (Я ее зову Зюзей, не знаю почему, но ей нравится.) Слышь, – говорю, – Зюзя, подай сигареты». Вот это и есть проверка. Дело в том, что я в комнате не курю, только на балконе. В комнатах я курю только у Маньки. Да, забыл вам сказать: Манька – моя любовница. Я у нее живу, когда моя благоверная уезжает рожать. Два раза в год. Почему два раза? Не знаю. Раз спросил ее об этом. «Как, – говорю, – это у тебя получается? Ты что, кролик?» Что тут началось! Оказывается, она не кролик, зато я свинья и поросенок в одном лице, а еще я – тупая скотина, которая даже и не знает, сколько у него детей и когда они родились. Это меня оскорбило. «Почему не знаю, – взвился я, – очень даже хорошо знаю! Детей у нас двое, если не считать Мишку, который страшно похож на дядю Гришку, и Митьку, который тоже похож...»

Но я не успел сказать, на кого похож Митька, потому что в это время Зюзя засветила мне половником. И метко, надо сказать, засветила. Лоб до сих пор в огне.

– Идиот, – кричала она при этом, – идиот, сколько раз тебе говорить, что Мишка похож на Гришку, потому что Гришка похож на Мишку! Понимаешь ты? Балбес! Они просто похожи друг на друга. Понятно тебе? Олух царя небесного!

Я усмехнулся.

– Ага, – говорю, – понятно, только непонятно, почему они похожи друг на друга, а не на меня, допустим, или хотя бы на тебя.

– А с чего это вдруг Гришка должен быть похож на меня, – говорит она. – А тем более – на тебя? Ты че, совсем?

– Да не Гришка, – говорю я, – при чем тут Гришка?

– Вот именно, не при чем, – говорит она. – И замнем на этом.

– Ладно, – говорю, – замнем. Только ты меня напрасно попрекаешь тем, будто я не знаю, когда они родились... Мишка, например...

– Что! Опять Мишка?! – жена схватила что-то увесистое. Потом я понял, что это была кочерга.

– Ладно, – быстро переключился я, – замнем про Мишку. Возьмем близняшек – Сашку с Машкой. Ты их родила в аккурат через девять месяцев после приезда с моря. Помнишь? Я еще удивлялся тогда. Ты смотри, подумал. Ну и чудеса! Прямо как по спецзаказу.

– А это и было по спецзаказу, – спокойно говорит Зюзя. – Чтоб ты знал.

Я, помнится, чуть со стула не слетел.

– Как, – говорю, – по заказу? А что же ты молчала до сих пор? А заказ чей?

– Мой, – говорит она, – чей же еще? Не твой же. От тебя дождешься, как же. Я сама заказывала.

– Кому, – тупо спрашиваю я.

– Да есть там один, – Зюзя неопределенно махнула рукой. – Экстра-сенс. Чудотворец прямо. Чудеса так и творит. Особенно с нами, бабами. Что ни сеанс, то чудо. Или чадо, если быть точнее. И что удивительно, сколько скажешь, столько и сотворит. Для него это раз плюнуть.

– Ты смотри, – говорю, – какой молодец! Я бы так не смог.

– Конечно, не смог бы, – говорит Зюзя. – Если бы ты смог, зачем же тогда на море ездить. Клепали бы здесь.

И тут меня осенило.

– Слушай, – говорю, – закажи еще парочку. Детские-то увеличивают.

– Точно, – говорит Зюзя. – Я сама в газете читала. Ты прав. Надо ехать.

И уехала. Теперь у нас... та-ак... раз, два... шесть, в общем, не знаю сколько. Зюзя-то, почитай, ездит каждый год. А иногда и по три раза. Вот и сосчитай тут. Такие дела. Поэтому я больше и не спрашиваю ее ни о чем. А зачем? Себе дороже. Так вот. А в это утро решил я проверить, она это или не она. Потому что не узнаю свою благоверную, хоть ты плачь. Сбоку посмотришь – она. Анфас – нет! Кикимора какая-то. И попросил, повторяю, сигареты. Если, думаю, рывкнет: «Я тебе что, прислуга?» – значит, Зюзя. Ну а если подаст сигареты, значит, Манька. А кикимора говорит: «Сигареты на столе, а курить выходите на балкон». Я обомлел. Ничего себе. Главное – на «вы». Никто со мной так не разговаривает, я имею в виду домашних. Они меня Бармалеем кличут. Это в лучшем случае, а обычно... Вот. Что же делать? И тут я вспомнил, что вчера к нам приехал шуряк с женой. Ну, мы, как водится, нарезались в дымину. Шуряк заснул за столом, а меня, помнится, куда-то тащили. Вот в чем дело! Значит,

это его жена. А она говорит: «Вставайте, пожалуйста! Все уже на столе. Завтракать пора. Головка-то, наверное, бо-бо. Подлечитесь...» Боже! Как хорошо! Вежливо и культурно предлагают тяпнуть, то есть, извиняюсь, подлечиться. Век бы слушал про такое лечение.

На остановке

– Эй, эй! Куда лезешь? Не видишь, очередь? Как где? Меня видишь? Я и есть очередь. Что? Ты – женщина? Ну и что? А я – мужчина! Уступить? Нет уж, дорогуша! Хватит! Науступались! Скоро последнее отберете. Шапки отобрали? Отобрали! Вон! Твоя даже больше. Штаны отняли? Отняли. Вон! У меня джинсы и у тебя джинсы. Только и разницы, что твои пошире. Что еще осталось? К самому дорогому уже подобрались. Последнего, можно сказать, лишаете. Как? А так! Пол меняете? Меняете! А откуда это берется? А? На дороге-то он не валяется. Значит, у кого-то его надо оттяпать. А у кого? Ясно, у кого. Вот!

Смотришь, вчера была тетя Маша, а сегодня уже дядя Гриша. С ума сойти. Уже толком и не разберешь, кто есть кто. Вчера подхожу к одному хмырю.

– Смотри, – говорю, – какие классные телки стоят. Давай закадрим.

– Вы что, – говорит, – это мои дочки.

– Ой, – говорю, – извините. Я не знал, что вы их папа.

– Почему папа, – говорит он, – я их мама.

Вот и пойми тут, кто перед тобой.

– Что? Кто слабый пол? Вы слабый пол? Ничего себе, слабый? Посмотри на себя! Да в тебе сала одного пудов шесть. Как у хорошего хряка. Что? Это не сало? А что? Да ты... тьфу ты! Да вы что? Серьезно? А на каком месяце? На десятом? Как на десятом? Обычно же... А, полчаса как на десятом? Понял! Что? Начались? Что начались? Схватки? А кто с кем? Черт! Что я говорю? Сбрэндил совсем! Ясно, кто с кем. Вы вот что! Потерпите пожалуйста, а? Что? Да, да! Понимаю. Это тому уже не втерпел. Конечно! И так вон сколько просидел! В темноте, да в тесноте. Вот и хочет на свет. Да... И куда эти чертовы такси запропастились? Когда надо – шиш найдешь! Слушайте! Тут роддом недалеко. Может, я вас на спине... Хотя нет. Не осилю. Вот если бы вы были одна, а то. Кто знает, сколько их там сидит? Судя по вашей комплекции, никак не меньше четырех. Куда мне. Тут «Кировец» нужен. А вот такси! Такси! Такси! Тут... Эта... Ага! Наконец-то. Садитесь, садитесь. Осторожно, осторожненько, вот так вот, все! Поехали, шеф! В роддом! Срочно! Что? Вам не туда? А куда? В клуб? В какой клуб? А как же?... Шутка? Хотела, чтобы я разницу понял между нами? Но ведь я... Укатила. Ну, женщины! Ну, дают!

«ТАКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАМ НЕОБХОДИМА...»

Относительно недавно на полках книжных магазинов появилась новая серия «Мир Черкесии». В ней представлены исторические записки таких авторов, как Юлиус Клапрот, Тебу Де Мариньи, Джеймс Белл, в разное время побывавших на Кавказе. Издание этих книг на русском – событие беспрецедентное. Автором переводов стал историк Каральби Мальбахов.

– Разумеется, об этих трудах знали специалисты, но широкому кругу читателей они были недоступны, – говорит он. – «Дневник пребывания в Черкесии» Джеймса Белла вышел в 1840 году и с тех пор в полном объеме на русский язык не переводился. Автор прожил у черкесов два года и девять месяцев. Он создает широкую панораму адыгского мира. Не скрывая своей антипатии к российской политике, поругивает английское правительство за невмешательство и неисполнение обещаний, данных народам Кавказа. Книга Белла прежде всего интересна оригинальным взглядом на миропорядок черкесов. Диапазон достаточно широк: война, культура, юридическое право. Интересны разделы, посвященные формам судопроизводства. Белл подчеркивает, что еще тогда у черкесов существовал суд присяжных заседателей. Автор в буквальном смысле упивается демократичностью адыгского общества, где несмотря на строгие ограничения существовал широкий спектр самых разнообразных свобод. В частности, Белл рассказывает о так называемых братствах, которые не носили сословного характера. Вступить в них мог любой, независимо от социального статуса.

Хотелось бы сказать несколько слов об авторе. Джеймс Белл принимал участие в межплеменных съездах адыгов. Он стал одним из создателей «Декларации независимости Черкесии» и знаменитого черкесского флага, который символизировал двенадцать провинций, подписавших договор о продолжении войны с Российской империей.

Царское правительство объявило Белла английским шпионом. «Высочайшим» указом иностранец был приговорен к смерти, но арестовать его так и не удалось.

– Четвертым и пока последним томом серии «Мир Черкесии» стали записки Юлиуса Клапрота. Расскажите о них подробнее?

– Книга называется «Описание поездок по Кавказу и Грузии». Ее без всякого преувеличения можно рассматривать как гимн кабардинцам. Автор – немецкий академик. Он совершил несколько поездок по Кавказу, причем значительно раньше, чем Белл и Мариньи. Одним из немногих путешественников посетил Кабарду дважды. Направляясь в Тифлис, Клапрот из-за карантинных преград, связанных с эпидемией чумы, надолго задержался в Моздоке. Этим объясняется детальное описание Малой

Кабарды. Известно, что во время второй поездки им был собран внушительный материал о Большой Кабарде, но, к сожалению, второй том так и не был опубликован.

– **Как историку Вам интересно было работать над переводами?**

– Безусловно. Я получил подтверждение многим своим догадкам. Кавказскую войну принято ассоциировать в первую очередь с Чечней, но по сути это была русско-кабардинская война. После того как русские войска вторглись в Карачай, они получили проход в Западную Черкессию. Началась экспансия черноморских земель. Чечня и Дагестан вступили в войну значительно позже. Возвращаясь к запискам Клапрота: они интересны не только с исторической, но и с этнографической точки зрения. Автор рассказывает о ногайцах, с большой симпатией пишет о Карачае. Перечисляет практически все народы, живущие на Кубани. Повествование перемежается экскурсами в античную историю, в частности, рассказами об амазонках. Очень интересен материал по древнему Маджару – центру Ногайско-кипчакской орды.

Это был очень богатый город с уникальной архитектурой. Достаточно сказать, что тротуары улиц в нем были выложены цветной глазурированной плиткой. Клапрот застал лишь руины, которые позднее по распоряжению российского командования были разрушены. Кирпичи использовали для строительства крепости Екатеринодар. Это очень печально, поскольку Маджар как исторический памятник мог стать свидетельством высокой культуры на Древнем Кавказе.

– **Над чем Вы работаете сейчас?**

– Практически готова к изданию пятая книга библиотеки «Описание поездок по Западному Кавказу» Эдмунда Спенсера. Автор рассказывает о Большой и Малой Кабарде, а также исконной территории черкесов. В книге представлен богатый этнографический и культурологический материал. В настоящее время я перевожу «Воспоминания о последних экспедициях против черкесов». В оригинале не указан автор и дата издания, но эта книга заинтересовала меня правдивостью батальных сцен и военно-исторических событий 30–40 годов XIX века.

– **Как Вы считаете, чем обусловлен столь пристальный интерес иностранных авторов к Северному Кавказу?**

– Запад до сих пор внимательно наблюдает за тем, что происходит в нашем регионе. Интерес этот в первую очередь имеет геополитическую окраску. Так было всегда. В XVII–XIX вв. Кавказ стал «яблоком раздора» для многих держав. Именно этим объясняется трагичная история некоторых народов, живущих на этой территории. История не терпит сослагательного наклонения, и все же если бы убыхи не жили на Черноморском побережье, их судьба могла сложиться иначе.

– **Какую задачу Вы ставите перед собой как историк и переводчик?**

– Несколько лет назад я перевел замечательную книгу «Воспоминания французской пленницы Шамиля». В предисловии написал, что даже самая справедливая война противна человеческой природе. Только

терпимость и любовь помогут людям искоренить противоречия и понять друг друга. Настало время открыто говорить о трагических событиях на Северном Кавказе. Необходимо сказать правду о себе и о других, даже если это кому-то неприятно. Объективный взгляд в прошлое позволяет уничтожить мифы, которые нередко ведут к суеверию и фанатизму. Я не стремлюсь идеализировать историю адыгов или других народов. Переводя иностранных авторов, предлагаю читателю взгляд со стороны, а выводы пусть он делает сам.

– Вы перевели пять серьезных трудов с английского и французского. Откуда такое блестящее знание иностранных языков?

– Оно объясняется счастливой случайностью. В детстве моей соседкой была Мария Владимировна Плеханова. Ее супруг доводился кузеном теоретику и лидеру русских социал-демократов Георгию Плеханову. Отец был потомком декабриста Муравьева-Апостола. Мать состояла в родстве с известным предпринимателем и меценатом Саввой Мамонтовым. «Девочка с персиками», изображенная Серовым, приходилось Марии Владимировне двоюродной сестрой. После октябрьского переворота семья Муравьевых эмигрировала за границу, но в середине 50-х Мария Плеханова вместе с мужем вернулась в СССР. Она поселилась в Нальчике и стояла у истоков кафедры романо-германских языков в нашем университете. Мы жили с ней в одном подъезде. Не знаю, почему она обратила на меня внимание и взяла под свою опеку. Занятия с Марией Владимировной были совсем не похожи на уроки в советской школе. Преподавателем она была строгим. Но материал усваивался гораздо быстрее. Через несколько лет я свободно читал французскую и английскую литературу на языке оригинала.

– Как давно Вы профессионально занимаетесь переводами?

– Все началось несколько лет назад с книги Александра Нажарра. Отрывки из его романа «Изгнанники Кавказа» я переводил для себя. Когда показал их профессору кафедры всеобщей истории Александру Мусукаеву, он настоял, чтобы я перевел книгу целиком. Вместе с Фуадом Эфендиевым помог ее издать

– С какими проблемами Вы столкнулись, работая над серией «Мир Черкесии»?

– С финансовыми. Спонсоров пока нет, зато есть долги. Надеюсь, со временем состоятельные люди поймут, что такая литература нам необходима.

Ирина ШАДОВА

Роман А. Шортанова «Горцы» в контексте северокавказских литератур

Период 60-х гг. XX в. справедливо характеризуется как пора наибольшего расцвета литератур Северного Кавказа. Определяя общие закономерности развития молодых литератур этого периода, Н. Джусойты отмечает: «На современном этапе роста для всех молодых литератур характерна одна черта: проза, особенно роман, становится ведущим жаром».¹

Роман зародился в основном с разработки исторической тематики, которая давалась писателям легче, чем тематика современная. Из исторических же проблем наиболее плодотворной была историко-революционная. Данная тенденция отмечается исследователями адыгейской, черкесской, балкарской, карачаевской, осетинской, ингушской и других литератур (Л. А. Бекизова, А. Караева, А. Х. Мусукаева, К. К. Султанов, Ю. М. Тхагазитов, К. Г. Шаззо и другие). Свидетельство тому – появление таких романов, как «Вершины не спят» А. Кешокова, «Род Шогемоковых» Х. Теунова, «Горцы» А. Шортанова, «Горные орлы» Ж. Залиханова, «В теснине» О. Этезова, «Мурат» М. Шаваевой, «Новый талисман» М. Мамакаева, «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой, и многих других.

Известный отечественный литературовед Г. И. Ломидзе отмечает, что «для исторического романа неизбежно возникает проблема соотношения потока исторических событий с человеческой личностью, с судьбой отдельного индивидуума... В «молодом» романе характер часто не поспевает за широкой поступью событий. События обгоняют одно другое, давая лишь условные сигналы об изменении времени».²

Следует ли расценивать обращение писателей к исторической тематике как уход от современности? Вероятно, вопрос стоит сложнее: обращение к прошлому народа, чаще всего – значительному, событийному и поворотному, есть попытка осмысления этого прошлого для решения не менее сложных проблем современности, для художественного воссоздания образа – героя, глубоко национального, но несущего в себе идеи интернационализма, нравственной чистоты, патриотизма и т. д. Художественное «поле» литературы значительно шире и глубже поставленных и решенных в произведении конкретных задач.

М. М. Бахтин отмечает: «Мир культуры и литературы, в сущности, также безграничен, как и вселенная. Мы говорим не о географической широте (здесь он ограничен), но о его смысловых глубинах, которые так же бездонны, как и глубины материи».³

Жанр романа в молодых литературах проходил сложный путь развития: в одних литературах он развивался параллельно с малыми жанрами прозы, в других – появившись сразу, определился как самостоятельный жанр.

¹ Джусойты Н. Г. От сказителя к писателю – путь далекий // Вопросы литературы», 1971. № 9. С. 32.

² Ломидзе Г. И. Расширение эстетического диапазона // Вопросы литературы», 1971. № 9. С. 18.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 344.

В целом следует отметить немало черт общности и сходства в поступательном развитии жанра, но все же в каждой литературе роман прошел свой, индивидуальный путь диалектического развития.

К примеру, в период 30-х гг. XX в. адыгейская романистика произведениями Т. Керашева обращается к проблемам современности. В романе «Шамбуль» (1932) писатель попытался отобразить целый ряд проблем, начиная от трудностей установления Советской власти в Адыгее и заканчивая характерным для национальных литератур вопросом эмансипации женщин. Многие исследователи называют в качестве примера-исключения адыгейскую литературу, развитие жанров в которой шло особым путем: жанр романа имел якобы ведущее положение, и подтверждается это произведением Т. Керашева «Шамбуль». Но указанный роман «был единственным в национальной прозе почти до 50-х гг. XX в. и еще дорабатывался писателем пятнадцать лет после публикации».¹

Роман Т. Керашева, при всех несомненных достоинствах, один не мог свидетельствовать о достижениях в адыгейской романистике 30-х гг. Как известно, позже, в 1947 г., роман был переиздан в новой редакции под названием «Дорога к счастью». В центре романа изображение ломки старого мира: советская власть установлена, но писатель убедительно показывает, что ломка старого мира и традиций значительно труднее и дольше во времени, чем завоевание новой власти.

Формированию жанра романа способствовало все развитие художественной мысли народов, а также влияние русской и мировой классики, что значительно обогащало художественно-образительные возможности в романе. Особенность адыгейской романистики, вероятно, не в том, что эпический жанр появился там раньше, чем в других литературах региона, а в ином: если, например, кабардинский роман формировался преимущественно как роман исторический – «Горцы» (1953) А. Шортанова, «Вершины не спят» (1965), «Род Шогомоковых» (1969) Х. Теунова, «Сломанная подкова» (1973), «Грушевый цвет» (1976) А. Кешокова, и другие, то адыгейский роман от «Дороги к счастью» Т. Керашева до романов 70-х гг. в основном остается верным теме современности.

Как отмечает Л. Арутюнов, «возникновение национальной литературы, как правило, связано с процессом активного общения с инонациональным и художественным общезначимым опытом. В ходе взаимодействия литератур разных уровней и этапов развития решаются проблемы их ориентации».²

Процесс общения кабардинской литературы с «инонациональными литературами» действительно проходил активно: на формирование ее художественного своеобразия немалое влияние оказали литературы других народов страны. В литературах региона роман явился естественным, внутренне необходимым итогом развития.

Преобладание в прозе реалистических тенденций, тяготение к многомерному анализу человека и действительности требовали совершенно новой, художественной эпической формы, позволяющей решать проблемы глубоких

¹ Шаззо К. Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах, Тбилиси, 1978. С. 89.

² Арутюнов Л. Национальный художественный опыт и мировой литературный процесс. М., 1972. С. 24.

социальных и нравственных конфликтов, воссоздавать в эволюционном развитии национальный характер.

Роман является «Эпосом частной жизни, изображением чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей» [58:122]. Определяющая особенность жанрового содержания романа состоит в том, что роман представляет индивидуальную жизнь и жизнь общества как относительно самостоятельные, не исчерпывающие. По поводу трактовки характера в романе М. Бахтин писал: «Человек до конца не воплотим в существующую социально-историческую плоть». И далее: «Одной из основных внутренних тем романа является именно тема неадекватности герою его судьбы и его положения. Человек или больше своей судьбы или меньше своей человечности.

Развитие романа в молодых литературах шло сложным путем. В некоторых он развивался параллельно с малыми жанрами поэзии и прозы, в других – появившись в период 30-х гг., определялся как самостоятельный.

Следует отметить, что в целом, несмотря на многие общие черты и определенное сходство поступательного развития, в каждой национальной литературе роман прошел свой путь. И, несмотря на все малые или большие проблемы, адыгейский роман 30-х гг. был значительным шагом вперед в процессе художественного осмысления исторических судеб народа. Т. Керашев, М. Дышеков, Х. Абуков в своих первых романах ставили высокую задачу: воссоздание значительных исторических моментов в жизни народа, а также изображение нового героя, несущего в себе лучшие национальные черты, героя-борца, сформировавшегося в конкретно-исторической общественной среде. Если попытаться конкретизировать появление первых романов в северокавказской литературе 30-х гг., то следует остановиться на следующих произведениях: «Шум бури» К. Фарниона (1929) – в осетинской; «Петимат» С. Бадужева (1930) – в чечено-ингушской, «На берегах Зеленчука» (1930) Х. Абукова и «Зарево» (1934) М. Дышекова – в черкесской; «Шамбуль» (1937) Ф. Керашева – в адыгейской, «Черный сундук» (1936) Х. Аппаева – в карачаевской. Основная проблематика произведений, их художественные миры связаны с социальными преобразованиями в жизни народа, изображением классовой борьбы, созданием характеров новых людей, и надо помнить, не уменьшая исторической роли этих произведений и их художественного значения, что таким было время, в которое они создавались, и именно условия и выдвигали свои требования.

Одним из живых источников, питавших литературу 60-х гг., стали традиции, сложившиеся в кабардинской прозе в 30-е гг. И несмотря на расширение жанрового диапазона, то есть появление жанра романа, сохранилась схема предыдущего этапа литературного процесса – альтернативное изображение реальной действительности. Преобладающими остаются и фольклорные традиции. Поэтому первые кабардинские романы базируются, как и произведения, созданные в 30-е гг., на традициях фольклора в романтическом освещении действительности.

Это объяснялось тем, что «романтическое (имеем в виду стиль, а не метод) освоение исторически новой действительности (точно так же, как

¹ Белинский В. Г. ПСС, Т.7, М., 1955. С. 122.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 480.

³ Там же. С. 479.

и нового взгляда на прошлое) оказалось для отдельных писателей на определенных этапах развития литературы словно «легче», доступнее, чем углубленный и широкий конкретно-реалистический анализ. Это бывает тогда, когда у художника нет еще точного, детального знания этой действительности, или когда он не в состоянии прочесть в многочисленных жизненных фактах действия ее глубинных закономерностей: естественно, в таком случае самые общие контуры явлений и типов, их «музыка», их дух и настроение схватывается легче, яснее, крепче, нежели фактическая ткань повседневности».¹

По мнению литературоведа В. Кожина, вполне естественно, что роман возникает вначале как непосредственное освоение новых человеческих отношений, нового небывалого взаимодействия человека и общества, тем самым прослеживаются этапы формирования жанра романа. «Поэтому первоначально роман формируется, по сути дела, вне воздействия каких-либо устойчивых литературных традиций – в известном смысле «на пустом месте». Новая форма словесного искусства вырастает непосредственно на почве самой жизни – на почве ее новых, ранее небывалых отношений и форм. И лишь потом зародившийся жанр подключается к многовековой традиции словесного искусства, отбирая в ней то, что ему, так или иначе, близко и родственно».²

Авторы первых адыгских романов ставили те же художественные задачи, которые стояли в центре большинства романов 20–30-х гг. в развитых национальных литературах, – «дать широкую многоплановую картину эпохи революции, осмыслить жизнь и свое место в ней... понять исторические судьбы народа в соотношении с личной судьбой и судьбой человечества».³

Итак, адыгский роман зарождался с обращения к исторической тематике. Изображение исторических событий, которые произошли при жизни писателей, давались легче. Писатели-романисты, художественно не осмыслив прошлое своего народа, не могли обратиться к современности. Поэтому плодотворной темой первых адыгских романов, как и в «малых» жанрах 30-х гг., стала историко-революционная.

Проблему обращения писателей северокавказского региона к исторической тематике исследователь А. Х. Мусукаева рассматривает следующим образом. «Является ли обращение писателей к исторической тематике свидетельством тому, что в литературах региона есть тенденция ухода от современности, как может показаться на первый взгляд? Думается, что вопрос стоит сложнее: обращение к революционному и военному прошлому своего народа свидетельствует о желании художников слова через призму прошлого ставить проблемы нравственных исканий современности, увидеть эволюцию этих исканий, ответственность и долг человека перед обществом, перед временем».⁴ В кабардинской литературе роман явился естественным, необходимым и назревшим итогом развития литературы. Преобладание в послевоенной прозе реалистических, аналитических тенденций, тяготение к многомерному анализу человека и общества, человека и действительности требовали

¹ Новиченко Л. Н. Радьянске литературознавство / Пер. с укр. Н. Надьярных. 1959. № 4. С. 11.

² Кожина В. В. Происхождение романа. М., 1963. С. 42.

³ Кузнецов Ф. Ф. Пафос историзма // Избранное. Т. 1. М., 1981. С. 479.

⁴ Мусукаева А. Х. Северокавказский роман. Нальчик, 1993. С. 149.

совершенно новой, художественной эпической формы, позволяющей решать сложные и глубокие исторические, социальные и нравственные проблемы, показывать в процессе становления и совершенствования национальный характер. Он становится формой, способной отобразить жизнь человека с небывалой для прежнего искусства полнотой, во всех многосторонних связях ее с действительностью, раскрывая при этом субстанциальные черты самой этой действительности. Эти возможности жанра были реализованы в романах М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского и др.

Если в кабардинской литературе 60-х гг. XX в. жанры рассказа и повести в основном отмечены стремлением к изображению современности, то жанр романа отличался исторической направленностью. В одних литературах исторический роман воссоздавал прошлое народа с художественной глубочайшей детализацией, с углубленным исследованием, с художественным этнографизмом, в других – история народа соотносилась с современностью.

Рождению и становлению жанра романа в кабардинской литературе в большей степени способствовало наличие развитой повести.¹

Повесть по особенностям своей художественной структуры все более сближалась с романной формой, так же расширяя границы познания и отображения жизни. Определенная последовательность в развитии прозаических жанров наблюдается не только в кабардинской литературе, но и в балкарской, адыгейской, чечено-ингушской, дагестанских. При анализе этапов развития национальных литератур, их движения от фольклора, поэтических жанров к эпическим жанрам прозы неоднократно в прошлые времена возникал вопрос: не является ли стремление к роману обязательным и навязанным национальным литературам, и не подгоняются ли истории отдельных литератур под уже «выработанные» этапы развития литератур вообще и прозы в частности: документальный очерк, рассказ, повесть, роман. Но обратимся к очеркам истории национальных литератур и к монографическим работам, посвященным вопросам формирования национальной прозы: Л. Бекизова «От богатырского эпоса к роману», Ф. Урусбиева «Путь к жанру», Ю. Прокопьев «От рассказа к роману», З. Толгуров «В контексте духовной общности», А. Мусукаева «Северокавказский роман», «Художественная и этнокультурная типология», К. Султанов «Динамика жанра» и другие. Но дело, думается, не в формулировках, дело в естественных, идущих от жизни этапах развития национальных литератур, проходящих сложный путь развития от очерка к роману. В кабардинской литературе, к примеру, прослеживается именно этот путь развития. Если мы рассмотрим этапы эволюции и творчества отдельных художников слова, то увидим ту же закономерность.

Кабардинский писатель, ученый и драматург Аскерби Шортанов прошел большой творческий путь: от очеркиста до романиста, в то же время в его творчестве органично сосуществовали очерк и повесть, литературная критика и драматургия, эссе и роман. Так же и в литературе в целом поступательное движение от очерка к роману не означает отказа от опыта других жанров. Если прозе 30-х гг. жизненно необходимы были наиболее доступные малые жанры, имевшие и такой несомненный плюс, как оперативность, то в 50-х гг. появление первой книги социально-исторического кабардинского романа «Горцы» А. Шортанова было явлением закономерным и значительным.

¹ Мусукаева А. Х. Поиски и свершения. Нальчик, 1978.

Памятные даты. Пачев Бекмурза Машевич, Сейфеддин Омер, Маммеев Ибрагим Шакманович	3
Алим Тепеев. Восхождение на старую башню. Главы из романа	8
Зарина Канукова. Зазеркальный канон. Стихи	27
Борис Кудав. Дипломаты. Рассказ	33
Анфиса Канукова. Синамис. Рассказ	43
К юбилею Ю. Х. Темирканова. Пишкан Таов. Послесловие к юбилею. Очерк	52
К юбилею Э. М. Мальбахова. Гарий Немченко. Дружище Элик	56
К юбилею З. Х. Толгурова. Очерк	69
К юбилею М. А. Беппаева. Кайсын Кулиев. Мета поиска. Очерк	74
Муталип Беппаев. Стихи	75
К юбилею Б. М. Чипчикова. Очерк	79
Оксана Бжамбеева. Стихи	87
Анатолий Сытник. Стихи	90
Галина Емыкова-Темиржанова. Стихи	92
Юрий Гетоков. Стихи	95
Хашият Кунижеева. Каучуковая платформа. Ястреб и ворона. Пойду горничной. Чак Норрис. Миниатюры	98
Мухаб Бжеников. Зрелость. Очерк	100
Хасан Шогенов. Народный педагог и талантливый организатор народного образования. Очерк	105
Жаухар Аппаева. Профсоюзный лидер. Очерк	106
Людмила Загаштокова. Меценат. Очерк	110
Фатима Дударова. Маленьких ролей не бывает. Мечты сбываются. Очерки	113
Литературная студия «Свеча»: Фатима Тазова, Милана Теунова, Иветта Чурсинова, Юлия Криштал, Ашамаз Шомахов, Кира Голикова, Мария Дурнева, Екатерина Гайко, Иссана Хожяева, Борис Алексеев, Людмила Величко. Стихи и проза	117
Заур Налоев. Институт орадус. Статья	135
Сафарби Бейтуганов. Книга, рецензия и отзыв. Статья	144
Людмила Маремкулова. Штрихи к портрету Шемякина (Карданова). Статья	150
Светлана Моттаева. Балкарская литература после Кайсына. Статья	158
Мусаби Шхануков. Язык, словесность, литература – хранители исторического прошлого, культурно-национального духа народа. Статья	163
Анна Котлярова. Поэтическая орография: горный текст в поэзии Бунина. К проблеме трансформации образа Кавказа в российском сознании. Статья	167
Мариана Афаунова. Роль изучения словосочетаний в 8–9 классах кабардинской школы. Статья	173
Амина Глебзухова. Некоторые грамматические особенности глаголов движения. Статья	179
Алла Лунина. Воспитание экологической культуры учащихся. Статья	182
Оксана Маичукова. Использование ИКТ технологии в процессе обучения русскому языку и литературе. Статья	184
Людмила Жамгуразова. Фольклор как инструмент познания элементов хабзэ. Статья	186
Султан Пишибиев. По следам мошенника. Рассказ	192
Хусей Кулиев. Ах, женщины, женщины!.. На остановке. Юмористические рассказы	196
Эдуард Битиров. «Такая литература нам необходима...». Интервью	199
Ирина Шадова. Роман А. Шортанова «Горцы» в контексте северокавказских литератур. Статья	202

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.01.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 13.

Тираж 2060 экз. Заказ № 5.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
